

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Н. Рудаков

МОНГОЛО-ТАТАРЫ
глазами древнерусских
книжников
середины XIII—XV вв.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство

КВАДРИГА

Российская академия наук
Институт всеобщей истории

Государственный военно-исторический и природный
музей-заповедник «Куликово поле»

МОСКВА
Квадрига
2009

В. Н. Рудаков

МОНГОЛО-ТАТАРЫ

глазами древнерусских книжников
середины XIII—XV вв.

*оцифровано
ColonEast*

МОСКВА
Квадрига
2009

УДК 94(47) "653"

ББК 63.3(2)42

Р 83

Ответственный редактор
доктор исторических наук

И. Н. Данилевский

(Институт всеобщей истории РАН)

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор А. С. Демин
(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН)

доктор исторических наук, профессор Т. Н. Джаксон
(Институт всеобщей истории РАН)

Рудаков В. Н.

Р 83 Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины
XIII–XV вв. / Владимир Рудаков. – М.: Квадрига, 2009. – 248 с.+илл.

ISBN 978-5-904162-09-2

Ордынская тема – важнейшая в средневековой русской литературе. Монгольское нашествие представляло собой рубежный момент в истории Руси и именно так воспринималось современниками событий и ближайшими потомками.

Реконструкция представлений о монголо-татарах, предпринятая на материале памятников древнерусской литературы, позволила определить наиболее важные аспекты восприятия ордынцев, проследить эволюцию взглядов средневековых авторов на феномен завоевания и выявить наиболее характерные способы изображения «поганых». Интерпретация деталей описания, содержащих оценочные характеристики монголо-татар, позволила выявить установки сознания XIII–XV веков, определявшие систему координат, с которой древнерусские книжники подходили к осмыслению и изображению происходящих событий.

В. Н. Рудаков сумел заметить и прояснить восприятие русскими людьми пришельцев, предопределивших и результаты нашествия, и длительность пребывания земель под властью ордынских ханов, и освобождение от ордынского владычества. Ключом к пониманию восприятия книжником татар стали тексты исторических источников, упущенные предшественниками: так называемые общие места, устойчивые формулировки, цитаты из Библии и святоотеческой литературы. В. Н. Рудаков основывается на системе доказательств, которые могут быть проверены каждым. В основе выводов – максимально точное выявление смысла, заложенного автором источника в его текст, что дает ему возможность понять своего «собеседника из прошлого».

Такой подход позволил по-новому увидеть события, известные каждому со школьной скамьи, увидеть нашу историю глазами человека, который историю «делал», а, значит, лучше понять его – и себя самого.

УДК 94(47) "653"

ББК 63.3(2)42

ISBN 978-5-904162-09-2

© Рудаков В. Н., 2009

© Издательство «Квадрига», оформление, 2009

© Никулин А. Ю., дизайн переплета, 2009

Предисловие

Книга, которую вы сейчас открыли, необычна. Мы привыкли думать, что история – наука, восстанавливающая прошлое, воскрешающая «как это было на самом деле»: кто, когда, кого... При этом мы даже не задумываемся, *зачем* нам это нужно. Как, впрочем, не задумываемся и над тем, что нас больше волнует не то, *что* конкретно происходило, а – *как* это воспринималось и представлялось современникам и участникам, а теперь нами.

Скажем, вряд ли нас волнует то, что однажды, около 227 тысяч средних солнечных суток назад, на сравнительно небольшом участке земли (около 9,5 кв. км), расположенном в географической точке с координатами 53°35' северной широты и 38°40' восточной долготы и ограниченном с двух сторон реками, собралось несколько тысяч представителей биологического вида *Homo sapiens*, которые на протяжении значительной части светового дня при помощи различных приспособлений уничтожали друг друга. Затем оставшиеся в живых разошлись: одна группа отправилась на юг, а другая – на север...

Между тем это – предельно объективное описание того, что именно происходило, по большому счету, «на самом деле» на Куликовом поле 8 сентября 1380 года.

Нет, нас интересует совсем иное: кем себя считали эти самые «представители», как они представляли свои сообщества, из-за чего и почему они пытались истребить друг друга, как они оценивали результаты происшедшего акта самоуничтожения и тому подобные вопросы. Так что нас, скорее, занимает то, что происходило в их головах, а не то, что происходило «на самом деле».

Кстати, даже такое объективное, как кажется на первый взгляд, описание события, если присмотреться внимательнее, основывается на субъективных образах, метафорах, существование которых – результат определенных договоренностей между людьми: это и десятиричная система счета, и изменение времени средними солнечными сутками, и упоминание биологического вида, и географические координаты, и

меры площади, и наименование «класса» географических объектов (река)...

Приходится признать, что любое описание – субъективно. Требовать же объективности описания не только у гуманитариев, но и у представителей точных и естественных дисциплин не приходится. Последние, скажем, величину, характеризующую состояние термодинамического равновесия системы (температуру), измеряют объемом или электрическим сопротивлением тела, выраженными в некоей условной системе единиц – градусах, величина которых, в свою очередь, установлена более или менее произвольно Кельвином или Фаренгейтом, или Цельсием, или Реомюром... Заметим, что абсолютно «объективные» результаты при этом будут различны – поскольку все они по-своему субъективны!

Так вот, история – в отличие от своих «точных» и «естественных» сестер-наук – эту субъективность признает. Мало того, в последние десятилетия она все чаще использует эту субъективную составляющую исторических описаний для того, чтобы понять происходившее когда-то: *что* двигало участниками того или иного события, почему они поступали так, а не иначе, за что они боролись, чего хотели достичь. И книга В. Н. Рудакова – лучшее тому подтверждение.

Обратившись к теме, которая, кажется, изучена вдоль и поперек, он сумел заметить и прояснить ту сторону отношений между Русью и Ордой, которая почти всегда оставалась в тени, но которая, тем не менее, самым существенным образом влияла на развитие событий на протяжении четверти тысячелетия. Именно восприятие древнерусскими людьми пришельцев с востока, как вполне убедительно показал автор, в значительной степени предопределило и результаты нашествия, и длительность пребывания русских земель под властью ордынских ханов, и освобождение от ордынского владычества.

Не менее любопытно, что ключом к пониманию того, *как* древнерусский книжник воспринимал «татар», для В. Н. Рудакова стали те тексты исторических источников, которым традиционная историография, по существу, отказывала в способности нести сколько-нибудь существенную историческую информацию. Речь идет о так называемых общих местах, устойчивых формулировках, «литературном этикете», «религиозной риторике», а то и просто о более или менее пространственных цитатах из «чужих» текстов: Библии, святоотеческой литературы, апокрифов, гомилетики. То, что предшественники В. Н. Рудакова считали «архитектурными излишествами» и от чего всеми путями стремились избавиться (вплоть до прямого исключения из реконструкций «первоначальных» текстов), для нашего автора превратилось в путеводитель по мыслям

и чаяниям древнерусских авторов. Память контекста цитат и метафор, использовавшихся в оставленных ими описаниях, стала проводником в духовный мир древнерусского человека, скрытый до того от взора исследователя.

Немаловажно и то, что путь, по которому прошел автор – и предлагает пройти читателю, – основывается на системе доказательств, которые могут быть проверены каждым сомневающимся. Выводы, к которым приходит В. Н. Рудаков, строго научны. В основе их не субъективные впечатления современного читателя, а максимально точное (насколько это вообще возможно) выявление смысла, заложенного автором источника в его текст. При этом сам исследователь почти полностью (насколько это тоже возможно) отказывается от незаметных мыслительных привычек своего времени. И это дает ему возможность (хотя бы надежду возможности!) лучше, чем предшественники, понять своего собеседника из прошлого. Результат, надо сказать, прекрасный для той сферы познания, которая обращена к самой субъективной, по сути своей, стороне жизни: мыслям и чувствам человека прошлого.

Такой подход, в свою очередь, позволяет по-новому увидеть события, известные каждому нашему соотечественнику со школьной скамьи, увидеть свою собственную историю другими глазами: глазами человека, который эту самую историю и делал, а значит, лучше понять его – и себя самого.

А в этом, вероятно, и кроется основная задача истории как науки.

*И. Н. Данилевский,
заместитель директора Института всеобщей истории РАН,
доктор исторических наук*

ВВЕДЕНИЕ

«Ордынская» тема являлась одной из важнейших в русской литературе середины XIII–XV веков. По меткому определению А. С. Демина, ордынцы, или «татары» (как называли их во множестве произведений древнерусской литературы – от повестей XIII века о татарском нашествии до повестей XIV века о Куликовской битве и сказаний XV века о падении монголо-татарского ига), были «самой главной, самой больной и повседневной темой» русских средневековых книжников¹.

Это вполне понятно: нашествие монголо-татар представляло собой рубежный момент в истории средневековой Руси и, судя по всему, именно как определенный рубеж воспринималось современниками происходивших событий, а также их ближайшими потомками. Масштабы нашествия, необычность монголо-татар как этноса (иное поведение в быту или в бою, иные нравы, «языковой барьер» и др.), небывалые бедствия, вызванные их приходом на Русь, последовавшая за нашествием вынужденная вовлеченность русских земель в орбиты политических интересов многочисленных ордынских кланов, да и само многовековое сосуществование – все это и многое другое предопределило то внимание, с каким древнерусские авторы обращались к «ордынской» теме. Об особой значимости данной темы в литературном процессе эпохи свидетельствует наличие огромного количества памятников, представляющих различные литературные жанры (воинские повести, жития святых, поучения) и сохранившихся в многочисленных списках.

Впрочем, повествуя о «татарах», книжники не могли обойти стороной вопросы, связанные с *морально-нравственной оценкой* общества, в котором они сами жили. В этом смысле восприятие монголо-татар было неразрывно связано с теми морально-нравственными и интеллектуальными исканиями, которые определяли основные векторы духовного развития русского общества в рассматриваемый период. В рассказах о «татарах» древнерусские писатели зачастую затрагивали важнейшие для своего вре-

¹ *Демин А. С.* «Язычи»: Неславянские народы в русской литературе XI–XVIII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 190. Ср., напр.: *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. Изд. 6-е, испр. М., 1956. С. 213, 305–306; *Кусков В. В.* История древнерусской литературы. Изд. 5-е, испр. и доп. М., 1989. С. 139, 176–177.

мени темы – обретения святости путем праведного поведения, служения Русской земле и собственному сюзерену, поиска правды, победы веры над безверием, торжества православия над «поганством», измены интересам христианства и неминуемой расплаты за предательство, спасения в ситуации грядущего Страшного суда и т.д.

Характерный пример: практически во всех памятниках, созданных вскоре после нашествия, появление монголо-татар и поражения русских князей рассматриваются в неразрывной связи с той «духовной ситуацией», которая сложилась на Руси в предшествующий период. Осознание собственной «греховности» и последовавший вслед за этим призыв к «покаянию», возникшие как итог рефлексии древнерусских писателей по поводу ордынского нашествия, явились важнейшими факторами духовного развития русского средневекового общества середины XIII–XIV века².

Произведения древнерусской литературы, появившиеся в качестве откликов на победы Руси над «татарами» (памятники «куликовского цикла»); сочинения, посвященные «стоянию на Угре»), также вобрали в себя важнейшие элементы самооценки русских. Как писал Ф. И. Буслаев, монголо-татарское иго «побудило русский дух к сознанию своей христианской национальности в противоположность поганым варварам»³. Именно в результате переосмысления феномена монголо-татарского владычества вызревает «новая политическая идеология» Русского государства, главными составляющими которой явились идеи о «Москве – Третьем Риме», о богоизбранности русского народа и великокняжеской власти⁴. Иное видение статуса Руси, в свою очередь, предопределило и иное отношение к «поганым» вообще и к борьбе с ними в частности. Новые черты в восприятии ордынцев существенным образом повлияли также и на способы изображения захватчиков.

Важно иметь в виду, что на характер восприятия, а также на способы изображения монголо-татар влиял *провиденциализм* древнерусских книжников. Восприятие и изображение монголо-татар осуществлялось в рамках свойственного средневековому сознанию представления о том, что события земной жизни человека являются отражением событий «мира

² См.: *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 2. М., 1998. С. 206–207.

³ *Буслаев Ф. И.* История русской литературы (Лекции, читанные Его Императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. 1859–1860 гг.). Вып. 2. М., 1905. С. 181.

⁴ См., напр.: *Кудрявцев И. М.* «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV века // ТОДРЛ. Т. 8. М.; Л., 1951. С. 167–171; *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 115–118. Ср.: *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925. С. 225–226.

невидимого»⁵. Действовал «принцип», согласно которому событие было «существенно... постольку, поскольку оно являлось со-Бытием»⁶, а «сами факты земной жизни в сознании человека представляли не иначе как знаки и образы, связанные с действием и волеизъявлением Творца»⁷.

Именно с позиций провиденциализма русская средневековая литература подходила к осмыслению и самого феномена монголо-татарского нашествия, и причин появления на Руси «поганных» иноплеменников, и к поиску возможных выходов из создавшейся – весьма плачевной для Руси – ситуации. Именно в рамках представлений о «провидении Господнем» как первопричине событий земной жизни человека рассматривались вопросы, связанные с проблемой возможного противостояния монголо-татарам.

Немаловажное влияние на отображение монголо-татар оказали и эсхатологические ожидания эпохи ордынского завоевания: «Будучи уверен, что последние времена не за горами, человек обостренно реагировал на происходящее, видя в каждом “знамени” намек на грядущие бедствия, в каждом бедствии – штрих создаваемой на его глазах всемогущим небесным художником грандиозной картины крушения мира»⁸.

Поэтому кажущиеся на первый взгляд этикетными рассказы книжников о действиях сил «невидимого мира» на самом деле оказываются чрезвычайно важными для понимания отношения авторов к описываемым ими событиям земной жизни. Как в свое время точно подметил А. И. Клибанов, «религиозные мотивы, вплетающиеся в ткань» произведений древнерусской письменности, «не могут быть отброшены как довески или шелуха без ущерба для изучения их как памятников средневековой мысли и литературы»⁹.

Между тем, за редким исключением¹⁰, в работах исследователей доминировало представление о том, что никакого особенного (средневеково-

⁵ См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 25–26.

⁶ Данилевский И. Н. Библия и Повесть временных лет (К проблеме интерпретации летописного текста) // ОИ. 1993. № 1. С. 79.

⁷ Кириллин В. М. Символика чисел в древнерусских сочинениях XVI века // Естественнаоучные представления в Древней Руси. М., 1988. С. 106.

⁸ См.: Плугин В. А. Мирозрение Андрея Рублева. Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974. С. 33–34.

⁹ Клибанов А. И. «О светло светлая и красно украшенная земля Русская!» // Новый мир. 1980. № 9. С. 182.

¹⁰ См.: Шамбинаго С. К. Русское общество и татарское иго // Русская история в очерках и статьях. Т. 1. М., 1909. С. 576–587; Шахматов М. В. Отношение древнерусских книжников к татарам // Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Т. 1. С. 165–173; Борисов Н. С. Русская культура и монголо-татарское иго: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976; Он же. Куликовская битва и некоторые вопросы духовной жизни Руси XIV–XV вв. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1980. № 5. С. 56–66; Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая половина XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – нач. XX в. Вып. 1. М., 1990. С. 15–69; Горский А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 190–276, 306–334.

го, отличного от современного) отношения к «татарам» не было вообще. В исследованиях и историков, и литературоведов, писавших на «ордынскую» тему, целенаправленно реализовывалась «презумпция тождественности» сознания – древнерусского и современного. Понятно, что в рамках такого подхода выявление каких-либо специфических (присущих главным образом средневековому сознанию) особенностей восприятия монголо-татар было необязательным. Скорее наоборот: «в дело» шло лишь то, что, по мнению исследователей, соответствовало представлениям современной им эпохи. При этом, дежурно указывая на религиозное по своей природе мировоззрение средневековых книжников, исследователи зачастую игнорировали многочисленные «общие места» произведений древнерусской литературы, полагая, что это в лучшем случае риторические украшения текста, а то и просто дань литературной моде.

Понятно, что в силу такого отношения к источникам у исследователей сформировались весьма специфические представления об эпохе монголо-татарского нашествия, о самих «татарах», а также русском обществе той поры. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что практически вся эпоха со второй половины XIII до конца XV века долгое время рассматривалось исключительно под призмой «героической борьбы русского народа с монголо-татарскими завоевателями»¹¹. В рамках этой «концепции» ордынцы описывались исключительно в качестве врагов, с которыми русские люди беспрестанно боролись. При этом ускользали не только «оттенки враждебности», но и, что более существенно, непрерывно осуществляемые книжниками попытки понять, что происходит, в какой духовной ситуации находится Русь и как следует поступать отдельно взятому человеку в этих тяжелых, иногда просто страшных обстоятельствах. Историография традиционно на каждый из этих – разных по своей сути – вопросов давала один и тот же ответ: древнерусская литература на протяжении всего периода ига призывала к борьбе с ордынцами. А то, что плоды этой борьбы на протяжении целых столетий не были заметны, – «всего лишь» вина удельного строя, феодальной раздробленности, неспособности правящих кругов к объединенному отпору неприятелям.

При таком подходе к описанию «татарских» сюжетов едва ли не самым распространенным способом подтверждения априорной «концепции борьбы» стала банальная модернизация прошлого, «подтягивание» исторического материала под «правильную» концепцию, «удревнение» источников.

¹¹ См., напр.: История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1945; Рыбаков Б. А. Борьба Руси с Батысом // Народ-богатырь. IX–XIII вв. М., 1948. С. 36–55; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Ч. 1. М., 1953. С. 836–838; Шевяков В. Н. Подвиг русского народа в борьбе против татаро-монгольских захватчиков XIII–XV вв. М., 1961. С. 13; История русской литературы. Т. 1. Л., 1980. С. 94 и др.

Весьма показательны в этом смысле случаи, когда, например, для рассказа о Батыевом нашествии активно привлекались памятники заведомо более поздних исторических эпох, содержащие, помимо прочего, в том числе и легендарные повествования о борьбе с «татарами». В числе таких памятников, призванных в простой и доступной форме проиллюстрировать читателям (особенно в популярной и учебной литературе) героизм защитников русских земель, – «Повесть о разорении Рязани Батыем». Со школьной скамьи памятливы извлеченные из этого произведения литературы первой половины XVI века рассказы о богатыре Евпатии Коловрате, о гибели рязанского князя Федора и его жены Евпраксии, выбросившейся с малолетним сыном из «превысокого храма» при известии о подходе к городу полчищ Батыя и др.¹² Другой пример: «Сказание о Мамаевом побоище» – произведение, вероятно, конца XV или начала того же XVI века, по-прежнему активно используемое для реконструкции событий Куликовской битвы 1380 года (вспомним хотя бы хрестоматийные рассказы о поединке русского воина Александра Пересвета с татарским

¹² Вкратце ситуация с датировкой памятника такова. Разброс датировок колеблется от конца XIV века (в это время, по мнению Д. С. Лихачева, «Повесть» уже существовала, правда, не в том виде, в котором дошла до наших дней: в ней, полагает исследователь, отсутствовал хрестоматийный рассказ о Евпатии Коловрате, не было «плача Ингваря Ингоревича» и ряда других эпизодов) до второй половины XVI века (по мнению Б. М. Клосса, именно к этому периоду восходит датируемый им основной источник произведения, заимствовавший, в свою очередь, всю «оригинальную» информацию из «летописного свода 1479 года»). По мнению А. О. Амеликина, «Повесть» могла возникнуть около 1530 года (см.: Амеликин А. О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI века (По материалам агнографических сказаний и памятников фольклора). Машинопись. М., 1992. С. 101, см. также: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 172–179). Однако если вопрос о времени создания всего произведения и можно назвать спорным, то позднюю датировку появления в «Повести» оригинальных известий о «татарах» вряд ли можно оспаривать. Кстати, Д. С. Лихачев – автор самой ранней датировки (концом XIV века) отдельных частей «Повести» – еще в работе, опубликованной в 1963 году, признавал, что и рассказы о подвигах Евпатия Коловрата, о гибели князя Федора и его жены Евпраксии, выбросившейся с малолетним сыном из «превысокого храма» при известии о подходе полчищ Батыя к городу, и плач Ингваря Ингоревича, и сюжет о гибели Олега Красного – суть позднейшие вставки, «сделанные на основании фольклорных источников» или же заимствованные из более поздних литературных произведений. «Если мы исключим из «Повести о разорении Рязани Батыем» все эти вставки, – писал Д. С. Лихачев, – то получим приблизительно то же самое содержание, которое отразилось в рассказе Новгородской I летописи о нашествии Батыя на Рязанскую землю» (см.: Лихачев Д. С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Д. С. Лихачев Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 263). См. подр.: Рудаков В. Н. К проблеме восприятия монголо-татар в древнерусской книжности (на материале «Повести о разорении Рязани Батыем») // Книговедение: Новые имена: Сб. науч. ст. Вып. 2. М., 1997. С. 41–42; Он же. Повесть о разорении Рязани Батыем // Энциклопедия литературных героев. Русский фольклор и древнерусская литература. М., 1998. С. 224–226. Новейший исследователь – Б. М. Клосс – полагает, что «цикл в целом не мог сложиться ранее первой трети XVI века, а включение в него легенды о Федоре и Евпраксии отражает стремление осмыслить наименование г. Зарайска». См. подр.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. М., 1998. С. 415–416.

богатырем или эпизод с благословением Дмитрия Донского Сергием Радонежским)¹³.

В результате таких «натяжек» отношение русских к «татарам» представлялось застывшим, лишенным всякого динамизма. Получалось, что на протяжении почти трех веков (с 30-х годов XIII века и до конца XV века) в общественном сознании, по крайней мере, той его части, которая «отвечала» за восприятие одного этноса другим, практически ничего не менялось. В итоге создавалось впечатление, что *изменялись лишь возможности государства* противостоять ордынцам, *сознание же людей оставалось неизменным*: как и жители русских княжеств XIII века, русские люди XV века готовы были бороться с татарами за свою независимость. Разница была лишь в том, что, если в XIII веке предпосылок для их победы еще не существовало, то спустя два с лишним столетия они наконец-то возникли.

Более корректным представляется иной подход к историческому материалу: от источника к концепции, а не наоборот. От реконструкции того, как воспринимали «татар» древнерусские книжники, и того, что они хотели донести до читателя, к тому, *«как было на самом деле»* (разумеется, в той мере, насколько это возможно в принципе). Впрочем, в задачи нашего исследования вовсе не входит реконструкция тех или иных *реалий* исторического процесса: путь к «реалиям» неизбежно должен пролегать через реконструкцию восприятия, через выявление «установок сознания», существенным образом повлиявших на появление в источниках той или иной информации о прошлом. Как раз о восприятии монголо-татар в памятниках книжности середины XIII–XV века и пойдет речь. Таким образом, в поле зрения исследования оказываются основные произведения древнерусской литературы, посвященные ордынской тематике: начиная с первых летописных откликов на нашествие монголо-татар и заканчивая рассказами о падении ордынского ига на Руси.

В основе любого (в том числе и художественного) восприятия явлений окружающего мира лежат *мировоззренческие, идеологические* (в широком смысле), *психологические установки*¹⁴. Действительно, *восприятие*, понимаемое в современной психологии как «сложная система процессов приема и преобразования информации», представляет собой органичный синтез

¹³ Подробнее см. главу «Ордынцы в произведениях “куликовского цикла”».

¹⁴ Судя по всему, именно психологическая установка – произвольная и часто не осознаваемая самим субъектом форма отношения к действительности – определяет характер и способы восприятия объекта. Обладая крайней устойчивостью в сознании, психологические установки «очень плохо поддаются изменениям под влиянием рациональных доводов», их эволюция чрезвычайно замедлена, их реакция на «внешние» изменения достаточно низка (Кон И. С. Психология предрассудка // Новый мир. 1966. № 9. С. 188–190).

чувственного и рассудочного отношения человека к миру¹⁵. При этом стоит иметь в виду, что отображение исторических реалий в литературе опирается на сформировавшиеся у книжников представления о причинах, сути, значении произошедших событий, о характере поступков участвовавших в них лиц, о целом ряде иных фактов и их взаимосвязей.

Восприятие и изображение «чужих» народов чаще всего облечено в форму субъективной оценки, активно подвержено *мифологизации* и даже введению фантастического начала¹⁶. Приписывание «воспринимаемому» этносу несвойственных ему черт или гиперболизация реально существующих особенностей его поведения в большей степени связаны с процессом самоидентификации «воспринимающего» этноса. Это своего рода рефлексия – так сказать, «методом от противного».

Обязательное привнесение ценностных критериев делает восприятие одного этноса другим эмоционально окрашенным, предвзятым. Степень такой предвзятости зависит от насыщенности и направленности контактов двух этносов, от степени соответствия (или несоответствия) «воспринимаемого» этноса ценностным ориентирам этноса «воспринимающего».

Иными словами, формирование этих установок предопределено влиянием целого ряда факторов. К числу наиболее значимых среди них, безусловно, следует отнести социальный опыт индивида (или группы людей), существующие и воспринятые обществом *ценностные ориентиры* и соотношенные с ними *представления о «должном» и «недолжном»*, наконец, *самооценку* общества в рамках усвоенной им «шкалы ценностей»¹⁷.

¹⁵ В результате совокупность процессов восприятия обеспечивает субъективное, пристрастное и вместе с тем адекватное отображение окружающей действительности. См.: БСЭ. Т. 5. М., 1971. С. 382–383 (автор статьи – В. П. Зинченко).

¹⁶ *Стенанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 472; *Белова О. В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2007. С. 7–10, 15–16.

¹⁷ Специфика восприятия одного этноса другим такова, что воспринимающая культура познает субъект исходя из собственных представлений об эталонах поведения. В социологии и этнологии подобная склонность «рассматривать и оценивать явления и черты чужой культуры, чужого народа сквозь призму культурных традиций и ценностей своей собственной этнической группы» получила название этноцентризм (см.: *Кон И. С.* К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971. С. 127). В силу этноцентристской ориентации, имманентно присущей восприятию одного этноса другим, можно говорить о том, что в известном смысле процесс восприятия и, таким образом, познания «другого» является одной из сторон национального самовосприятия и самопознания. Ведь самосознание себя, своей общности в качестве «мы» («свои») необходимо связано с осознанием и противопоставлением себе такого феномена, как «они» («чужие», «другие»). По словам Л. З. Копелева, «*homo sapiens* ощущает себя как личность, узнавая других людей; в одновременном познании “своего” и “чужого” возникают и развиваются семья, род, народ, нация» (*Копелев Л. З.* Чужие // *Одиссей. Человек в истории.* 1993. М., 1994. С. 8). При этом «они» («чужие», «другие») могут восприниматься как конкретные, определенные, так и абстрактные, неопределенные этносы, группы людей. Роль в культуре упомянутого противопоставления чрезвычайно велика. Судя по всему, само

В задачи данного исследования входит реконструкция *основных составляющих целостного восприятия* монголо-татар русскими средневековыми авторами середины XIII–XV века. Нас интересуют, во-первых, представления древнерусских писателей по поводу *причин монголо-татарских нашествий* на русские земли, во-вторых, восприятие ими *феномена власти монголо-татарских ханов*, в-третьих, оценка книжниками *возможностей и перспектив сопротивления* ордынцам и, наконец, в-четвертых, то, каким образом авторы рассматриваемых произведений определяли *эталон должного поведения* человека в условиях «татарщины».

Понятно, что реконструкция перечисленных аспектов восприятия тесно связана с выявлением и анализом деталей описания ордынцев в произведениях древнерусской литературы, тех ценностно-окрашенных характеристик, которые присваивали «татарам» книжники. При этом в большинстве случаев речь идет о неявных характеристиках, о смыслах, скрытых в нейтральных на первый взгляд деталях описания, об аналогиях и сравнениях, имеющих, казалось бы, вполне риторический, «этикетный» характер.

Именно такие детали повествования и нуждаются в аккуратной и, самое главное, адекватной интерпретации – адекватной главным образом тому культурному (в том числе и литературному) контексту, в котором создавались те или иные произведения. Очевидно, что в такой работе следует исходить из «презумпции осознанности» тех или иных художественных поступков книжника. Иными словами, из того, что та или иная информация о «татарах» (об особенностях их поведения в тех или иных ситуациях, причинах тех или иных поступков, «свойствах национального характера» и многом другом), судя по всему, появлялась в литературных произведениях не «просто так». Фиксация тех или иных сведений о «татарах», тех или иных оценок их поведения, вероятно, осуществлялась согласно творческому замыслу писателей – авторов произведений древнерусской литературы – потому, что *это им было нужно, именно так они представляли описываемую действительность*. Поэтому определение замысла того или иного книжника также имеет немаловажное значение для настоящей работы.

Автор исследования считает своим долгом высказать самые теплые слова благодарности своим учителям, в разное время направлявшим его научный поиск, – Игорю Николаевичу Данилевскому и Анатолию Сергеевичу Дсмину. Являться их учеником – огромная честь. Также автор признате-

противопоставление «мы – они», «свои – чужие» буквально «произывает всю культуру» и является одним из главных стержней «всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (см. подр.: *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. С. 84; *Степанов Ю. С.* Константы... С. 472; *Белова О. В.* Этнокультурные стереотипы... С. 7–8).

лен всем тем, кто на разных этапах работы оказывал ему всестороннюю помощь и поддержку: И. Л. Андрееву, А. В. Воронцовой, О. В. Гладковой, В. П. Гребенюку, А. Г. Каспржаку, В. М. Кириллину, Е. Л. Конявской, Е. Б. Рогачевской, А. Ю. Самарину, А. Н. Ужанкову и многим другим.

Настоящую работу автор посвящает своим любимым: жене – Екатерине, дочерям – Варваре и Нине, родителям – Николаю Сергеевичу и Елене Федоровне Рудаковым, а также дедушке и бабушке – Федору Дмитриевичу и Калерии Николаевне Чижиковым. Без их любви, поддержки и участия ни данное исследование, ни многое другое в жизни автора просто не состоялось бы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОСПРИЯТИЕ МОНГОЛО-ТАТАР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕДИНЫ XIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВЕКА

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

Монголо-татары в ранних летописных повестях о битве на Калке

Первые упоминания в древнерусской литературе о монголо-татарах связаны с описанием разгрома русско-половецкого войска на реке Калка. Древнерусские книжники – авторы и редакторы летописных сводов – придавали большое значение описанию первого столкновения русских и монголо-татар: практически все летописные памятники, охватывающие в своем повествовании события 20-х годов XIII века, содержат в себе тот или иной вид «Повести о битве на Калке»¹.

Указанный факт вполне объясним. Особенно если учесть, что рассказ летописной статьи 1223 года был посвящен не просто описанию единичного приграничного сражения, пусть и с неведомым доселе противником. Речь шла о первом вооруженном столкновении Руси с народом, который долгие десятилетия оказывал непосредственное влияние на политическое, социальное и духовное развитие русского общества. Совершенно естественно, что летописцам требовалось так или иначе ввести своих читателей «в курс дела», тем или иным образом пояснить смысл случившегося, наконец, попытаться связать воедино факт появления монголо-татар с дальнейшими событиями, произошедшими на Руси во время и после ее завоевания ордынцами. По сути дела, летописные рассказы о разгромах русских на Калке во многом играли роль

¹ См., напр.: компилятивная пространная редакция Повести (соединила в себе рассказы НПЛ, Лавр., Ипат., а также, возможно, и внелетописные повествования (напр., в рассказе об Александре Поповиче и «40 храбрах») – в полной версии читается в Тверском сборнике, Софийской первой летописи, Московском своде конца XV века, Никоновской летописи (см., напр.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 335–343; Т. 10. СПб., 1885. С. 89–92 и др.), а в краткой – в составе Рогожского летописца, Новгородской четвертой летописи и др. (см., напр.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 27–28; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 207–208 и др.). Судя по всему, пространная редакция повести возникает в летописании в начале XV века (см. подр.: *Свердлов М. Б.* К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // Вестник ЛГУ. № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. Л., 1963. С. 143–144).

неких предварительных пояснений к такому волнующему для древнерусских книжников сюжету, как взаимоотношения Руси с покорившим ее народом.

*Литературная история ранних летописных известий
о событиях 1223 года*

Самые ранние рассказы о событиях, произошедших на Калке в 1223 году, дошли до нас в составе Новгородской первой летописи старшего извода (далее – НПЛ²), а также Лаврентьевской (далее – Лавр.) и Ипатьевской (далее – Ипат.) летописей. Тексты, находящиеся в составе более поздних сводов, как показало их изучение, имеют характер поздних компиляций, составленных главным образом на основании соответствующих статей трех вышеуказанных летописей³.

Три ранних летописных рассказа о битве на Калке существенно отличаются друг от друга: каждая из летописей содержит большое количество оригинальной, независимой друг от друга информации. Вместе с тем часть информации «кочует» из рассказа в рассказ, заставляя исследователей прибегать к сложным текстологическим построениям, необходимым для объяснения существующих текстуальных и сюжетных совпадений.

История текстов повести о битве на Калке теснейшим образом связана с литературной судьбой содержащих это произведение летописных памятников.

По мнению большинства исследователей, повесть, читающаяся в составе Лавр., так или иначе связана с Ростовом и правившей в нем княжеской династией.

По мнению А. В. Эммаусского, «изучаемая статья Лавр. была составлена первоначально в Ростове под живым непосредственным впечатле-

² Младший извод НПЛ специально оговаривается.

³ Вопрос о первоначальном виде повести долгое время считался дискуссионным. Некоторые исследователей полагали, что первоначальной является «повесть пространной редакции» – т.е. того вида, который читается, например, в летописях, восходящих к т.н. «Своду 1448 года» (см.: Пащуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 40–42, 51–54; Водовозов Н. В. Повесть о битве на Калке // Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 67. Вып. 6. М., 1957. С. 13–14). Однако, по мнению большинства исследователей, первоначальный вид повести – краткий; он читается в составе НПЛ, Лавр., Ипат., откуда, в свою очередь, и попал в более поздние летописные своды (см.: Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 18; Эммаусский А. В. Летописные известия о первом нашествии монголо-татар на Восточную Европу // Ученые записки Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Факультет историко-филологический. Вып. 17. Т. 1. Киров, 1958. С. 62; Свердлов М. Б. К вопросу... С. 140; Буланин Д. М. Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 346–347 и др.).

нием от событий 1223 года»⁴. Более аккуратны в оценках Д. С. Лихачев, М. Б. Свердлов и др., которые полагают, что летописная статья «представляет собой *ростовскую обработку первоначального южнорусского известия* (курсив наш. – В. Р.)»⁵. Последнее наблюдение согласуется с гипотезой М. Д. Приселкова, полагавшего, что на протяжении 1206–1239 годов Лавр. передает текст т.н. «Ростовского летописца Константина Всеволодовича и его сыновей», восходившего к владимирскому великокняжескому «Своду 1228 года», который, в свою очередь, опирался на Летописец Переяславля Русского⁶. Таким образом, как полагает большинство исследователей, первоначально рассказ о событиях 1223 года, дошедший до нас в Лавр., появился в составе Летописца Переяславля Русского (между 1223 и 1228 годами), откуда перешел во Владимирскую великокняжескую летопись 1228 года, а уже оттуда – в ростовскую летопись. Составитель последней существенно отредактировал попавшую ему в руки информацию, сопроводив повествование рассказом о действиях «своего» князя Василька Константиновича, который в битве не участвовал.

Исследователи давно обратили внимание на сходство начальной части летописных статей 6731 года Лавр. и 6732 года НПЛ, посвященных описанию битвы на Калке⁷. Речь в разбираемых отрывках идет в первую очередь о происхождении татар. При этом приводится ссылка на Мефодия Патарского, а также сообщается об «избиении татарами множества безбожных половцев»⁸.

В принципе объяснений того, почему в указанных летописных статьях появляется общий отрывок, может быть несколько.

С одной стороны, появление общих чтений могло быть связано с наличием общего для НПЛ и Лавр. источника. Так, А. А. Шахматов предположил существование «Полихрона начала XIV в.», к которому, как он полагал, могли восходить тексты Лавр., некоторые известия НПЛ (собственно в обеих летописях совпадают лишь два известия – рассказ под 6725 годом

⁴ Эммануэльский А. В. Летописные известия... С. 66.

⁵ Лихачев Д. С. Летописные известия... С. 18–20; Свердлов М. Б. К вопросу... С. 141; Булапин Д. М. Повесть... С. 346–347.

⁶ См.: Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 136–139.

⁷ См., напр.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.: Л., 1938. С. 130–131.

⁸ В Лавр. от слов: «явишася языци, их же никто добре ясно не весть» до слов: «придоша бо ти Таурмению всю страну Куманьск и придоша близь Руси, идеже зовется валь Половечьскыи»; в НПЛ от слов: «по грехом нашим придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть» до слов: «придоша бо ти Таурмени всю страну Куманьску и придоша близь Руси, идеже зовется валь Половечьскыи». Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Изд. 2-е. Л., 1927. Стб. 245–246; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Л., 1950. С. 61–62 (далее – НПЛ).

(в НПЛ – под 6726 годом) о борьбе между рязанскими князьями и интересующее нас начало рассказа о битве на Калке 6731 года (в НПЛ – под 6732 годом⁹), а также ряд известий Ипат. и, предположительно, текст Троицкой (*далее* – Тр.) до начала XIV века¹⁰. Правда, М. Д. Приселков отверг гипотезу А. А. Шахматова об общем источнике всех перечисленных летописных памятников – т.н. «Полихроне начала XIV в.».

Однако предположение А. А. Шахматова о возможном существовании общего источника двух интересующих нас летописей – Лавр. и НПЛ, отголоски которого дошли до нас, по крайней мере, в указанных чтениях, представляется продуктивным. А. А. Шахматов отметил, что «содержание известий, общих Синодальной (НПЛ. – В. Р.) и Лаврентьевской летописи, не новгородское»¹¹. Я. С. Лурье, подчеркнув, что вопрос о взаимоотношениях между Лавр. и НПЛ принадлежит «к числу нерешенных вопросов истории Свода 1305 г.», вместе с тем, вслед за В. Л. Комаровичем, не исключил возможности восхождения указанных общих чтений к «следам рязанского летописания»¹².

В. Л. Комарович полагал, что именно в Рязани был составлен «наиболее обстоятельный рассказ о первом нашествии татар на Русскую землю и битве на Калке». По мнению исследователя, лучше всего этот рассказ читается в НПЛ, «которая из старшего рязанского свода извлекла версию, еще не подвергшуюся ростовской переработке, какую находим в Лавр.»¹³ К сожалению, исследователь не привел развернутой аргументации в пользу рязанского происхождения текста «Повести о битве на Калке», построив свои выводы лишь на анализе рассказов обеих летописей о Батыевом нашествии¹⁴.

Д. С. Лихачев, отметив отсутствие в исследуемой части НПЛ следов ростовского и владими́ро-суздальского летописания и не исключив при этом влияния рязанского источника, предположил, что совпадения Лавр. и НПЛ могли быть результатом обращения новгородского летописца к тому же южнорусскому протографу (к гипотетическому Летописцу Переяславля Русского), который нашел отражение и в Лавр. При этом Д. С. Лихачев

⁹ А. А. Шахматов полагал, что к общим чтениям можно отнести и ряд других известий Лавр. и НПЛ (см.: *Шахматов А. А. Обзорение...* С. 130–131), однако новейший исследователь Я. С. Лурье, с мнением которого мы согласны, полагал, что «бесспорными совпадениями» можно считать лишь указанные два (см.: *Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись – свод начала XIV века // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 66*).

¹⁰ См.: *Шахматов А. А. Обзорение...* С. 12–13, 15, 18–20, 39, 76–77.

¹¹ Там же. С. 130. С мнением А. А. Шахматова согласен и Я. С. Лурье (см.: *Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись...* С. 66).

¹² *Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись...* С. 66.

¹³ См.: *Комарович В. Л. Литература Рязанского княжества XIII–XIV вв. // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. 75–77*.

¹⁴ См.: Там же. С. 78–79.

также, как В. Л. Комарович, полагал, что рассказ НПЛ «более полный и лучше сохранился, чем подвергшийся значительному сокращению в Ростове рассказ Лавр.». В НПЛ, по мнению исследователя, «мы имеем наиболее полную и точную передачу впечатлений южнорусского летописца, работавшего между 1223 и 1228 гг.»¹⁵

С другой стороны, общий для НПЛ – Лавр. отрывок мог являться более поздним вкраплением в тексты указанных повествований. В свое время И. У. Будовниц высказал предположение о том, что «вводное рассуждение о татарах как о народе, предвещающем “конец мира”, было вставлено во владимирскую (т.е. Лавр. – В. Р.) и новгородскую (т.е. НПЛ. – В. Р.) летописи значительно позднее битвы на Калке, когда и северная Русь сделалась добычей кровожадных завосвателей. Ибо о каком “конце света” может быть речь в 1223 году, когда произошел всего лишь обыкновенный набег... (после которого)... все успокоились, причем высказывалось даже удовлетворение, что их (татар. – В. Р.) руками были поражены “безбожные” половцы»¹⁶. Таким образом, исследователь, полагая, что в отрывке идет речь именно о Конце Света, не считал возможным отнести появление эсхатологически окрашенной части текста к периоду до Батыева нашествия.

Впрочем, сама аргументация И. У. Будовница строится на явном заблуждении. Согласно Мефодию Патарскому, появление измаильтян является лишь одним из знамений приближающегося Конца Света: между нашествием измаильтян и светопреставлением должно произойти еще несколько событий – освобождение «нечистых народов», заключенных Александром Македонским, пришествие Антихриста и, наконец, само Второе Пришествие Иисуса Христа. Таким образом, с «исхождения» измаильтян должен лишь «начаться отсчет “последних времен” перед Концом Света»¹⁷.

Определенную ясность в ситуацию вносит анализ текста Лавр. При сравнении текстов повести в Лавр. и НПЛ обнаруживаются возможности для относительной датировки памятников. Дело в том, что в летописной статье 6731 (1223) года Лавр. о князе Васильке Константиновиче, избежавшем участия в битве на Калке, сообщается как о чудесным образом – Божьим

¹⁵ Лихачев Д. С. Летописные известия... С. 22–23. Ср.: Свердлов М. Б. К вопросу... С. 141. См. также: Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись... С. 66; Он же. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 34.

¹⁶ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. XI–XIV вв. М.; Л., 1960. С. 296.

¹⁷ Гарькавый И. В. «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 88. См.: Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследования и тексты. М., 1897. С. 89–90, 97–100 (второй пагинации).

промыслом – «сохраненном» от случившегося «зла». Поскольку в статье 6745 (1237) года, в которой речь идет о Батыевом нашествии на Северо-Восточную Русь, помещено полное горестных стенаний повествование о гибели князя от рук «поганых», можно предположить, что рассказ о битве на Калке попал в один из предшествующих Лавр. сводов до 1237 года. Трудно предположить, что поздний редактор, уже зная о судьбе князя, мог ввести в текст соответствующее добавление, не изменив мажорной концовки всего рассказа.

Таким образом, отрывок о происхождении татар, скорее всего, появился в Лавр. до нашествия Батыя. Предположение же о заимствовании указанного отрывка составителем НПЛ из Лавр.¹⁸, как было указано выше, противоречит реальным отношениям между текстами упомянутых летописей¹⁹. Следовательно, и в НПЛ соответствующий отрывок попал до нашествия Батыя.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что рассказ Лавр. несет в себе гораздо больше следов серьезной редакторской правки, нежели рассказ НПЛ: об этом свидетельствуют и лаконичность повествования Лавр., являющаяся скорее результатом краткого пересказа какого-то более объемного предшествующего текста; и наличие резких переходов от одной темы к другой (не случайно рассказ Лавр. сравнительно легко поддается «расслоению» на отдельные сюжеты); и, наконец, явные вставки о ростовском князе Васильке Константиновиче, отсутствующие в НПЛ и напрямую не относящиеся к событиям, реально произошедшим на Калке.

Кроме того, рассказ НПЛ, в отличие от Лавр., носит более законченный характер: начинаясь с рассуждений о происхождении татар, об их пришествии «за грехи наши», он завершается авторской ремаркой на ту же тему. Составитель же Лавр., начиная повествование с отрывка о происхождении татар и об их появлении «к скончанию времен», завершает свой рассказ вполне мажорной и довольно отвлеченной от начального сюжета темой чудесного избавления князя Василька.

Таким образом, общий для обеих повестей отрывок в случае с НПЛ оказывается более уместным, чем в Лавр. Указанное чтение в НПЛ является проявлением рефлексии автора по поводу произошедшего разгрома русских войск. Идеи, заключенные в этом отрывке, находят развитие и в других частях летописного рассказа. Наличие же подобного вступления в соответствующую

¹⁸ По мнению Г. М. Прохорова, рассказ о татарах со ссылкой на Мефодия Патарского был заимствован в Лавр. из НПЛ (см. подр.: *Прохоров Г. М. Повесть о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1973. С. 90*).

¹⁹ Кроме того, вопреки мнению И. У. Будовница, появление татар, если они все-таки отождествлялись с измаильтянами, должно было означать не сам Конец Света, а лишь одно из Его знамений. Естественно, подобный взгляд на появившийся «неведомый народ» мог сформироваться и до Батыева нашествия.

щей статье Лавр., особенно в контексте дальнейшего повествования, носит скорее искусственный, рудиментарный характер: указанный фрагмент не дает практически никакой дополнительной информации ни о татарах, ни об отношении к ним летописца, ни о характере произошедших событий, более того – не соответствует общей идее повествования. Отрывок, занимающий по объему *ровно половину всей летописной статьи Лавр.*, оказывается фактически «оторванным» от последующего повествования. Исходя из этого, представляется правильным рассматривать вступление о происхождении татар в качестве органичной части именно рассказа НПЛ, а не Лавр.

По признанию Д. С. Лихачева, «один из самых обстоятельных», «чрезвычайно важный по своей точности»²⁰ рассказ о битве на Калке дошел в составе Ипат. Вместе с тем наиболее противоречивые суждения в науке высказываются именно по поводу происхождения «ипатьевской» версии рассказа.

Как отметил новейший исследователь Повести В. К. Романов, «противоречивые мнения исследователей не позволяют установить памятник, впервые включивший в свой текст данную статью о битве, впоследствии отразившуюся в Ипат.»²¹ Однако, по мнению исследователя, время создания разбираемой версии Повести «следует относить ко второй половине 40-х – первой половине или середине 50-х годов XIII в.»²² Как полагает В. К. Романов, текст соответствующей статьи Ипат. в большей степени отразил галицко-волинский источник, соединенный с источником киевским, вероятно, составленным вскоре после битвы. По мнению исследователя, «последний этап летописной работы над повествованием о битве, помещенном в Ипат., приходится уже на вторую половину XIII в.»²³ В целом исследователи единодушны в мнении о максимальной независимости рассказа Ипат. от сообщений других летописей²⁴.

²⁰ Лихачев Д. С. Летописные известия... С. 23.

²¹ Романов В. К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 85. Здесь же приводится подробный разбор литературы, касающейся повести о битве на Калке в составе Ипат. (см.: Там же. С. 80–85).

²² С выводами В. К. Романова согласен и А. Н. Ужанков – новейший исследователь т.п. «Летописца Даниила Галицкого» (т.е. того текста, который отражен в Ипат. на протяжении 1201–1260 годов). См.: Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: Редакция, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. I (XI–XVI вв.). М., 1989. С. 268–269.

²³ Романов В. К. Статья 1224 г. ... С. 102–103.

²⁴ См., напр.: Свердлов М. Б. К вопросу... С. 141–143; Романов В. К. Статья 1224 г. ... С. 79 и др. Правда, Д. С. Лихачев и Н. В. Водовозов оговаривали возможность отражения в тексте Ипат. каких-то отголосков ростовского летописания: отсюда, по их мнению, в рассказ Ипат. попали сведения о ростовском князе Васильке Константиновиче, о котором повествует и Лавр (см.: Лихачев Д. С. Летописные известия... 23–24; Водовозов Н. В. Повесть... С. 15).

Итак, рассказы о битве на Калке, которые отразились в НПЛ и Лавр., были составлены, видимо, во второй половине 20-х – первой половине 30-х годов XIII века, а рассказ, отразившийся в Ипат., вероятно, возник двумя-тремя десятилетиями позднее. Такая датировка, конечно, довольно относительна. Уверенно можно говорить лишь о том, что указанные тексты появились не позже конца XIII – самого начала XIV века: интересующая нас часть Синодального списка НПЛ написана почерком XIII века²⁵, а рассказ, находящийся в Лаврентьевском списке, судя по всему, достаточно точно передает текст «Свода 1305 года»²⁶. Что же касается текста Ипат. за интересующий нас период, то тот, как установил А. Н. Ужанков, был составлен в 60-е годы XIII века²⁷. Таким образом, рубеж XIII–XIV веков является *terminus ante quem* – верхней временной границей для указанных текстов.

«Придоша языци незнами, их же добре никто не весть»

Автор статьи НПЛ соединяет в своем рассказе размышления о сути произошедшего с описанием целого ряда деталей, знакомство с которыми свидетельствуют как о большой осведомленности этого книжника, так и о серьезности его намерения рассказать о произошедшей на Калке трагедии во всей полноте.

При этом главной темой повествования становится тот *народ*, знакомство с которым произошло при столь драматичных для русских обстоятельствах. В этом – важнейшее отличие рассказа НПЛ от соответствующего рассказа Лавр. Можно сказать, что именно под пером новгородского автора риторические для того времени вопросы «кто суть?», «отколе изидоша?», «что языкъ ихъ?», «которого племени суть?», «что вера ихъ?» приобретают тревожную остроту и вместе с тем надежду на разрешение.

Главный *смысл произошедшего с русскими несчастья* для автора статьи НПЛ вполне очевиден: «языци незнамые» приходят «по грехом нашим». Именно морально-нравственное несовершенство, «греховность» Руси и являются для него причиной появления татар. Тема «грехов» трижды возникает в повествовании НПЛ: один раз – в вводной части, только в этом месте отличающейся от вступления Лавр. («том же лете, *по грехомъ нашимъ* придоша языци незнами, их же добре никто не весть»; ср. с началом Лавр.: «того же лета явишася языци ихже никтоже добре ясно не весть»²⁸) и два ж-

²⁵ НПЛ. С. 5. Т.н. «второй почерк» Синодального списка НПЛ, относящийся к XIII веку, заканчивается в самом начале Л. 119 на статье 6742 (1234) года.. См.: Там же. С. 73.

²⁶ См., напр.: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 17–36 (здесь же и обзор мнений по поводу источников Лавр.).

²⁷ *Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого»... С. 282.

²⁸ НПЛ. С. 61. Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 445.

ды в конце рассказа (при объяснении причин описанных бедствий: «тако за грехы наша Богъ вложи недоумение въ нас, и погыбе много бещисла людии; и бысть вопль и плачь и печаль по городомъ и по селомъ», а также при завершении Повести: «и не съведаемъ, откуда суть пришли и кде ся деша опять; Богъ весть, отколе приде на нас за грехы наша»²⁹).

Хотя сами эти грехи в тексте не упоминаются, однако в контексте всего летописного повествования понятно, что речь идет о стандартном наборе земных прегрешений, которые не требовали подробного перечисления, поскольку были известны читателям из предшествующих статей летописи, а кроме того, не были связаны напрямую с теми или иными реальными поступками/проступками конкретных героев Повести.

Гораздо более важной задачей для автора повести было выяснение того, *кто такие татары, почему они появились именно в данный момент*. Именно при решении этой задачи книжник прибегнул к авторитету Мефодия Патарского, на чье мнение он ссылается, пытаясь идентифицировать татар с известными ему реальными и легендарными народами.

«Откровение» Мефодия (или Псевдо-Мефодия) Патарского³⁰ относится к жанру «предсказательной» литературы: рассказ посвящен обзору всемирной истории от Адама и до «последних времен», которые наступят в седьмое тысячелетие – накануне Страшного суда. Создание этого апокрифического произведения относят к VI–VIII векам. На Руси текст памятника, судя по всему, был известен уже в начале XII века – об этом свидетельствуют случаи использования сюжетов «Откровения» в текст Повести временных лет³¹.

Исследователи неоднократно отмечали, что необходимость ссылок на Мефодия Патарского, судя по всему, объясняется полной несведомленностью книжника относительно монголо-татар³². Вряд ли стоит сом-

²⁹ НПЛ. С. 63.

³⁰ Проблема авторства «Откровения» вряд ли может считаться решенной. Подробнее см.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 9–14 (первой пагинации).

³¹ *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и летопись // ИОРЯС. Т. 29. 1925. С. 380–382; *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л., 1940. С. 92–103. Как отмечал В. М. Истрин, известны три редакции славянского перевода «Откровения»: первая возникла в XII веке, вторая («болгарская редакция») – на рубеже XIII–XIV веков и третья – «интерполированная», наиболее распространенная на Руси – в XV веке. По мнению исследователей, летописец пользовался не первыми двумя переводами, а каким-то не дошедшим до нас видом «Откровения». В. М. Истрин не исключал возможности появления этого перевода в 30-е годы XI столетия (см.: *Потанов П. О.* К вопросу о литературном составе летописи // Русский филологический вестник. 1911. Т. 65. № 1. С. 81–110; *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и летопись... С. 381).

³² См., напр.: *Шамбинаго С. К.* Русское общество... С. 576; *История русской литературы*. Т. 1. Л., 1980. С. 91; *Кусков В. В.* История древнерусской литературы. Изд. 5-е, испр. и доп. М., 1989. С. 129.

неваться в том, что русские впервые узнали о монголо-татарах именно в 1223 году. В этом смысле им действительно пришлось столкнуться с «неведомым народом». В Повести есть указания на то, что о татарах ничего не известно – «придоша языци незнаеми, их же добре никто не весть, кто суть и отколе изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вера ихъ... Богъ же единъ весть ихъ, кто суть и отколе изидоша». Однако вместе с тем автор Повести замечает, что «*премудрии мужи ведать я добре, кто книги разумно умееть, мы же их не веьмы, кто суть*»³³.

Таким образом, налицо существенное противоречие: с одной стороны, татары – народ, о котором вообще ничего не известно или известно только Богу (в определенном смысле это одно и то же), с другой же – «премудрые мужи» знают об этом народе «добре», видимо, благодаря знакомству с «книгами»³⁴. Представляется, что сама ссылка на «Откровение» Мефодия Патарского свидетельствует скорее о том, что «заочное знакомство» с татарами все-таки состоялось: летописец пытается провести некоторую аналогию с уже известными – в том числе именно из «книг» – народами.

Так кем же оказываются «неизвестные-известные» монголо-татары?

Интересно, что летописец не утверждает, а как будто предлагает на выбор варианты идентификации «незнаемых языщей»: «А зовуть я Татары, а инии глаголють Таурмены»³⁵, а друзии – Печенези», – перечисляет книжник. И, наконец, предлагает еще один вариант, – если судить по тому, сколько этой версии уделяет внимания автор, – наиболее убедительный для него самого: «...инии же глаголють, яко се суть, о них же Мефодии, Патомьскыи епископъ, съвидетельствуетъ, яко *си суть ишли ис пустыня Етриевьскыя, суще межи вьстокомъ и северомъ. Тако бо Мефодии глаголетъ, яко скончанию время явитися тем, яже загна Гедеонъ, и попленьть всю землю от вьстокъ до Ефранта и от Тигръ до Поньскаг(о) моря, кроме Ефиопия*»³⁶.

Понятно, что в данном случае летописец вводит в повествование не рациональное знание о татарах как о реально существующем этносе, а иррациональное представление о них. Представление, носящее прежде всего оценочный характер.

³³ НПЛ. С. 61. Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 446.

³⁴ На этот парадокс текста, правда, со ссылкой на Лавр., а не на НПЛ, обратил внимание И. В. Гарькавый. См.: *Гарькавый И. В.* «Измаильяне» или «нечистые человеки»? С. 89.

³⁵ Интересно, что книжник дважды называет татар таурменами, причем во второй раз совершенно определено: «придоша бо ти *Таурмени* всю страну Куманьску и придоша близъ Руси» (см.: НПЛ. С. 62. Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446).

³⁶ НПЛ. С. 61. Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446.

Итак, на первый взгляд, для летописца пришедшие татары – это измаильтяне, некогда загнанные Гедеоном в Етревскую пустыню и вышедшие оттуда в преддверии Конца Света³⁷. Используя столь яркую аналогию, автор Повести как бы сообщает читателям о *вероятной миссии татар* и тем самым как бы дает информацию и том, *что от них можно ожидать в дальнейшем*. Действительно, согласно «Откровению» Мефодия Патарского, на которого ссылается автор Повести, измаильтяне выйдут из пустыни накануне Конца Света, после чего будут владеть всеми странами вплоть до седьмой тысячи лет («до числа лет седми седмиць») и лишь потом «побеждени боудуть от грькъ и покоретсе имь»³⁸.

Однако неверным было бы полагать, что книжник *точно знает* о татарах, что *именно они и есть те самые легендарные измаильтяне*. В данном случае мы сталкиваемся с существенным противоречием, возникающим при внимательном прочтении текста. Дело в том что косвенно называемые измаильтянами татары противопоставляются совершенно явно называемым «безбожными сынами Измаиловыми» куманам, т.е. половцам.

При этом сами татары четко определяют свой статус по отношению к половцам. Так, обращаясь к русским князьям с призывом не откликаться на просьбы половцев о помощи, татары заявляют, что «мы вашси земли не заяхомъ, ни городъ вашихъ, ни сельъ вашихъ, ни на васъ приходомъ, нъ приходомъ Богом пущени *на холопы и на конюси* свос на поганяя Половче»³⁹. Таким образом, можно говорить о том, что под пером летописца – автора того отрывка, который впоследствии стал общим для НПЛ и Лавр., – одновременно сливаются (в образе «измаильтян») и разводятся (одни являются «холопами» других, между ними не ставится знак равенства) два разных этноса – татары и половцы.

Возможно, к моменту появления повести термин «измаильтяне» стал уже своего рода эвфемизмом по отношению к половцам, тогда как относительно сущности татар еще не существовало ясности. Не случайно автор текста не называет татар прямо «измаильтянами», а, используя указательные местоимения («се суть, о них же Мефодии, Патомьскыи

³⁷ По мнению Л. А. Дмитриева, татары ассоциировались с народами, пришедшими из Етревской пустыни – с сынами Измаила – «во всех редакциях летописной Повести о битве на Калке». На самом деле в версии Ипат. прямых указаний на это обстоятельство нет, татары там названы «безбожными Моавитянами». См.: *Дмитриев Л. А. Откровение Мефодия Патарского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 284. Ср.: НСРЛ. Т. 2. М.; Л., 1962. Стб. 740.*

³⁸ Далее Мефодий Патарский дает яркую картину бедствий и опустошений, чинимых измаильтянами, в соответствии с которой и должны были, судя по всему, поступать татары. См. подр.: *Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 88–97* (здесь и далее указаны номера страниц второй пагинации).

³⁹ НПЛ. С. 62.

епископъ, съвидѣтельствуеъ, яко *си* суть...»), лишь предполагает – не исключает этого.

Можно предположить, что в тексте произведения происходит некоторое *наложение образов*, возникающих под влиянием необычной для книжника ситуации. С одной стороны, движение татар, воспринимаемое как нашествие неведомого народа, как «исхождение» сынов Измаиловых само по себе предполагало аналогии с измаильтянами или другими народами, приход которых знаменует собой наступление «последних времен». С другой стороны, татары в своем движении сталкиваются с половцами, для которых аналогия с измаильтянами стала выполнять функцию едва ли не второго названия⁴⁰.

Наличие в тексте летописного рассказа двух этносов «измаильтян» позволяет сопоставить позицию автора по отношению к каждому из них.

Интересно, что характер рассказа НПЛ явно *антиполовецкий*. В общем с Лавр. отрывке половцы называются «безбожными», «окаянными», «беззаконными»; автор упоминает о том, что половцы «много зла створиша Русьской земли», проливали «кровь крестьянску». Именно за эти поступки «всемилостивый Богъ хотя погубити безбожные сыны Измаиловы Куманы, яко да отмстят кровь крестьянску, еже и бысть над ними беззаконными»⁴¹.

После разгрома «окаянные» половцы – «избъеныхъ избытокъ» – во главе с Котяном приходят («на поклон») к Мстиславу («се же Котянь бе тьсть Мьстиславу Галицьскому», – уточняет книжник) и другим русским князьям. Дальнейшие действия половцев напоминают если не прямой подкуп, то явное задабривание русских: «...дары принесе многы: кони, вельблуды и буволы и девкы, и одариша князь русьскихъ». Свою просьбу о помощи половцы подкрепляют довольно сильным аргументом: «И рекуче тако: *нашу землю днесъ отъяли, а ваша заутро възята будетъ*»⁴².

Однако автор рассказа НПЛ, в отличие от поздних интерпретаторов, полагававших, что в этих словах был заключен призыв к объединению русско-половецких сил в борьбе с новыми врагами, видимо, не был столь оптимистичен в оценках политической дальновидности половцев. Их призыв к объединению, подкрепленный столь мощным аргументом («нашу землю днесъ отъяли, а ваша заутро възята будетъ»), в трактовке книжника может рассматриваться скорее как средство своеобразного «давления» на русских.

⁴⁰ По терминологии И. В. Гарькавого, в ряду «кумане» – «половцы» – «сыны Измаила» «первым идет эндоэтноним, вторым – экзоэтноним, третьим – *имя*, через которое раскрывается сущность и предназначение данного этноса» (см.: *Гарькавый И. В. «Измаильтяне» или «нечистые человски»? С. 88).*

⁴¹ НПЛ. С. 62.

⁴² Ср. с аргументацией половцев в Ипат.: *«аще не поможета намъ, мы ныне исечени быхомъ, а вы заутрее исечени будете»* (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740–741).

Действительно, половцы постепенно – сначала полагаясь на родственные связи, потом с помощью богатых даров и, наконец, порождая в русских опасения за их собственную судьбу, за судьбу русских земель – буквально вытягивают последних в сражение с татарами.

Характерно, что Мстислав Галицкий, обращаясь к русским князьям, прибегает к совершенно иным аргументам, нежели половцы. Призывая русских князей выступить на стороне степняков, Мстислав ни словом не обмолвился о том, что татары, разбив половцев, «заутро» могут разбить и русских. Мстислав, как пишет автор рассказа НПЛ, «поця молитися княземъ русьскимъ, братьи своен, река тако: *оже мя, братье, симъ* (половцам. – В. Р.) *не поможемъ, ть си имуть придатися к нимъ* (татарам. – В. Р.), *ть онемъ боольши будеть сила*». Таким образом, теперь половцы предстают не как молящие о помощи союзники, а как враждебный народ, способный присоединиться к другому – потенциально враждебному – народу и вместе с ним совершить поход на Русь. По сути дела, Мстислав, развивая «агитацию» в пользу половцев, переходит от «давления» к «шантажу».

Вероятно, именно поэтому автор рассказа весьма критически относится к фигуре Мстислава, явно не одобряя поведение князя, сыгравшего роль связующего звена в столь трагичной для Руси цепочке «половцы–русские». Князь отправляется в путь, «думавъше много о себе... поклона дея и молбы князь половчьскихъ», к нему же «начаша вос пристраивати, кождо свою власть» остальные русские князья «и поидоша, съвкупивъше землю всю Русскую противу Татари»⁴³.

В отличие от статьи Лавр. *татары в рассказе НПЛ наделены собственной волей, они «дееспособны», активны. И в первую очередь (и это достаточно симптоматично) активность татар направлена на то, чтобы избежать (!) столкновения с русскими.*

В рассказе НПЛ подробно описывается деятельность двух татарских посольств, которые должны были отговорить русских князей от посольства половцам⁴⁴. В уста первого посольства, прибывшего к русским князьям, по сути вкладывается своеобразная «декларация о намерениях», объясняющая действия татар: «*Мы вашей земли не заяхомъ, ни городъ вашихъ, ни сель вашихъ, ни на васъ приходомъ, нь приходомъ Богом пущени на холопы и на конюси свое на поганая Половче*». Таким образом, согласно тексту рассказа, татары сами осознают, что они являются

⁴³ НПЛ. С. 62.

⁴⁴ Целью татарского посольства исследователи часто считают раскол русско-половецкого союза (см.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Ч. 1. (XI–XIII вв.) М., 1953. С. 812; Паушто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость. М., 1956. С. 130; Черепнин Л. В. Монголы на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Европе и Азии: Сб. ст. Изд. 2-е. М., 1977. С. 188–189.) Впрочем, это – одна из интерпретаций текста.

своеобразным «бичом Божиим» для «поганных половцев». Но важно и другое – таковыми их считает и сам автор рассказа: недаром «самооценка» татар совпадает с позицией, изложенной в той части текста, которая помещена как бы «от автора» – татары приходят на половцев, движимые гневом Господним.

С другой стороны, татары недвусмысленно заявляют о своем дружелюбном настрое по отношению к русским. Последним предлагается заключить мир, а самое главное, в случае необходимости, принять участие в «наказании» половцев («а вы взмите с нами миръ; аже выбежать (половцы. – В. Р.) къ вамъ, а бийте ихъ оттоле, а товары емлите к себе: занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла створишиа; того же дея и мы биемъ»). При этом татары проявляют осведомленность относительно истинных причин похода русских князей на них. Виновниками возможного в будущем кровопролития татарские послы называют все тех же половцев («се слышимъ оже идете противу насъ, *послушавше Половьць*»), вовсе не обвиняя Русь во враждебных намерениях. Еще одно указание автора на ту неблагоприятную роль, которую сыграли половцы в возникшем конфликте, представляется неслучайным. *Книжник убежден в пагубности согласия русских, поддавшихся на половецкие уговоры.*

Реакцию русских на слова, произнесенные татарскими послами, вполне можно назвать неадекватной: русские князья «того же... *не послушаша*, нъ послы избиха, а сами поидоша противу имъ (татар. – В. Р.)». Поступок русских, столь беспричинно жестоко обошедшихся с посольством, видимо не мог восприниматься нейтрально книжником и его читателями⁴⁵. Очевидно также, что сам факт вероломства, проявленного русскими, *заставлял читателя по-иному взглянуть на тех, против кого это вероломство было направлено.*

Усиливал «позиции» татар и рассказ о втором посольстве. Оказывается, несмотря на несчастливую участь первых послов, татары вновь попытались предотвратить столкновение с русскими. Однако в данном случае татары прибегают к угрозе. Впрочем, характер угрозы и аргументация татарских послов, вероятно, также не могла и не вызвать если не солидарности, то уж, во всяком случае, сочувствия читателей летописной статьи: «Есте *пос-*

⁴⁵ Убийство посла в Древней Руси воспринималось как противозаконное действие. Ср.: «а оже оубьют новгородца посла за моремъ или немецкой посоль Новегороде, то за тоу голову 20 гривень серебра»; «а убьют новгородского посла за морем, то платитъ за него 20 марок серебра, так же и за немецкого посла в Новгороде...; упомянутое вознаграждение дать и за священника...» (см.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 55, 61 (соответственно – грамоты 1199 и 1269 гг.)); «аже оубьют *посла* или *попа*, то двое того дати за голову» (см.: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 21, 26 и др. (грамота 1229 г.). Ср.: *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 1278).

лушали Половць, а послы наша есте избили, а идете противу нас, ть вы поидите; а мы вась не заяли, да всемь Богъ».

Таким образом, получается, что татары «угрожают» русским... Божьим гневом. Гнев этот должен быть ниспослан на русских за то, что они, во-первых, послушали половцев – стали помогать тем, кого Бог собирается наказать, а следовательно, стали поступать против Божьей воли, во-вторых, избili татарских послов – поступили вероломно, в-третьих, собираются выступить на бой с ничем не угрожающими им татарами.

Следует обратить внимание на то, что, вкладывая в уста послам их главный аргумент («да всемь Богъ!»), автор повести тем самым допускает, что татары в равной степени с русскими подотчетны Богу. Видимо, здесь мы имеем дело с отражением определенной позиции по данному вопросу: татары оказываются «немного своими» – они, их судьба, возможно, как и судьба русских, зависит от Божьего промысла, и они, как и русские, это понимают. Таким образом, один из аспектов восприятия русскими монголо-татар заключается в том, что татары не воспринимались как «безбожные».

Важен и еще один нюанс ситуации, подчеркиваемый книжником: русские предупреждены о возможных последствиях своего поведения, им предоставляется возможность выбора, которой они (автор об этом явно сожалеет, в отличие, скажем, от менее впечатлительного составителя рассказа Лавр.) не воспользовались, выступив все-таки против татар. Результатом такого поступка явилось наказание русских «за грехи», за неверный выбор, за помощь, оказанную тем, кого наказывает сам Господь.

В «Повести о битве на Калке» в редакции НПЛ авторское восприятие монголо-татар выстраивается на фоне их противопоставления половцам и русским. Для книжника важно определить сущность прихода татар. С одной стороны, они для него – «языци незнаемые», незнакомые, нсизвестные, с другой же – обилие характеристик, явных и скрытых, позволяет сделать вывод о значительной осведомленности летописца относительно описываемого им народа. Книжник не знает, можно ли их отождествлять с измаильтянами: само приближение татар напоминает поведение «сынов Измаиловых», но тот факт, что, татары борются с «общепризнанными» измаильтянами – половцами, делает аналогию в глазах писателя противоречивой. Следовательно, в Повести не дается ответ на вопрос относительно того, является ли приход татар одним из знамений приближающегося Страшного суда.

Можно сказать, что симпатии автора Повести в большей степени находятся на стороне татар: они явно выигрывают и по сравнению с половцами, что во многом естественно, и по сравнению с русскими, что на первый взгляд кажется парадоксальным. Симпатии книжника к «неведомому

народу» связаны в первую очередь с тем, что татары посланы Богом для наказания «безбожных» половцев. При этом татары – вовсе не «безбожные»: они ссылаются на авторитет Бога, призывая русских отказаться от неправого дела. Кроме того, татарам свойственно достойное поведение: они пытаются отговорить русских от неблагоприятных поступков, они заявляют о своем миролюбии по отношению к Руси, они активны – их посольства дважды уговаривают русских князей отказаться от помощи половцам (а не от борьбы вообще!). Положительные стороны восприятия татар усиливаются на фоне описания недостойных действий, с одной стороны, русских, поддавшихся на половецкие уговоры, подкуп и шантаж и убивших татарских послов, а с другой стороны, половцев, по сути, соблаздивших русских на явно небогоугодные поступки.

* * *

Лавр. содержит достаточно лаконичный рассказ о событиях на Калке. Впрочем, несмотря на это, в повествовании можно обнаружить сразу несколько сюжетных линий. Во-первых, это рассказ о происхождении ордынцев, о том, что они – «кара Господня» для «безбожных» половцев (этот отрывок текстуально совпадает с начальной частью НПЛ). Во-вторых, это краткое упоминание о походе южнорусских князей на помощь князьям половецким и последовавшем поражении русских. И, в-третьих, это радужное повествование о том, как ростовский князь Василько Константинович так и не принял участия в сражении с татарами и тем самым был сохранен Богом от гибели.

Как видим, подбор сюжетов указывает на *слабую заинтересованность книжника в описании действий татар как таковых*⁴⁶. Исследователи давно обратили внимание на «удивительный цинизм», с которым автор статьи в Лавр. «выражает свою радость по поводу того, что ростовский князь

⁴⁶ Автор статьи и сам выделяет ту стержневую проблему, которая его волновала и которая побудила его вкратце рассказать о событиях, произошедших на Калке. «Мы же их не vemos кто суть, – пишет летописец, подводя итог своим «изысканиям» о происхождении монголо-татар, – но сде вписахом о них памяти ради Русских князии беды, яже быс от них» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 446). Таким образом, цель написания летописной статьи вполне проясняется: рассказ был написан вовсе не «на память о русских князьях и о бедах, которые были от этих народов (т.е. от татар. – В. Р.)», как это иногда воспринимается в литературе (см., например, текст повести Лавр. в переводе Д. М. Буланина, который передает в данном случае текст НПЛ: ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 133). Важно, что составитель НПЛ младшего извода, имея возможность воспользоваться текстом НПЛ, тем не менее исправил свой текст именно по Лавр. (НПЛ. С. 264). Это позволяет считать различия в формулировках НПЛ и Лавр. осознанными. Итак, повествование посвящалось осмыслению («памяти ради») «бед, постигших русских князей»: видимо, летописцу важно было показать, почему русских князей постигла неудача.

Василько Константинович не участвовал в Калкской битве, приписывая его благополучие силе честного креста и благочестивым молитвам». Как отметил И. У. Будовниц, по прочтении рассказа Лавр. создается впечатление, что, «когда в южной Руси плакали и тужили, во Владимире и Ростове бурно выражали свою радость, славя Бога и святую Богородицу»⁴⁷.

Действительно, летописец без всякого стеснения благодарит Господа за избавление князя Василька от гибели. При этом из текста следует, что благодарность Богу воздается даже *не столько за избавление Василька от гибели, сколько за недопущение самого его участия в битве*⁴⁸. Тем самым летописец недвусмысленно указывает на свою *отстраненность от факта разгрома русских князей*. Известное равнодушие к поражению на Калке книжник «компенсирует» особым, трепетным вниманием к судьбе только одного князя – Василька Ростовского.

В чем причина такого отношения книжника к случившейся на Калке беде? В науке предпринимались попытки ответить на этот вопрос.

Ряд исследователей, совершенно справедливо обращая внимание на упомянутую выше *проростовскую направленность* текста, видели в указанном пассаже доказательство ростовской обработки более раннего сообщения о битве на Калке⁴⁹. Однако сам факт обработки текста в Ростове (тем более исследователи предполагали его южнорусское происхождение) объясняет лишь заинтересованность книжника в судьбе «своего князя». При этом совершенно непонятными остаются причины равнодушного отношения летописца к столь драматическим для других его соплеменников событиям.

По мнению ряда авторов, причины подобного проростовского «перекося» в оценке событий 1223 года следует искать в «настроениях всеобщей растерянности, которое новгородский летописец определил метким словом “недоумение в людех”»⁵⁰. На наш взгляд, не стоит исключать подобного объяснения поступка летописца. Однако при этом не следует избегать и попыток выявить внутренний смысл того сообщения о событиях на Калке, которое дошло до нас в составе статьи Лавр.

Прежде всего, следует не согласиться с мнением И. У. Будовница, полагавшего, что «катастрофический характер поражения русских князей особенно подчеркивался» составителем статьи Лавр.⁵¹ Сравнение версий

⁴⁷ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль... С. 296.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 447.

⁴⁹ См.: *Приселков М. Д.* История... С. 136–139; *Лихачев Д. С.* Летописные известия... С. 18–20; *Эммауский А. В.* Летописные известия... С. 66; *Свердлов М. Б.* К вопросу... С. 141; *Булакин Д. М.* Повесть... С. 346–347 и др.

⁵⁰ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль... С. 296.

⁵¹ Там же. С. 293. Примерно такого же мнения был и А. С. Орлов (см.: *Орлов А. С.* Героические темы древнерусской литературы. М.; Л., 1945. С. 41).

Лавр., НПЛ и Ипат. позволяет утверждать, что автор рассказа Лавр. был абсолютно свободен от драматизации сложившейся ситуации: его повествование в принципе не затрагивает темы «наказания за грехи наши».

Не добавлял ощущений трагичности произошедшего и рассказ о «неведомых народах», описываемых со ссылкой на «Откровение» Мефодия Патарского. Полное отсутствие упоминаний о татарах на протяжении оригинальной (нетождественной с НПЛ) части летописной статьи существенно снижало провидческую ценность ссылки на «Откровение». Действительно, действия татар, не называемых при этом напрямую, вряд ли могли показаться устрашающими. Поведение пришедших кочевников и их отношение к русским не описывалось как нечто выходящее за рамки обыкновенного военного столкновения (русские князья «идоша на них», «побежени быша от них», «избьени быша»). Все дальнейшее повествование осуществлялось в спокойных тонах, без излишних эмоций, характерных, например, для описания Батыева нашествия в той же Лавр.

Рассказу Лавр., как и тексту НПЛ, свойственно *вполне лояльное отношение к татарам*. Наиболее отчетливо это заметно на фоне тех негативных оценок, которые даются «безбожным», «беззаконным», «окаянным» половцам. Именно половцы проливали кровь христианскую, много зла «створиша Русской земле». Татары же, мало того что лишены в Повести каких-либо уничижительных эпитетов (как уже отмечалось, *они почти не называются явно*), они еще и приходят для того, чтобы *наказать «безбожных» половцев*. Татары действуют в качестве *орудия Божьей мести* по отношению к проливавшим христианскую кровь «безбожным сынам Измаиловым»⁵².

Представляется, что события на Калке вообще не «растревожили» летописца. Судя по всему, за подобным спокойствием книжника стояла его абсолютная убежденность в том, что *происходящее вообще не касается его самого, его князя и, наконец, земли, на которой он живет*. Указанное обстоятельство лишает всякой убедительности вывод о том, что автор статьи Лавр. воспринял поражение русских на Калке в качестве «общерусской катастрофы».

Детали описания событий 1223 года выдают причины *отстраненности* от произошедшего автора указанной статьи Лавр. Прежде всего, летописец четко определяет, *кто именно* воюет с татарами. На первый взгляд, читающиеся в Повести словосочетания «Русская земля», «Русь», «русские князья» вполне определенно указывают на то, что ордынцам противостоят «русские князья вообще». Именно так чаще всего и интерпретируется указанный текст. Между тем это не совсем правильно.

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 446.

В науке неоднократно отмечалось, что термины «Русская земля», «Русь» в отечественных средневековых памятниках, особенно летописных, имеют несколько значений. Принято выделять понятие «Русская земля» («Русь») в «широком» смысле этого слова и понятие «Русская земля» («Русь») в «узком» смысле⁵³. По поводу содержания первого понятия («Русская земля» в «широком» смысле слова) единого мнения в науке не существует. Ясно лишь, что речь идет обо всех русских землях (правда, в данном случае определяемое объясняется с помощью самого себя). Какой смысл – этнический, политический, языковой, конфессиональный – вкладывался в это понятие, пока до конца не ясно⁵⁴. Что касается термина «Русская земля» в «узком» смысле слова, его содержание более определено. Судя по всему, это Киевская земля и Среднее Поднепровье, т.е. Южная Русь⁵⁵. Как отмечал Б. А. Рыбаков, Русь в узком смысле – «понятие устойчивое, прочное, хорошо известное всем без исключения русским летописцам, будь они киевлянами, владимирцами, галичанами или новгородцами»⁵⁶. По наблюдениям исследователей, в отличие от НПЛ и Ипат. «знающих оба значения», Лавр. «чаще всего отделяет Владимиро-Суздальскую землю от Руси в узком смысле»⁵⁷; «это не случайное, а общепринятое выражение владими́ро-суздальских памятников», для которых «Владими́ро-Суздальская земля – не Русь, а Русь – это южные княжества»⁵⁸. Не является в этом плане исключением и статья Лавр., посвященная битве на Калке⁵⁹.

Во всех случаях, когда в тексте летописной Повести упоминаются словосочетания «Русская земля», «Русь», «русские князья», речь идет именно о южнорусских землях и князьях (наиболее показательные примеры – «придоша близь Руси, идеже зовется валъ Половечьскыи, и слышавше я Русстии князи Мстиславъ Киевскыи и Мстиславъ Торопичьскыи и

⁵³ См., напр.: Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 24–25; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1993. С. 56, 66–67 и др.

⁵⁴ См., напр.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 66. Ср.: Данилевский И. Н. Западноевропейские земли в летописном понятии «Русская земля» // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М., 1996. С. 53–56.

⁵⁵ Федотов А. О значении слова Русь в наших летописях // Русский исторический сборник. М., 1837. Т. 1. С. 112–114; Тихомиров М. Н. Происхождение... С. 23–25; Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 56, 66; Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 401–404 (далее – ПВЛ.); Свердлов М. Б. Дополнения // Там же. С. 596–597 и др.

⁵⁶ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 67.

⁵⁷ Там же. С. 57.

⁵⁸ Тихомиров М. Н. Происхождение... С. 23.

⁵⁹ Интересно, что, по мнению Д. С. Лихачева, «такого ограниченного (т.е. в узком смысле слова. – В. Р.) словоупотребления слов “Русь” и “русский”... нет в памятниках с высоким патриотическим содержанием» (курсив наш. – В. Р.) (см.: Лихачев Д. С. Комментарии... С. 402).

Черниговьскими»; Василько не смог прийти «к ним в Русь»; «князи Руссии (при этом перечислены лишь южнорусские князья. – В. Р.) идоша и бишася с ними»; «быс плачь и туга в Руси, и по всей земли»; «се же слышавъ Василко, приключишеся в Руси, възвратися от Чернигова... и вниде в свои Ростов» и т.д.⁶⁰).

Таким образом, вопреки расхожему мнению, книжник совершенно недвусмысленно заявляет о том, что с «татарами» сражаются только южнорусские – как бы «не совсем свои!» – князья. «Свои» же (и Юрий Всеволодович, к которому обратились за помощью киевский и черниговский князья, и Василько Константинович («с ростовци»)) в битве участия не принимают.

С одной стороны, отношение летописца к южнорусским князьям, принявшим участие в битве на Калке, несколько ироничное. Они как бы *сами навлекают на себя беду*: «слышавше», что «проидоша бо ти Таурмению (т.е. татары. – В. Р.) всю страну Куманьск (т.е. половецкую. – В. Р.) и придоша близь Руси, идеже зовется валь Половечьский», «руссии князи... здумаша итии на ня, *мяше*⁶¹ *яко ти поидут к ним*»⁶². Не надеясь на собственные силы, «русские князья» посылают за помощью к великому князю Юрию Всеволодовичу, «он же посла к ним благочестиваго князя Василька сыновца своего Костянтиновича с Ростовци». Однако, с явным удовлетворением отмечает книжник, «*не оутятну* (т.е. не просто не “успел”, но даже и не “сподобился”⁶³. – В. Р.) Василко прити к ним в Русь». «А князи Руссии, – бесстрастно сообщает далее летописец, – идоша и бишася с ними (татарами. – В. Р.), и побежени быша от них, и мало ихъ избы от смерти»⁶⁴.

С другой стороны, отношение летописца к поступку южнорусских князей, судя по всему, просто неодобрительное. Равнодушие к участи соплеменников, которое проявляет автор Повести, как раз связано с его неодобрением факта участия южнорусских князей на «неправой» стороне в конфликте 1223 года.

Действительно, если восстанавливать логику летописца, получится, что южнорусские князья ввязываются в сражение с «языцами», которых

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 446–447.

⁶¹ См.: «мнити»; «мнети» – «думать что-либо», «иметь в виду», «вообразать, представлять себе», «принимать за что-либо другое; считать иным, чем в действительности». См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 190–191. Ср.: Срезневский И. И. Материалы... Т. 2. Стб. 229.

⁶² ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 446. Здесь обнаруживается определенный перифраз с текстом НПЛ: «нашу землю днес отъяли, а ваша заутро възята будеть». См.: НПЛ. С. 62.

⁶³ Среди значений – «достигнуть», «успеть» (см.: Срезневский И. И. Материалы... Т. 2. Стб. 1326), а также «удостоиться», «сподобиться» (см.: Старославянский словарь по рукописям X–XI вв. М., 1994. С. 754).

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 446.

«никтоже добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша» и которые, прежде чем попасть к рубежам Руси, уже совершили «правое дело» – подвергли наказанию «безбожных половцев», выступили в роли «бича Божьего» по отношению к «окаянным куманам» и при этом вовсе не собирались (так, видимо, полагал летописец) нападать на Южную Русь («Русь» в широком смысле, как уже было отмечено выше, книжник не упоминает вообще).

О возможности нападения татар на Русь «мняше» только сами князья (южнорусские, а не «свои»), они же *и терпят поражение в битве, спровоцированной*, как полагает книжник, *ими же самими*. Следует напомнить, что, в отличие от рассказов НПЛ и Ипат., где половцы просят русских князей о помощи в борьбе с татарами, в Лавр. подобный сюжетный ход отсутствует. *Русские князья чуть ли не по собственной инициативе ввязываются в бой с татарами, «мняше яко ти пойдут к ним»*. В такой ситуации автору Повести остается, действительно, только радоваться избавлению «своего» князя Василька, который «не оутяну» к ним на «Русь» и с помощью промысла Господня спасся от участия в бессмысленной, несправедливой и трагически закончившейся для других авантюре⁶⁵.

Таким образом, говоря о восприятии татар в рассказе о битве на Калке в составе Лавр., можно отметить нейтрально-сочувственное отношение летописца к появлению «неведомого народа». Как и составитель рассказа НПЛ, автор Лавр. убежден, что действия татар во многом обусловлены Божьим Промыслом, карающим руками ордынцев «безбожных» и «проклятых» половцев. На фоне негативного отношения к последним татары показаны как некая *обезличенная, неактивная сила*. Их лишь однажды называют прямо, чаще же всего по отношению к ним употребляются личные и указательные местоимения – «*ти пойдут*», «*бишася с ними*», «*побеждены от них*», кроме того, к ним не относят эпитетов (в том числе и отрицательных), описание военных удач татар в борьбе с русскими князьями носит характер сухой констатации.

Именно «высокое предназначение» татар, выступающих в качестве «кары небесной» для половцев, обусловило отношение летописца к поступку русских (т.е. южнорусских) князей, вступивших в бой с ордынцами. Книжник равнодушно-негативно относится к участию соплеменников в борьбе с татарами: видимо, сам факт противостояния силе, ниспосланной свыше для наказания врагов Божьих, воспринимался им как нечто

⁶⁵ Лишь в некоторых фразах летописца проглядывается что-то вроде сочувствия, жалости по отношению к южнорусским князьям. Так, автор повести, подводя итоги случившемуся «злу», упоминает, например, что во время сражения «Мьстиславъ старий добрый князь оубьенъ быс», что после гибели русских «быс плачь» и туга в Руси и по всей земле, слышавшим сию беду» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 446–447).

небогоудное, как недостойное, несправедное дело. Именно этим можно объяснить удовлетворенность книжника тем, что «его князь» – Василько Константинович – остался жив, будучи «сохранен Богом и силою креста честнаго» от участия в несправедном сражении.

* * *

Автор Повести в версии Ипат. наиболее подробно, по сравнению с рассказами НПЛ и Лавр., описывает детали подготовки и хода сражения. Занимаясь составлением рассказа, судя по всему, через 20–30 лет после произошедшего на Калке столкновения, книжник как будто пытается собрать воедино самые разные, в том числе и мельчайшие, подробности, выбирая их из нескольких источников и составляя настоящую текстовую мозаику⁶⁶.

Так, он скрупулезно перечисляет главных действующих лиц – русских князей, указывая, кто и где находился до сражения («в Кыеве», «в Козельске и в Чернигове», «в Галиче» и др.), кто и почему не принял участие в сражении (например, Юрий Всеволодович «Суждальский» «не бе в том совете» или Василько Константинович, которого тоже «не бе», ибо «бе бо в Володимере млад»), точно датирует наиболее важные, на его взгляд, этапы похода («оттуда же придоша месяца апреля и придош к реце Днепроу...»), «передоша Днепръ во день во вторникъ и оусретоша Татареве полкы Роускыя...»), подробно описывает ход битвы, перечисляя имена ее участников (всего русских и половцев по именам названо 16 человек⁶⁷).

Книжник подчеркивает масштабность произошедшего с русскими князьями несчастья. Для него поражение на Калке отнюдь не рядовое событие: «быс победа на вси князи Роускыя, *тако же не бывало никогда же*», – пишет он⁶⁸.

Русские князья, как и в рассказе НПЛ, в Ипат. действуют против татар не по собственной инициативе, а по просьбе половцев. Интересно, что структура высказываний половцев в Ипат. и НПЛ довольно сходна. Составитель Ипат. пишет: «Прибегшимъ же Половцемъ в Роускоую землю, глаголющимъ же имъ Роускимъ княземъ: *аще не поможета намъ, мы ныне исечени быхомъ, а вы заоутрее исечени боудете*»⁶⁹.

⁶⁶ К. В. Романов выделяет в повести несколько десятков нашлаивающихся друг на друга отрывков из не менее чем трех летописных источников. См.: Романов В. К. Статья 1224 г. ... С. 79–103.

⁶⁷ Ср.: в НПЛ – 16 (при этом совпадений с Ипат. – менее 20%); в Лавр. – 4 (совпадений с Ипат. – 100%).

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745.

⁶⁹ Там же. Стб. 740–741. Ср.: «нашую землю днесь отъяли, а ваша заутро взята будеть» (см.: НПЛ. С. 62).

В обоих повествованиях половцам, по их словам, уготовано поражение от татар «ныне» («днесь»), а русским – «заутрее» («заутро»). Вместе с тем в рассказе Ипат. половцы говорят о «перспективе» – своей и русских – быть «иссечени» татарами, тогда как в НПЛ, по словам «куман», татары должны у тех и других «огнять землю». Интересно также, что решение русских выступить на стороне половцев подкрепляется аргументацией несколько отличной от той, которая приведена в НПЛ. В Ипат. совет князей принимает стратегическое решение, полагая, что татар «лоуче бы есть прияти *на чюжси земле, нежеси на своети*». В НПЛ же князья исходят из того, что, если половцам не помочь, «тъ си имуть придатися к нимъ (татарам. – В. Р.), ть онемъ больши будеть сила»⁷⁰. Немаловажно отметить также, что в отличие от рассказов НПЛ и Лавр. повествование Ипат. практически не содержит сколько-нибудь негативных характеристик половцев.

Автор версии Ипат., проявляя такой интерес к действиям русских и вообще к военной стороне произошедшего события, *сравнительно мало внимания уделяет татарам*: те у него выступают безликой массой.

Татары в Ипат. сразу же определяются как «*неслыханая рать безбожнии Моавитяне, рекомыи Татаръве*». «Неслыханность» татарской рати – образ, довольно близкий к тому, который встречается в общей части статей НПЛ и Лавр.⁷¹ Однако в рассказе Ипат. появляется негативная характеристика татар, данная по, так сказать, «конфессиональному» принципу – татары названы «*безбожными*».

Вообще отношение к татарам как «безбожному» народу, судя по всему, в памятниках литературы появляется в сравнительно более поздний период: такого рода определения встречаются лишь начиная с летописных рассказов о нашествии Батыя⁷². И только в одном из трех ранних рассказов о битве на Калке – в рассказе по версии Ипат. – мы находим подобную отрицательную характеристику. Скорее всего, наличие в рассказе Ипат. определения татар как «безбожных» может быть связано как раз с поздним появлением Повести: рассказ, вероятно, составлялся уже после нашествия Батыя, в период, когда в литературе всячески подчеркивались такие черты монголо-татар, как «безбожность» и «поганство».

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741. Ср.: НПЛ. С. 62.

⁷¹ Однако есть и различие. В НПЛ (и Лавр.) речь идет о «языцах», о которых «добре никто не весть, кто суть и отколе изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вера ихъ», т.е. – о «неизвестных» – неизвестных, непонятных, незнакомых *народях*, «неизвестность» которых сама по себе таит определенную опасность для русских. «Неслыханность» же татарских *ратей* Ипат. менее грозная. Само отнесение определения «неслыханный» к «ратии», а не к народу существенно снижает пафос повествования: «неслыханной ратью» может быть как «неизвестное до поры», так и просто «очень большое» войско.

⁷² НПЛ. С. 74; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 460, 465, 467–469; Т. 2. Стб. 778–779, 782, 787.

Среди негативных характеристик татар в повести Ипат. особо подчеркивается «лесть» ордынцев. В завершающих фразах рассказа трижды упоминается указанное качество «безбожных». Татары, победив русских князей «за прегрешение крестьяньское», приходят к «Новгороду Святополчьскому». Поражение новгородцев объясняется тем, что «не ведающим же Роуси лести ихъ (татар. – В. Р.), исходяхоу противоу имъ же со кресты, они же *избиша ихъ всехъ*». Но Бог уводит татар, как бы давая возможность христианам встать на путь исправления. Татары «воеваша землю Таногоустьскоу и ины страны... ихъ же *прельстивше* и последи же *лестью погубиша*». Помимо «земли Таногоустьской», татары и «иныя же страны ратми, наипаче *лестью* погубиша»⁷³.

Еще одним показателем позднего происхождения разбираемого рассказа является сентенция о том, что поражение от татар является не просто Божиим наказанием за грехи, но и своего рода *предупреждением* русским, главная цель которого дать последним еще один шанс избавиться от грехов, сознательно встать на путь покаяния и исправления. Летописец объясняет уход татар тем, что Бог, «*ожидая покаяния крестьяньскаго и обрати и (их – татар. – В. Р.) вспять на землю восточную*»⁷⁴. Указанная идея, как и представления о «безбожности» татар, получает широкое распространение именно в первые десятилетия после нашествия Батыя. Именно в этот период нашествие воспринимается как «последнее предупреждение», «еще один шанс» исправиться (к большому сожалению книжников, шанс неиспользованный) погрязшим в грехах русским⁷⁵.

Отличительной чертой повествования Ипат. является наличие гораздо большего оптимизма в описании событий: русские не просто слепо сопротивляются року (в лице пришедших согласно Божьей воле татарам) и в конечном счете терпят поражение. Часто русские довольно удачливы в своих поступках. Создается впечатление, что летописец рассматривает победу русских над татарами как в принципе возможную.

Действительно, на определенном этапе сражения русским сопутствует удача: русские «победиша и (их – татар. – В. Р.) и гнаша в поле далеце, секоуще и взяша скоты ихъ», «татаром же бегающимъ, Данилови же избивающимъ своимъ полкомъ»⁷⁶. Подобные оптимистические нотки повествования практически отсутствуют в рассказах НПЛ и Лавр. Судя по всему, указанный феномен – определенный оптимизм по поводу возможной победы над «безбожными» – связан с бескомпромиссным неприятием татар, характер-

⁷³ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 745.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ НПЛ. С. 76; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 462. Ср. с «Поучениями» Серапиона Владимирского (см.: ПЛДР. XIII век. С. 446–448).

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 743–744.

ным для политики Галицко-Волынской Руси в период правления Даниила Романовича Галицкого, при котором и была составлена разбираемая часть летописи⁷⁷.

Таким образом, особенности восприятия татар в рассказе Ипат. во многом обусловлены, с одной стороны, осознанием уже случившегося к тому времени завоевания Руси, а с другой – антиордынской политической ориентацией Даниила Романовича. Как и в других ранних рассказах о битве на Калке, появление татар, называемых в летописной статье 6732 года «моавитянами», объясняется греховностью русских. *Бог* посылает «безбожных» (именно такой эпитет употреблен по отношению к татарам и это главная особенность рассказа Ипат.) для исправления православных христиан. Важно отметить, что в отличие от рассказов НПЛ и Лавр. в Ипат. «безбожные» татары приходят покарать за грехи в первую очередь русских, а вовсе не «поганных» куман – половцев.

При этом летописец довольно активно прославляет русских ратников, приписывая им самые разные воинские доблести: они храбрые, дерзкие воины, они сильны, не замечают ран, борются, крепко *бьют татар* (указано неоднократно). Позиция автора представляется двойственной: с одной стороны, по его мнению, русские имеют шанс победить, следовательно, борьба бессмысленна, она может завершиться для русских успешно. С другой стороны, успех возможен только после исправления от грехов и, соответственно, после ослабления гнева Божьего.

* * *

Оценивая восприятие монголо-татар в ранних летописных текстах «Повести о битве на Калке», следует выделить несколько ключевых аспектов рефлексии древнерусских книжников по поводу появившегося на юге Руси народа. Первый вопрос, который задавали себе составители повествований, касался того, *кто такие татары и почему они появились именно в данный момент*. При этом летописцев интересовали прежде всего не этнические, а, так сказать, символические аспекты идентификации.

Судя по всему, авторы наиболее ранних рассказов, дошедших до нас в составе НПЛ и Лавр., не могли еще однозначно идентифицировать появившийся «неведомый» народ. Связано это было с неким наложением образов измаильтян – легендарного народа, который, согласно «Откровению» Мефодия Патарского, должен был появиться в качестве одного из знаменитых грядущего Страшного суда. С одной стороны, образ измаильтян

⁷⁷ Романов В. К. Статья 1224 г. ... С. 103; Ужаиков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»... С. 247–283.

был прочно прикреплен к половцам, с другой же – поведение татар, само их появление наталкивали русских книжников на сравнения ордынцев с сынами Измаила. Составители рассказов НПЛ и Лавр. с большой антипатией отзываются о половцах, на которых обращен гнев Божий, поэтому союз русских князей с «погаными» куманами рассматривается книжниками крайне неодобрительно.

Первое появление татар на границах Руси завершилось разгромом русско-половецкого войска. Это потребовало *осмысления произошедшего с русскими несчастья*. Летописцы были единодушны в том, что поражение на Калке явилось наказанием русских, только если для составителей НПЛ и Лавр. эта кара рассматривалась как расплата за грехи, то для редактора Ипат. кара Господня являлась в первую очередь своеобразным *напоминанием* русским о необходимости исправиться.

В ранних рассказах (НПЛ и Лавр.) *татары еще не воспринимались как «безбожные»*. Более того, в рассказе НПЛ они, наоборот, ссылаются в споре с русскими на божественный авторитет.

Поражение русских на Калке не воспринималось книжниками в качестве катастрофы; подобные оценки также возникают позднее – в литературе, посвященной нашествию Батыея. Авторитет Мефодия Патарского, на которого ссылались составители рассказов НПЛ и Лавр., использовался в данном случае не столько для нагнетания мрачных (эсхатологических) настроений, сколько для «распознавания» пришедшего «невесь откуда» народа.

Авторы ранних рассказов о битве на Калке *весьма негативно оценивают поведение русских*. Однако негативное отношение к действиям соплеменников обусловлено не столько их разобщенностью, как это часто интерпретируют в литературе, сколько неблагоприятностью самого участия русских в битве на стороне народа, по отношению к которому татары выполняют функции «бича Божьего».

Принципиально иное восприятие татар возникает лишь после нашествия Батыея. Под воздействием «вновь открывшихся обстоятельств» – стремительности, масштабов, характера нашествия – древнерусские книжники пытались переосмыслить сформировавшееся до этого во многом нейтральное отношение к татарам. Именно в этот период появляются окрашенные в эсхатологические тона оценки произошедшего как «погибели Русской земли».

ОЧЕРК ВТОРОЙ

Образы монголо-татар в ранних летописных повестях о нашествии Батыя

Нашествие монголо-татар представляло собой рубежный момент в истории средневековой Руси. Судя по всему, это в значительной степени осознавалось и переживалось современниками происходивших событий и их ближайшими потомками. Масштабы нашествия, его стремительность и деструктивная мощь, небывалые бедствия, вызванные приходом ордынцев на Русь, наконец, сами по себе необычность и непривычность монголо-татар как этноса (иное поведение в быту или в бою, иные нравы, «языковой барьер» и др.) – все это предопределило пристальный характер внимания к этому народу со стороны древнерусских книжников.

Вероятнее всего, именно перечисленные факторы существенно повлияли на стремление писателей той поры глубже осмыслить и сам феномен монголо-татар, и причины их появления на Руси, и возможные выходы из создавшейся – плачевной для Русской земли – ситуации. Вместе с тем, осмысливая проблемы, касающиеся «монголо-татарского фактора», книжники не могли обойти стороной вопросы, связанные с морально-нравственной самооценкой. Действительно, практически во всех памятниках, созданных вскоре после нашествия, появление монголо-татар и поражения русских князей рассматриваются в неразрывной связи с той «духовной ситуацией», которая сложилась на Руси в предшествующий период. Таким образом, восприятие монголо-татар, осуществляемое в рамках саморефлексии книжников, являлось важным элементом тех морально-нравственных и интеллектуальных исканий, которые и определяли основные векторы духовного развития русского общества в рассматриваемый период.

Характер летописных рассказов о нашествии Батыея – содержащихся в них оценок, деталей описания событий, используемых сюжетов – определялся сочетанием личных пристрастий писателей и ряда социальных факторов, судя по всему, оказывавших мощное влияние на творчество книжников. На восприятие монголо-татар среди прочих влияли: место, в котором создавался тот или иной рассказ (было ли это княжество, подвергшееся татарскому разорению, или же периферия русско-ордынских контактов); характер отношений «политической элиты» соответствующего княжества с ордынскими властями (от явно враждебного до заискивающе дружелюбного); время появления повествования (писалось ли оно по горячим следам очевидцем или же создавалось *post factum* как результат спокойных размышлений потомка); источники информации авторов (непосредственное восприятие или литературная обработка слухов) и пр.¹

Самые ранние рассказы о походе Батыея содержатся в Ипат., НПЛ, Лавр. История текстов «Повести о нашествии Батыея» находится в тесной связи с содержащими ее летописными памятниками. Именно этим обстоятельством и обусловлена сложная текстовая структура анализируемых повествований. В результате длительной эволюции тексты произведений дошли до нас в виде неоднородной мозаики. В силу этого выявление первоначального ядра рассказов, а также точная датировка каждого из разбираемых текстов представляются крайне затруднительными.

Наиболее полный анализ текстов Повести предпринял А. Ю. Бородихин. По мнению исследователя, все три ранних летописных рассказа «характеризуются некоторой обособленностью (разрядка А. Ю. Бородихина. – *В. Р.*) внутри летописного окружения». Это обстоятельство «позволяет говорить о “вставном” характере ранних повестей и, следовательно, об относительной независимости их от всего целого»². А. Ю. Бородихин полагает, что для всех трех ранних редакций Повести существовал общий источник (источники). По его мнению, «связь ранних редакций... должна определяться только через прямое или опосре-

¹ Указанную особенность повествований необходимо учитывать, естественно, в той мере, в какой мы вообще можем судить о перечисленных выше обстоятельствах появления текстов. См. подробнее: Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. XI–XIV вв. М., Л., 1960. С. 301; Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – нач. XX в.: Сб. научных тр. Вып. 1. М., 1990. С. 16.

² Бородихин А. Ю. Цикл повестей о нашествии Батыея в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. Дис. ... канд. филол. наук. Машинопись. Новосибирск, 1989. С. 45–46 (*далее – Бородихин А. Ю. Цикл повестей... Дис. ...*).

дованное восхождение к этому источнику и независимое друг от друга отражение его»³.

В науке предпринимались попытки обнаружить общие источники трех ранних редакций. Так, В. Л. Комарович обратил внимание на то, что большинство дошедших до нас летописных рассказов о нашествии Батыя начинаются с описания татарского взятия Рязани. По мнению исследователя, «нигде голос непосредственного наблюдателя и даже участника изображенных событий не слышится более внятно, чем в рязанском эпизоде рассказа». Вообще В. Л. Комарович считал, что в основу целого ряда летописных известий НПЛ, Лавр. и др. легли «выдержки из рязанских летописных рассказов, главным образом о татарских нашествиях 1224 и 1237 гг.», а также об усобице 1218 года: «Выдержки из этого рязанского памятника, – полагал исследователь, – новгородец сблизил с новгородскими, а ростовец – с ростовскими известиями», причем заимствования новгородского сводчика «были болес обширными»⁴. Помимо НПЛ и Лавр., по мнению исследователя, следы рязанского источника обнаруживаются и в Ипат.⁵

Как полагал В. Л. Комарович, первоначальный рассказ о нашествии Батыя был составлен в 30–40-е годы XIII века в рамках недошедшего рязанского летописного свода и сообщал не только о собственно рязанском эпизоде татарского нашествия, но также и об осаде татарами Владимира и Козельска⁶. По мнению А. Ю. Бородихина, составители всех трех ранних вариантов Повести так или иначе использовали владимирский великокняжеский Свод Ярослава Всеволодовича, причем, как полагает исследователь, составители рассказов Ипат. и НПЛ воспользовались материалами этого свода еще до соединения последнего с ростовской летописной традицией⁷.

Мнение В. Л. Комаровича относительно рязанского происхождения начальной части статьи НПЛ поддержал А. Н. Насонов. Однако, по мнению исследователя, сам по себе факт того, «что изложение начинается с этих событий, конечно, не является указанием на рязанский источник»,

³ Бородихин А. Ю. Цикл повестей... С. 57.

⁴ Комарович В. Л. Литература Рязанского княжества XIII–XIV вв. // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М., Л., 1945. С. 75.

⁵ Ср. с мнением Д. С. Лихачева, который полагал, что «рассказ Ипат. о нашествии татар на Рязанскую землю не имеет ничего общего с рассказом НПЛ» (см.: Лихачев Д. С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани» // Д. С. Лихачев Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 261).

⁶ По мнению В. Л. Комаровича, рассказы НПЛ и Ипат. сблизает указание на то, что в осажденном татарами Владимире остался один князь (Всеволод), а не два (Мстислав и Всеволод), как это следует из Лавр., заменившей информацию рязанского источника сведениями ростовского происхождения. См.: Комарович В. Л. Литература Рязанского княжества... С. 75–76.

⁷ А. Ю. Бородихин не исключил возможности того, что составление владимирского источника относится к 30-м годам XIII в. См.: Бородихин А. Ю. Цикл повестей... Дис. ... С. 57, 114–115.

поскольку путь татар на Русь действительно начинался с Рязанской земли. А. Н. Насонов исходил из наличия в НПЛ особых указаний на рязанское происхождение источника, в первую очередь нашедших отражение в деталях описания нашествия. Исследователь достаточно осторожно высказался о характере привлеченного составителем НПЛ протографа: в отличие от В. Л. Комаровича А. Н. Насонов отметил лишь возможность существования рязанских летописных сводов (т.е. «больших, сложных летописных памятников, соединяющих известия разного происхождения»), допустив при этом, что новгородский составитель Повести «пользовался письменным рязанским источником»⁸. По мнению исследователя, рязанский источник привлекался не на всем пространстве летописной статьи; в последующем изложении составитель версии НПЛ мог обращаться в том числе и к устным источникам⁹.

Д. С. Лихачев отметил, что «вся статья 1238 г. НПЛ носит компилятивный характер: сперва в ней помещен рязанский рассказ, потом рассказ о взятии Владимира, сходный с Лавр. и восходящий, очевидно, к ростовскому летописанию, затем – выдержка из Поучения о казнях Божиих, читающегося в Повести временных лет под 1068 г.»¹⁰

Несколько иного мнения придерживается А. Ю. Бородихин. Он полагает, что составитель рассказа НПЛ воспользовался как минимум тремя источниками: помимо владимирского и ростовского, еще и южнорусским¹¹. Дж. Феннел, вслед за В. Л. Комаровичем, полагает, что повествование НПЛ «составлено из двух различных источников: не дошедшей до нас летописи рязанского происхождения и записи новгородца»¹². К такому же выводу приходит и В. А. Кучкин. По его мнению, «рассказ о Батысвых походах составлен в НПЛ по двум источникам: рязанскому и особому источнику,

⁸ *Насонов А. Н.* Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII века // Проблемы источниковедения. Т. II. М., 1963. С. 443. Ср.: *Он же.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 184–185.

⁹ *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 186.

¹⁰ По мнению исследователя, рязанский рассказ о нашествии Батыя, попав в НПЛ, подвергся существенному сокращению. В более полном виде, считает Д. С. Лихачев, рязанский источник отразился в Повести о разорении Рязани Батыем. См.: *Лихачев Д. С.* К истории сложения... С. 261–262. С мнением о том, что статья НПЛ передает сокращенный вариант раннего рязанского рассказа, согласен и А. Г. Кузьмин (ср.: *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 157–158). Стоит отметить, что В. А. Кучкин, в целом соглашаясь с мнением Д. С. Лихачева, скептически относится к предположению исследователя о ростовском происхождении одного из источников статьи НПЛ (см.: *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго... С. 24, 60. Прим. 43, 47).

¹¹ См.: *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей... Дис. ... С. 57, 68, 73.

¹² *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 117.

который следует признать новгородским по содержащимся в нем известиям о Торжке и новгородской земле»¹³.

Появление «Повести о нашествии Батыея» в составе НПЛ исследователи относят ко времени не ранее середины XIII – первой половины XIV века¹⁴. Летописный рассказ о нашествии находится в т.н. «второй части» Синодального списка НПЛ. Текст этой части написан почерком первой половины XIV века¹⁵. Точно установить время появления текста довольно затруднительно: в любом случае исследователю приходится опираться на гипотетически выявленные источники повествования.

Достаточно интересную датировку рассказа НПЛ предложил А. Ю. Бородихин. По мнению исследователя, «Повесть о нашествии Батыея» могла появиться в летописи около 1255 года: именно к этому времени он относит составление гипотетического новгородского летописного свода, отразившегося, в частности, в Тверском сборнике¹⁶. «Свод 1255 года», заканчивавшийся летописной статьей, повествующей об усмирении новгородского мятежа князем Александром Ярославичем, по мнению А. Ю. Бородихина, «вполне мог быть летописным сводом Александра Невского или владычным сводом, поддерживавшим политику этого князя». Среди духовных лиц, возможно, оказавших влияние на составление свода, исследователь называет митрополита Кирилла, в 1251 году прибывшего на северо-восток Руси¹⁷. Еще одним аргументом в пользу раннего появления рассказа НПЛ, по мнению А. Ю. Бородихина, является то, что составитель Повести, дошедшей до нас в указанной летописи, воспользовался *еще не соединенными друг с другом* владимирскими и ростовскими записями о нашествии. Соединение же владимирских и ростовских записей, нашедшее отражение в Лавр., по мнению исследователя, могло произойти в период с 60-х годов XIII по начало XIV века¹⁸.

М. Д. Приселков полагал, что текст Лавр. на пространстве от 1193 и до 1239 года – «сдва ли не труднейшая для анализа часть этой летописи»¹⁹. По его мнению, рассказ Лавр. о Батыевом нашествии носит сводный характер

¹³ Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 22.

¹⁴ Так, А. А. Шахматов полагал, что НПЛ представляет собой свод, составленный в 30-е гг. XIV в. См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М., Л., 1938. С. 365.

¹⁵ «Вторая часть» Синодального списка НПЛ начинается с Л. 119 (обрыв статьи под 6742 (1234) годом). См.: НПЛ. С. 5–6.

¹⁶ Предположение о существовании «Свода 1255 года» впервые сформулировал И. А. Тихомиров (см.: Тихомиров И. А. О сборнике, именуемом Тверской летописью // ЖМНП. 1876. Декабрь. С. 271). А. Ю. Бородихин существенно расширил аргументацию. Ср.: Бородихин А. Ю. Цикл повестей... Дис. ... С. 72–73, 115.

¹⁷ Там же. С. 72–73.

¹⁸ Там же. С. 57, 115.

¹⁹ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 136.

и был составлен в 1239 году в Ростове для великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича на основании двух источников – ростовского («Свода Константина и его сыновей») и владимирского («Свода великого князя Юрия Всеволодовича») летописцев²⁰. Сводный характер летописной статьи, по мнению М. Д. Приселкова, выразился в наличии «переходных» фраз («но то оставим», «но мы на передняя взидем» и др., означающих переход от текста одного источника к тексту другого), дублируемых известий (в частности, по выражению М. Д. Приселкова, «герои этого рассказа умирают по два раза, и это на пространстве нескольких строк»), а также различной «литературной манеры» у составителей ростовского и владимирского источников²¹.

Д. С. Лихачев согласился с общей гипотезой М. Д. Приселкова о перенесении владимирского великокняжеского летописания в Ростов, а также с предположением последнего о соединении в рамках летописного рассказа о нашествии Батые двух источников – ростовского и владимирского. Вместе с тем Д. С. Лихачев полагал, что ростовские известия статьи 6745 года Лавр. следует возводить к так называемому «Своду княгини Марьи» – дочери казненного в Орде князя Михаила Всеволодовича Черниговского и супруги замученного татарами князя Василька Константиновича Ростовского. Указанный свод, по мнению Д. С. Лихачева, будучи составлен в 60–70 годы XIII века на волне антиордынских выступлений в Северо-Восточной Руси, «был проникнут идеей необходимости крепко стоять за веру и независимость родины». В силу известных родственных пристрастий княгини Марьи указанный свод подробно дополнял владимирский источник информацией о ростовских князьях и событиях, произошедших в Ростове²².

А. Н. Насонов отрицательно отнесся к возможной зависимости рассказа Лавр. от соответствующего повествования НПЛ: «сравнительно немногие конкретные черты», содержащиеся в Лавр., отсутствуют в НПЛ; не нашел исследователь и «бесспорно общих мест»²³. А. Н. Насонов поддержал вывод М. Д. Приселкова о том, что не дошедший до нас источник Лавр.

²⁰ *Приселков М. Д. История... С. 136–142, 144–145.* «Во всех случаях, когда сводчику 1239 г. нужно было выбирать между ростовским изложением и изложением владимирским, он без колебаний и компромиссов передавал ростовскую версию. Но в одном случае сводчик 1239 г. отступил от этого приема и дал слитный рассказ по обоим источникам: это в описании Батыева нашествия под 1237 г., которое читалось в обоих источниках свода 1239 г. как последнее известие» (Там же. С. 142). Близким по времени к описываемым событиям считал рассказ Лавр. и Дж. Феннела. По его мнению, «тон историй, содержащихся в Лавр., сухой, нерасцветенный, явно указывает на их современное событиям происхождение» (см.: *Феннел Дж. Кризис... С. 117*).

²¹ См. подробнее: *Приселков М. Д. История... С. 142–143.*

²² *Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 282–288.*

²³ *Насонов А. Н. История... С. 186.*

(так называемый «Свод 1305 года») в интересующей нас части представлял собой соединение владимирского и ростовского летописных сводов. Однако, по мнению А. Н. Насонова, соединение этих двух источников «Свода 1305 года» произошло не в 1239 году, как полагал М. Д. Приселков, а несколько позднее.

Во-первых, как считал историк, в основу свода, составленного при князе Ярославле, который долгое время являлся противником Константина, вряд ли мог быть положен «ростовский летописец Константина и его сыновей». Во-вторых, по мнению А. Н. Насонова, свод не мог быть составлен в 1239 году, поскольку «и до 1239 года и после видим в Лавр. сильную ростовскую окраску». Наконец, как заметил исследователь, в угоду идеологической установке свода – «идеи братского единения князей» – его составитель существенно подправил изложение ряда статей, что, по мнению А. Н. Насонова, не могло произойти в 1239 году, «когда память о событии была еще свежа». На основании анализа текста, историк пришел к выводу, что включение «ростовского материала» во владимирский великокняжеский свод произошло в 1281 году²⁴.

В. Л. Комарович, высказавший предположение о существовании рязанского и ростовского источников рассказа Лавр., отметил, что «только двумя этими источниками весь рассказ исчерпываться не может»²⁵. По мнению исследователя, появление в Лавр. целого ряда известий (и в первую очередь в статье о нашествии Батыева) следует относить к авторскому вкладу «мниха Лаврентия». Подобный вывод исследователь основывал на предположении о несидентичности текста Лавр. тексту недошедшей Тр., которая, в свою очередь, точно передавала текст «Свода 1305 года» – протографа Тр.-Лавр. Как отмечал исследователь, «все распространения, сокращения или замены в Лавр. сравнительно с тем, что читалось о Батыевой рати в Летописце 1305 года, могли быть сделаны только тем, кто этот Летописец в 1377 году собственноручно переписывал, т.е. мнихом Лаврентием. Его авторский вклад в рассказ о Батыевой рати теперь может быть... легко обнаружен»²⁶. Однако обнаружение «авторского вклада» Лаврентия оказалось напрямую связанным с реконструкцией недошедшей Тр. Для реконструкции

²⁴ На этот год приходится обрыв в изложении ростовского материала. По мнению А. Н. Насонова, переработка в этот период отвечала определенным идеологическим целям – показать братолюбие князей, вскрыть многочисленные социальные пороки, обличению которых посвящают свои произведения и другие книжки Северо-Восточной Руси (например, Серапион Владимирский, митрополит Кирилл и др.) и пр. См. подр.: Насонов А. Н. Лаврентьевская летопись... С. 449–450. Ср.: *Он же*. История... С. 193–201.

²⁵ Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 32–33.

²⁶ Комарович В. Л. Лаврентьевская летопись // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. С. 91.

интересующего нас рассказа о нашествии Батыя исследователь предложил воспользоваться текстом Воскресенской летописи (*далее* – Воскр.).

По мнению В. Л. Комаровича, Лаврентий, не будучи современником описываемых событий, был вынужден обращаться к предшествовавшему летописному материалу, заимствуя оттуда целые выражения для рассказа о событиях Батыева нашествия²⁷. Справедливо обратив внимание на этот «литературный прием» составителя рассказа Лавр., В. Л. Комарович, тем не менее, не совсем корректно привлек для анализа Воскр. Как показали исследователи, текст Тр. за 1237–1239 годы восстанавливается на основе Симеоновской летописи (*далее* – Сим.), из которой необходимо извлечь добавления, попавшие в нее из Московского свода 1479 года²⁸. Текст же рассказа о нашествии Батыя, дошедший до нас в Воскр. «...с начала... и до конца... почти слово в слово совпадает с соответствующим текстом... Московского свода 1479 года», в свою очередь передающего текст Софийской первой летописи (*далее* – С1). Составитель же С1, «комбинируя» свои источники (по мнению А. Н. Насонова, это Лавр., НПЛ, Ипат. – В. Р.), пытался дать наиболее полный, связный, исчерпывающий рассказ²⁹. Отвергая возможность привлечения Воскр. для реконструкции Тр., А. Н. Насонов исходил из признания идентичности текстов Тр. и Лавр. Иначе говоря, по мнению исследователя, текст Лавр. не отличался от текста своего протографа – «Свода 1305 года» и, следовательно, не являлся результатом творчества, «авторского вклада» своего переписчика Лаврентия³⁰.

Иного мнения придерживается Г. М. Прохоров, который на основании кодикологического анализа Лаврентьевского списка 1377 года пришел к выводу о том, что создатели рукописи в значительной степени пересдывали имевшийся у них текст, причем эти переделки были связаны «именно с татарской темой». Вслед за В. Л. Комаровичем исследователь полагает, что «Повесть о Батыевом нашествии» явилась произведением «в какой-то мере писцов 1377 г.»³¹. Однако, в отличие от своего предшественника, который не признавал сходства рассказов о нашествии в Лавр. и Тр., Г. М. Прохоров полагает, что «Повесть о Батыевой рати в обеих летописях имеет один и тот же облик»³². Как пишет исследователь, «если общий с Тр. текст

²⁷ Комарович В. Л. Лаврентьевская летопись. С. 90–96. Ср.: *Он же*. Из наблюдений... С. 33–40.

²⁸ См. напр.: Насонов А. Н. История... С. 181.

²⁹ Насонов А. Н. Лаврентьевская летопись... С. 439–442; *Он же*. История... С. 180–184. С этим выводом А. Н. Насонова согласен и Г. М. Прохоров (см.: Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии... С. 86).

³⁰ Насонов А. Н. История... С. 181.

³¹ Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии... С. 77.

³² Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // ВИД. Т. 4. Л., 1972. С. 104.

Лавр. – плод какой-то работы 1377 года, то Тр. опирается (непосредственно или через какое-то промежуточное звено) на саму Лавр.». Таким образом, вопреки устоявшимся в науке представлениям об истории летописания, Г. М. Прохоров предположил, что «эта Повесть попала в Тр. из Лавр. (а не из “Свода 1305 г.”), т.е. одним из источников Тр. была Лавр. (рукопись 1377 года или более поздние – но не более ранние! – списки)»³³.

Кроме того, Г. М. Прохоров подсчитал заимствования и обнаружил в Повести целый ряд «вкраплений» из предшествующего летописного текста (по подсчетам исследователя, текст содержит по крайней мере 33 «разновеликих вкрапления», мозаика из которых «составляет примерно треть объема повести»³⁴). По мнению Г. М. Прохорова, использование составителем статьи предшествующего летописного материала, отсутствие у него собственных деталей описания является еще одним свидетельством в пользу позднего происхождения текста. Необходимость существенной правки текста, произведенной в 1377 году, Г. М. Прохоров объясняет стремлением заказчиков Лаврентия – нижегородско-суздальского князя Дмитрия Константиновича и епископа Дионисия – «дать читателю исторические примеры мужественной, вероисповедно-непримиримой борьбы христиан-русских с иноверцами-татарами»³⁵. Появление таких «примеров» в эпоху Куликовской битвы, по мнению Г. М. Прохорова, отражало объективную потребность времени «побороть уже почти столетийский страх», поскольку «боящиеся не могли бы победить на Куликовом поле»³⁶.

Я. С. Лурье подверг обоснованной критике выводы Г. М. Прохорова о происхождении текста Повести в составе Лавр. Во-первых, исследователь усомнился в возможности того, что составители Лавр. «в спешке», как полагает Г. М. Прохоров, оставили без внимания события практически всего XIV века (с 1305 по 1377 год), а особенно события, связанные с Нижегородско-Суздальским княжеством. Во-вторых, Я. С. Лурье поставил под сомнение предложенную Г. М. Прохоровым схему взаимозависимости Тр.-Лавр., отметив, что «зависимость Тр. (а вслед за ней и почти всего общерусского летописания) от списка 1377 г. не может быть доказана только на основе кодикологического исследования Лаврентьевского списка и анализа рассказа 1237–1240 гг. Здесь необходимо развернутое текстологическое доказательство»³⁷.

³³ Прохоров Г. М. Кодикологический анализ... С. 79–80, 104.

³⁴ Случаи заимствования приведены Г. М. Прохоровым (см.: Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии... С. 78–83).

³⁵ Там же. С. 91.

³⁶ Там же. С. 94.

³⁷ Развернутая аргументация Я. С. Лурье, см.: Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись – свод начала XIV века // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 54–62.

Наставая на совпадении текстов Лавр. и Тр., Я. С. Лурье вместе с тем не исключил позднего времени появления рассказа о нашествии Батгья³⁸. По мнению исследователя, вероятнее всего, этот рассказ, имеющий двойственное – владимирское и ростовское происхождение – появился в период княжения Михаила Ярославича Тверского в 1305 году, когда и был составлен летописный свод – протограф Лавр.-Тр.³⁹

«Повесть о нашествии Батгья» в составе Ипат., судя по всему, представляет собой компиляцию из вкраплений летописного текста, различающихся по времени и месту возникновения, а следовательно, по степени полноты и точности передаваемой информации. С одной стороны, текст Ипат. передает впечатления южнорусского книжника⁴⁰. С другой стороны, статья Ипат. подробно повествует о событиях, произошедших вдалеке от Южной Руси – в землях русского Северо-Востока⁴¹.

По мнению А. Ю. Бородихина, одним из источников (рассказа Ипат.) был т.н. «Владимирский свод великого князя Ярослава Всеволодовича», к информации которого составитель Ипат. прибегнул еще до того, как владимирское летописание оказалось соединенным с ростовским⁴².

А. Ю. Бородихин считает рассказ Ипат. «самой ранней из дошедших до нас редакций повествования о нашествии Батгья»: по мнению исследователя, «поразительная осведомленность автора-составителя в деталях описываемых событий заставляет видеть в нем современника». На основании анализа упоминаемых в тексте Повести имен татарских воевод, а также находящейся там информации о смерти «Угтай-каана» А. Ю. Бородихин

³⁸ По мнению Я. С. Лурье, «построение рассказа о событиях 1237–1240 годов не решает вопроса его датировки. Рассказ о нашествии мог быть составлен и в 1239 г., как предполагал М. Д. Приселков, и в 1281 году, как думал А. Н. Насонов, и еще позже...». См.: *Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 32.*

³⁹ *Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись... С. 66–67. Ср.: Прохоров Г. М. Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 244. По мнению Я. С. Лурье, «именно с Михаила Ярославича начинается трудная и героическая борьба с полновластием татарских ханов, которую вела в XIV в. Тверь». С этой точкой зрения согласны и новейшие исследователи Повести – А. Ю. Бородихин и В. А. Кучкин (ср.: *Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 35–36; Бородихин А. Ю. Цикл повестей... Дис. ... С. 12; Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 44*). В другом месте Я. С. Лурье высказался более определенно о времени появления Повести: рассказ Лавр. о нашествии Батгья «не мог быть составлен позже 1305 года». См.: *Лурье Я. С. Примечания // М. Д. Приселков История... С. 268–269. Прим. 86.**

⁴⁰ См., напр.: *Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 17. По мнению Дж. Феннела, Ипат. «последовательно отражает один из южнорусских источников, ей недостает подробностей, местами она туманна, неточна, путана и содержит лишь несколько фрагментов дополнительных сведений, происходящих, вероятно, из устных легенд, бытовавших в южной Руси в эпоху после нашествия» (см.: *Феннел Дж. Кризис... С. 118*).*

⁴¹ Это рассказы о «рязанском эпизоде» нашествия, об осаде Владимира-на-Клязьме, Суздаля, Козельска, о событиях на Сити и пр. См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778–781.

⁴² *Бородихин А. Ю. Цикл повестей... Дис. ... С. 114.*

предлагает датировать произведение 1245–1249 годами⁴³. Указанная датировка в принципе совпадает с датировкой текста «Летописца Даниила Галицкого» (в Ипат. за 1201–1250 годы), предложенной А. Н. Ужанковым. Как установил А. Н. Ужанков, работа над указанной частью летописного свода была завершена в начале 1247 года⁴⁴.

Таким образом, мы исходим из того, что все три ранних рассказа о нашествии Батыея появились в рамках летописных сводов самое позднее к началу XIV века. Впрочем, если время создания Повести в составе Ипат. может быть установлено весьма точно (середина XIII века), то относительно времени появления рассказов НПЛ и Лавр. единого мнения в науке не существует.

Вероятнее всего, повествования о нашествии Батыея, дошедшие до нас в составе указанных летописей, действительно не синхронны описываемым событиям – судя по всему, эти рассказы появились во второй половине XIII – начале XIV века. Однако для целей нашего исследования считаем возможным ограничиться такой – достаточно приблизительной – датировкой разбираемых текстов. Судя по всему, рассказы НПЛ и Лавр. действительно отражают впечатления не современников событий, а их ближайших потомков. Последние, описывая события не по «горячим следам», а на некотором временном расстоянии, тем не менее использовали более ранние свидетельства, комбинируя и пересмысливая их, дополняя рассказы своих предшественников собственным видением произошедшего.

«Иноплеменники, глаголемии Татарове»

Восприятие монголо-татар новгородским летописцем – автором рассказа о нашествии Батыея – традиционно оценивается как крайне негативное. Исследователи давно обратили внимание на резкую антитатарскую направленность статьи НПЛ, подчеркивая, что новгородец, «не испытавший на себе кошмары нашествия», мог быть «более свободен в своих высказываниях», нежели книжники других русских земель⁴⁵. Однако сама

⁴³ *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей... Дис. ... С. 64. Ср.: *Он же.* Цикл повестей о нашествии Батыея в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. С. 11 (далее – *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей... АКД).

⁴⁴ *Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С. 274. Исследователь, независимо от А. Ю. Бородихина, также использует упомянутые имена татарских воевод для датировки текста (см.: Там же. С. 270).

⁴⁵ *Будовиц И. У.* Общественно-политическая мысль... С. 302; *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго... С. 24–25.

по себе констатация негативного отношения к захватчикам не позволяет реконструировать то, *как именно* воспринимал монголо-татар летописец. Прежде всего, следует показать «оттенки этой негативности», указать на своеобразие оценок, данных татарам новгородским книжником.

Судя по всему, монголо-татары воспринимались летописцем не просто в качестве врагов – захватчиков, разоривших русские города, но главным образом в качестве *неотвратимого зла*, само происхождение, формы и результаты проявления которого лежат, так сказать, в «потусторонней» плоскости. Подобный подход к характеристике монголо-татар проявляется в целом ряде деталей их описания.

Уже в эпитетах, которые автор рассказа НПЛ присваивает захватчикам, проглядывается общий настрой летописца по отношению к монголо-татарам, та «призма», при помощи которой он пытается разглядеть народ, смерчем пронесшийся по Руси.

В тексте летописного рассказа неоднократно подчеркивается то, что ордынцы – *«иноплеменьици, глаголемии Татарове»*. При этом специально (и тоже неоднократно) указывается на то, что эти «иноплеменьици» – *«погании», «безбожнии», «безаконьнии», «оканьнии»*, на то, что они – *«кровопролитцы крестьяньскыя крови», «безаконьнии Измашьти», «оканьнии безбожници»* и т.п.⁴⁶ Создается впечатление, что книжник ведет речь в первую очередь об *иноплеменниках в принципе*, вообще об *иноплеменниках, обладающих при этом набором заранее определенных качеств*. Этнические корни, верования, то, что принято называть «обычаи и нравы» захватчиков, для него не имеют значения. Летописец не дает оценок конкретным действиям татар. Он беспристрастен в описании ужасов татарского нашествия и лишь констатирует произошедшие события, не сопровождая рассказ какими бы то ни было комментариями.

Эти *иноплеменники действуют согласно общепринятому стереотипу поведения* – именно это принципиально важно для летописца, именно этот стереотип он и отображает на страницах своего рассказа. При этом стереотип их поведения для книжника обусловлен не набором их (татар) собственных (этнических, религиозных и иных) качеств, а той гаммой присущих «иноплеменникам вообще» черт, которая, в свою очередь, продиктована ниспосланной им свыше миссией *«карающего меча»*.

Важно отметить, что используемые книжником в отношении татар эпитеты вполне перекликаются с эпитетами, которые используются в «Откровении» Мефодия Патарского по отношению к народам, в «последние времена» приходящим для наказания рода человеческого: у Мефодия

⁴⁶ НПЛ. С. 74–77.

эти народы – «племя Измаилево» – также называются «беззаконными и погаными»⁴⁷.

В случае с рассказом о событиях, записанных в НПЛ под 6746 годом, можно говорить о *соответствии формы и содержания текста*. С одной стороны, рассказ новгородского летописца о монголо-татарском нашествии на Русь переполнен шаблонными характеристиками. С другой стороны, устойчивые литературные формулы органично сочетаются с оригинальными авторскими наблюдениями. Данная особенность заставляет видеть в использованных шаблонах не просто дань литературной моде того времени, но и осознанно выбранный автором способ передачи важной для читателя информации.

Рассказ о нашествии Батяга летописец начинает сообщением о численности «поганых»: «...придоша иноплемьеници, глаголемии Татарове, на землю Рязаньскую, множества бещисла, акы пружи...»⁴⁸ Само по себе появление информации о численности покорившего Русь народа вполне естественно. Гораздо интереснее то, что летописец, не ограничиваясь указанием на «бесчисленность» татар, сравнивает их с саранчой. Пришествие же саранчи традиционно воспринималось средневековым сознанием в качестве одной из «казней Господних»⁴⁹. Однако упоминание саранчи в контексте «множества» имело, судя по всему, и иные параллели. «Пружи» также упоминаются в известном на Руси примерно с XII века Откровении Мефодия Патарского. В этом произведении именно *измаильтяне* «на земли хождахоу» «мнозы яко проужи», плсняя «землю и грады»⁵⁰. Учитывая, что для обозначения татар автор рассказа использует термин «измаильтяне», следует полагать, что сравнение множества «поганых» именно с саранчой имело неслучайный характер.

Таким образом, во фразу «придоша... множества бещисла, акы пружи» автор заключает сразу несколько смыслов. С одной стороны, в ней содержится указание относительно численности пришедших на Русь татар – их пришло несметное множество. С другой стороны, книжник указывает на функцию «поганых» – они пришли для наказания Руси, в качестве «кары Господней». И, наконец, уточнением «яко пружи» автор текста

⁴⁷ См., напр.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследования и тексты. М., 1897. С. 93–94 и др.

⁴⁸ Там же. С. 74.

⁴⁹ См., например: Исх. 10: 4–19. Для сравнения: в ПВЛ из пяти упоминаний о саранче два относятся именно к рассказам о «казнях Божиих»: о наведении саранчи на фараона подробно рассказывает князю Владимиру Святославичу Философ; в этом же контексте саранча упоминается и в т.п. отрывке «О казнях Божиих» под 6576 (1068) годом. См.: ПВЛ. С. 44, 73.

⁵⁰ *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 87, 94, 98, 104, 109, 112.

еще раз подводит читателя к необходимым параллелям между татарами и «нечистыми народами», в частности измаильянами, которые, согласно предсказанию Мефодия Патарского, должны покорить мир накануне «последних времен». Вероятно, автор рассказа о нашествии Батыя, в отличие от своего предшественника, описывавшего битву на Калке, уже имел четкое представление о том, что татары – это и есть измаильяне. Книжник не только не выносит на читательский суд свои сомнения по этому поводу (как это делал автор «Повести о битве на Калке» в редакции НПЛ). Но из текста видно, что летописец вполне уверен в своих выводах относительно татар.

По мнению летописца, татары пришли для наказания Руси согласно Божьей воле. Для усиления аргументации в пользу данного вывода новгородец (следует заметить, что, судя по всему, все «лирико-философские рассуждения принадлежат перу новгородца»⁵¹) активно использует текст статьи ПВЛ под 6576 (1068) годом, в которой как раз и говорится о «казнях Божиих». Вся летописная статья, посвященная описанию монголо-татарского нашествия, как бы строится на параллелях с «Поучением о казнях Божиих»: начало статей (фраза «придоша иноплеменники»), а особенно их концовки практически совпадают. Более того, концовка статьи 6746 года НПЛ представляет собой точно процитированный отрывок из рассказа ПВЛ. От слов «грехъ же ради нашихъ попусти Богъ поганья на ны» и до слов «но мы на злое ввращаемся, акы свинья, валяющесе в кале греховнемъ присно, и тако пребываемъ» следует цитата из начальной части «Поучения», а заключительная фраза статьи НПЛ «да сего ради казни приемлемъ всякыя от Бога, и нахоженис ратныхъ; по Божию повелению, грехъ ради нашихъ казнь приемлемъ» является также заключительной и для рассказа ПВЛ⁵².

Вряд ли следует согласиться с точкой зрения В. А. Кучкина, полагающего, что указанные совпадения в текстах НПЛ и ПВЛ «представляют значительный интерес для суждений об источниках новгородского Свода 30-х годов XIV века или его протографов, но не для суждений о том, как понимал и оценивал иноземное иго новгородский летописец» (курсив наш. – В. Р.)⁵³. По мнению исследователя, «детальный анализ цитаты вскрывает уже не мысли людей XIII–XIV вв., а идеи XI столетия»⁵⁴. Между тем уже

⁵¹ Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 23.

⁵² Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Изд. 2-е. Л., 1926. Стб. 167–168, 170; Т. 2. Стб. 156–159; НПЛ. С. 74, 76–77. Впервые на указанные совпадения обратил внимание Д. С. Лихачев. См.: Лихачев Д. С. К истории сложения... С. 261.

⁵³ Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 24.

⁵⁴ Там же. С. 61. Прим. 49. По мнению А. А. Шахматова, «Поучение о казнях Божиих» было вставлено в Начальный свод, а уже оттуда попало в ПВЛ (см.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 168–169).

сам факт использования «идей XI столетия» для оценки произошедшего в XIII веке свидетельствует о сходстве самих событий и, самое главное, о сходстве оценок, данных этим событиями. Тем более что пафос процитированного отрывка из «Поучений о казнях Божиих» являлся вполне актуальным для литературы XIII–XIV веков.

Представление о том, что приход «иноплеменников» является напоминанием Господа о необходимости исправления всем вставшим на путь греха народам; рассказ о всевозможных казнях, которые Бог насыляет на погрязшие в грехах земли («земли же сгрешивши которои, любо казнить Богъ смертью или гладомъ или наведенисъ поганыхъ или ведромъ или дъждемъ силнымъ или казнями инеми»); наблюдение, что, несмотря на многочисленные наказания, люди все-таки не прекращают своих греховных дел («но мы на злое ввращаемся, аky свинья, валяющся в кале греховнемъ присно, и тако пребываемъ») – все это находит отражение в целом ряде сочинений, синхронных рассказу НПЛ, среди которых главное место занимают «Поучения» Серапиона Владимирского⁵⁵.

Для усиления темы «казней Божиих» летописец (кстати, в оригинальной части своего текста) активно прибегал к образам уже упоминаемого нами «Откровения» Мефодия Патарского. В «Откровении» «пришествис» измаильтян также называется «казню безмилостивой»; по мнению Мефодия, от них – «безбожных поган» – «вси живущие на зсмле казнь приимуть»⁵⁶. Видимо, поэтому среди прочих атрибутов измаильтян татарам в описании автора рассказа НПЛ присуще стремление к «поруганию» «черниц и попадей и добрых жен и девиц пред матерьми и сестрами»⁵⁷, действие с помощью «огня» и «меча»: татары избивают «овых огнемъ, а иных мечемъ», в результате взятия городов люди «уже огнемъ кончсаются, а инии мечемъ» и т.д.⁵⁸

Кстати, сравнение действий «поганых» с «мечем карающим» довольно характерно для литературы, посвященной эсхатологической тематике. Из синхронных НПЛ произведений, в которых по отношению к татарам употреблено сравнение с «мечем», следует назвать «Поучения» Серапиона Владимирского («Моисеви что рече Богъ: “Аще злобою озлобитс вдовицю

⁵⁵ См., напр., второе и третье «Поучения» Серапиона Владимирского (см.: ПЛДР. XIII век. С. 442–448) и т.н. «Правила» митрополита Кирилла (см.: Правило Кюрила Митрополита Русского // Русские достопамятности, издаваемые ОИДР. Ч. 1. М., 1815. С. 106–107). Об идейном сходстве этих памятников подробнее см.: Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 6-е. испр. М., 1956. С. 197.

⁵⁶ Ср.: *Истрии В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 93, 95 и др.

⁵⁷ НПЛ. С. 75. Ср.: «осквернены боудуть жены ихъ от скверныхъ сыновъ Изъмаилевъ». См. подробнее: *Истрии В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 93–94 и др.

⁵⁸ НПЛ. С. 75.

и сироту, взопьют ко мне, слухом услышу вопль их, и разгневаюся яростью, погублю вы мечем". И ныне збысться о нас реченое: не от меча ли падохомъ? не единою ли, ни двожды?»⁵⁹; «святители мечю во ядь быша»⁶⁰), а также «Правило Кюрила» (ср.: «не падоша ли силнии наши князи остримъ меча? не поведени ли быша в плен чада наша? не запоустеша ли святыя Божия церкви? не томими ли есмы на всякъ день от безбожныхъ и нечистыхъ погань?»⁶¹).

Еще более явные параллели с «мечем карающим» прослеживаются в текстах Священного Писания, а также в предсказательной литературе: «и вы падете от меча, потому что вы отступили от Господа, и не будет с вами Господа»; «и воевали сыны Иудины против Иерусалима, и взяли сго мечем, и город предали огню»; «спешите... чтоб не застиг и не захватил нас, и не навел на нас беды, и не истребил города наши мечем»; «если придет на нас бедствие: меч наказующий, или язва, или голод...»; «и он навел на них царя Халдейского, и тот умертвил юношей их мечем в доме святыни их, и не пощадил ни юноши, ни девицы, ни старца седовласого, все предал Бог в руку его»; «и за беззакония наши преданы были мы, цари наши, священники наши, в руки царей иноземных, под меч, в плен и на разграбление и на посрамление»; «убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд»⁶² (ср: «падоуть мьчемь вси боляре силны...»; «и предана боудеть земля Ферьска въ тлю и пагоубоу и живоущи на ней пленениемъ и мьчемь погыбноуть»⁶³) и т.д.

Татары в рассказе новгородца действуют крайне успешно. Все, что они затевают, им удается. Видимо, поэтому рассказ летописца о военных успехах монголо-татар довольно монотонен: книжник просто перечисляет этапы движения татар к поставленным целям. Характерно описание осады Рязани и синхронных этому событий. Так, «иноплеменници погани оступиша Рязань и острогомъ оградиха», после чего они сражаются с рязанским князем Романом вне стен города («оступиша ихъ татарове у Коломны, и бишася крепко, и прогониха ихъ к надолобомъ, и ту убиша

⁵⁹ ПЛДР. XIII век. С. 448.

⁶⁰ Там же. С. 446.

⁶¹ Правило Кюрила... С. 107.

⁶² Чис. 14: 43; Сул. 1: 25; 2 Цар. 15: 14; 2 Пар. 20: 9; 36: 17; Езд. 9: 7; Иов 19: 29. Ср. также: «тебя постигли... опустошение и истребление, голод и меч: кем я утешу тебя?» (Ис. 51: 19); «не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо меч неприятелей, ужас со всех сторон» (Иер. 6: 25); «и пошло вслед их меч, доколе не истреблю их» (Иер. 9: 16); «юноши их умрут от меча...» (Иер. 11: 22); «на все горы в пустыне пришли опустошения; ибо меч Господа пожират все от одного края земли до другого: нет мира ни для какой плоти» (Иер. 12: 12); «если они будут постыться, Я не услышу их; и если вознесут всесожжение и дар, не приму их; но мечем и голодом и моровою язвою истреблю их» (Иер. 14: 12) и др.

⁶³ Ср.: Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 93, 94 и др.

князя Романа»), вслед за этим «татарове *взяша град (Москву)*», «*избиша*» москвичей, после чего, «*вземшемъ Рязань*», «*поидоша къ Володимирию*»⁶⁴. Победы татар происходят как бы сами собой, без каких бы то ни было усилий с их стороны. Та же тенденция наблюдается и в описании дальнейших событий, связанных теперь уже с осадой Владимира: татары «*приближишася къ граду, и оступиша градъ силою, и отыниша тыномъ вьсь*». «Заутрие» город оказывается уже взят (это *замечают (!)* оставшиеся во Владимире защитники города – князь Всеслод и владыка Митрофан) и разграблен. Татары поразительно, сверхъестественно удачливы в борьбе с русскими и за пределами городов. Бежавший из Владимира великий князь Юрий Всеволодович просто не успевает «ничтоже» противопоставить «внезапу приспевшим» татарам и погибает «на рече Сити».

Представляется, что книжник не случайно так однообразен в описании побед «поганных». Связано это, вероятно, даже не столько с их *реальными успехами*, которые, конечно, были велики, сколько с *авторским представлением* о том, каким способом монголо-татары достигали своих побед. «Окаянные безбожники» татары, в восприятии летописца, не могли поступать иначе, они не могли действовать против русских с какими-либо затруднениями – это, судя по всему, просто бы не соответствовало стереотипу должного для них поведения.

Для летописца военные удачи татар связывались с тем, что татары действовали в качестве орудия Божьей кары, и, следовательно, с принципиальной невозможностью русских противостоять «промыслу Господнему», карающему Русь «за грехи». Новгородский книжник неоднократно подчеркивает очевидную для него мысль о том, что *невозможно противиться Божьему гневу*. Татары, действующие в качестве орудия этого гнева, не встречают никакого сопротивления со стороны русских. Люди, оказавшиеся в «недоумении и страхе», естественно, не могли оказывать сопротивления захватчикам.

Объяснение причин этого «недоумения», приведшего к невозможности русских противостоять захватчикам, летописец дал в самом начале рассказа о нашествии Батыя. «Но уже бяхше *Божью гневу не противитися*, – писал книжник, – яко речено бысть древле Иисусу Наугину Богомъ; сгда веде я на землю обетованую, тогда рече: азъ пошлю на ня преже вась недоумение, и грозу, и страхъ, и трепеть. *Такоже и преже сихъ отъя Господь у насъ силу, а недоумение, и грозу, и страхъ, и трепеть вложи в нас за грехы наша*»⁶⁵.

Подобное «недоумение» проявилось в поведении многих персонажей летописного повествования.

⁶⁴ НПЛ. С. 75.

⁶⁵ Там же.

Великий князь Юрий Всеволодович, «не послуша князии рязанскихъ молбы», на брань с татарами не пошел, будто бы «самъ хоте особъ брань створити». Однако, как только «поганые» подступили к Владимиру, великий князь «бежа» из города «на Ярославль», оставив в осажденной столице сына Всеволода, жену, владыку Митрофана и безоружных горожан. Из текста летописи следует, что татары «погнашася» за великим князем «на Ярославль». Однако Юрий стал строить полки лишь после того, как получил известие о приближении «безбожных». Летописец был далек от того, чтобы рисовать картину героического сопротивления великого князя захватчикам: «внезапу татарове приспеша, князь же не успеъ ничтоже, побеже, и бы на реце Сити, и постигоша и, и живот свои сконча ту»⁶⁶.

Полную растерянность перед лицом захватчиков проявили и жители стольного Владимира, а вместе с ними и сын великого князя – Всеволод. Всеволод остается практически безучастным к событиям: о нем летописец сообщает, что князь «затворился» в городе, а утром уже «увиде», что город взят. Дальнейшие действия князя таковы: вместе с другими он принимает постриг («и стригошася вси въ образъ, таже в скиму») и, увидев, что город подожен и «людье уже огнемь кончеваются», «вбегоша въ святую Богородицу и затворишася в полате», после чего «скончашася, предавше душа своя Господеви». Фактически князь показан человеком, готовым скорее погибнуть, нежели бороться. Впрочем, в этом он не одинок: наряду с владимирцами в «недоумении и страсе» перед лицом окруживших город татар оказываются и жители Торжка⁶⁷.

Вряд ли следует искать в тексте новгородца каких-либо «политических» объяснений произошедшего среди русских «недоумения». По крайней мере, сам летописец не искал собственно «политической» (по крайней мере, в современном понимании этого термина) подоплеку случившегося. Для средневекового книжника, видимо, не существовало более глубоких и всеобъемлющих объяснений постигших Русь несчастий, помимо греховности своих соплеменников. В этой связи нельзя согласиться с мнением И. У. Будовница о том, что, «отдавая должное общепринятой церковной формуле о Божиих казнях, среди которых не последнее место занимает нашествие иноплемеников, новгородский летописец в то же время значительную долю вины за бедствия, постигшие Русскую землю, возлагает на политические нестроения, на “недоумения” князей»⁶⁸.

Если в тексте и содержится намек на «недоумение князей», междособные конфликты и прочие процессы, могущие получить в современном

⁶⁶ НПЛ. С. 76.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль... С. 302.

лексиконе название «политических», трудно представить, что они воспринимались книжником иначе чем проявлениями все той же греховности русских. Именно в этом контексте следует интерпретировать столь часто цитируемую в литературе фразу летописца о том, что «мы въздыхаемъ день и ночь, пекущеся о имении и о ненависти братъи»⁶⁹. Даже, если летописец под «ненавистью братъи» подразумевал межкняжеские усобицы и конфликты, подобное поведение князей вполне укладывалось в стереотип греховного поведения, не являлось событием, выходящим из ряда прочих недолжных поступков.

Между тем указанная фраза может относиться не столько к межкняжеским отношениям, сколько к нравам, царившим в русском обществе вообще и среди церковников («братъи») в частности. На наш взгляд, в данном фрагменте речь идет вовсе не об имуществе («имении»), погибшем в результате нашествия, и не о братоненавистничестве князей как таковом. Вероятнее всего, в этом отрывке книжник рассуждает о сопоставимых, в данном случае, морально-нравственных величинах⁷⁰. Стремление к стяжательству (к «имению»⁷¹) и «ненависть», проявлявшиеся в отношениях между людьми (не столь уж важно – мирянами или клиром), – вот те стороны греховного поведения, о которых сокрушается книжник. Именно эти людские пороки, наряду с другими, о которых книжник напрямую не говорит, но перечень которых вполне традиционен, и являются причинами «кар Господних», обрушившихся на Русь в виде нашествия «иноплеменников».

Летописец пишет о *страхе*, который охватил русских. Однако этот страх, судя по всему, был вызван не столько татарами, сколько тем, что предопределило их приход. «И кто, братъе, о семь не *поплачется*...» – вопрошает книжник. «Да и мы то видевше, *устрашилися* быхомъ...» – пишет он и далее объясняет причины страха: «...*грехов своихъ* плакалися с въздыханисмь день и ночь». Таким образом, «страх и трепеть» являются не только посланными на русских «от Бога» напастями, но и характеристикой того внутреннего состояния, которое было присуще современникам трагических для Руси событий. Осознанная *вдруг* греховность, *греховность*, *факт которой стал очевиден благодаря ниспосланным Господом казням*, – вот внутренняя причина того «недоумения», которое приводит к невозможности противостоять «поганым».

⁶⁹ НПЛ. С. 75.

⁷⁰ Ср.: Будовиц И. У. Общественно-политическая мысль... С. 326; Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 23.

⁷¹ Ср.: «именьникъ» – «стяжатель», «корыстолюбец» (см.: Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 4. М., 1991. С. 149).

Рассказ Лавр. о событиях, связанных с нашествием Батыя, как уже указывалось выше, представляет собой сложную мозаику, состоящую из многочисленных вкраплений различного по происхождению и времени появления материала⁷². Кроме того, текст Повести содержит значительное количество заимствований из предшествующего летописного массива⁷³, дополняющих или раскрывающих смысл оригинальных частей рассказа о нашествии. В силу этих особенностей реконструкция представлений авторов отдельных отрывков о феномене монголо-татарского нашествия представляется крайне затруднительной. Скорее всего, речь должна идти о реконструкции того, каким образом воспринимались монголо-татары редактором-составителем той летописной мозаики, которая дошла до нас в составе Лавр.

По справедливому замечанию новейшего исследователя цикла повестей о нашествии Батыя А. Ю. Бородихина, рассказ Лавр. является «самым литературным»⁷⁴. Кроме того, будучи самой поздней (по сравнению с рассказами Ипат. и НПЛ), Повесть в редакции Лавр., вобрав в себя информацию и оценки более ранних источников, явилась результатом более тщательных и вместе с тем более конъюнктурных размышлений как о причинах произошедших несчастий, так и о сущности народа, пленившего Русь.

Составитель рассказа Лавр. вполне традиционен в восприятии нашествия в качестве наказания Господня «за грехи». Вместе с тем практически все замечания книжника по этому поводу оказываются выполненными им при помощи литературных заимствований⁷⁵. Судя по всему, вставка цитат в текст летописного рассказа произошла не позднее 1305 года. Несмотря на вставной характер, рассуждения летописца относительно греховности Руси как причины нашествия вряд ли следует считать лишь данью сложившейся в тот период литературной «моды». В этих цитатах, по мнению В. А. Кучкина, «получила свое отражение точка зрения владимирского сводчика, расценивавшего монголо-татарское иго как тяжелое наказание,

⁷² См. подр.: *Приселков М. Д.* История... С. 136–145; *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 282–288; *Насонов А. Н.* Лаврентьевская летопись... С. 449–450; *Камарович В. Л.* Лаврентьевская летопись... С. 90–96; *Он же.* Из наблюдений... С. 32–40; *Лурье Я. С.* Лаврентьевская летопись... С. 66–67 и др.

⁷³ Случаи заимствования приведены Г. М. Прохоровым (см.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии... С. 78–83).

⁷⁴ *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей... АКД. С. 12.

⁷⁵ По мнению В. А. Кучкина, все места ст. 6745 г. Лавр., «где... дается объяснение завоевания как наказания за "грехи наши", оказываются литературными цитатами» (*Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго... С. 44). Ср.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии... С. 78–83.

ниспосланное свыше за согрешения Руси»⁷⁶. Не случайно цитаты, к помощи которых прибегает составитель Лавр., довольно органично входят в общую канву повествования. Так, например, в описание осады Владимира книжник, цитируя рассказ ПВЛ о набеге половцев под 1093 годом⁷⁷, включает объяснение причин и значения произошедшего несчастья: «*Грех ради наших и неправды, за оумноженъе незаконии наших попусти Богъ поганья, не акы милуя ихъ, но нас кажа, да быхомъ всягнулися от злыхъ делъ; и сими казными казнить нас Богъ нахоженъем поганых. Се бе ес(ть) батогъ его, да негли встягнувшеса от пути своего злаго, сего ради в праздники нам наводить Богъ сетованье, яко пророк глаголаше: преложю праздники ваша в плачь и песни ваша в рыданье*»⁷⁸.

Представление о том, что нашествие татар является не милостью Божией по отношению к «поганым», а наказанием за грехи русских («пусти Богъ поганья, не акы милуя ихъ, но нас кажа»), находит перекличку с известным пассажем из «Откровения» Мефодия Патарского. Комментируя описанную им картину нашествия измаильтян, Мефодий, ссылаясь на текст из Священного Писания, пишет: «Рече бо Богъ Израилу: “видиши, не любе те въвожду на землю обещания, но грехъ дея живущихъ на ней”. Такоже и сыномъ Измаиловомъ, не любе даетъ имъ силоу, да преимуть землю христьянску, нь грехомъ дея незаконии ихъ тако имъ творить»⁷⁹.

Составитель Лавр. не останавливается на констатации факта «казней Господних», постигших Русь. Под его пером ситуация приобретает еще более трагический характер. Усиление драматизации повествования достигается за счет проведения в рассказе достаточно явных аналогий между происходящими вокруг событиями и эсхатологическими предзнаменованиями. Напряженно вглядывающийся в реальность в поисках «знамений последних времен» средневековый читатель не мог оставить без внимания столь близкие параллели.

Тем более, что для нагнетания «эсхатологических тонов» книжник использует различные, довольно оригинальные приемы. Так, автор Повести с помощью ряда точных цитат из предшествующего летописного текста сравнивает татар с народами, являющимися накануне Страшного суда. Наиболее показательным является заимствование из рассказа ПВЛ под 6449 (941) годом, в котором повествуется о приходе под стены Константинополя князя Игоря с дружиной, использованное при описании татарских разорений Рязанской земли.

⁷⁶ Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 44.

⁷⁷ Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии... С. 79.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 462–463.

⁷⁹ Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 93 и др.

Д. С. Лихачев, возражая против предположения В. Л. Комаровича, полагавшего на основе сопоставления Лавр. и НПЛ, что в начальной части рассказа Лавр. о нашествии Батые содержатся отголоски оригинального рязанского летописания, писал, что «некоторое отдаленное сходство рассказа Лавр. о нашествии на Рязань и НПЛ решительно разбивается о то до сих пор не замеченное обстоятельство, что в основной своей части это сообщение повторяет слова и выражения ПВЛ о мучениях, которым русские подвергали греческое население по обе стороны пролива Суд в 941 г. Рассказ Лавр. летописи 1237 г., – подчеркивал Д. С. Лихачев, – настолько близок к ее же рассказу 941 г., что даже сохраняет детали, имеющие реальное значение лишь для 941 г.» (курсив наш. – В. Р.)⁸⁰.

Действительно, рассказы о поведении напавших на «Царьград» язычников-русских и наступающих на рязанские земли татар практически идентичны:

<p>«почаша восвати Вифиньския страны, и воеваху по Понту до Ираклиа и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую попленивше, и Судь весь пожгоша; их же емше, овехъ растинаху, другая аки страны поставляюще и стреляху въ ня, изимахуть, опаки руце съвязывахуть, гвозди железный посреди главы въбивахуть имъ. Много же святыхъ церквий огнесви предаша, монастыре и села пожгоша, и имнья немало от обоу страну взяша...»⁸¹</p>	<p>«безбожнии татарии... почаша восвати Рязаньскую землю, и пленоваху и до Проньска, попленивше Рязань весь, и пожгоша, и князя их убиша. Их же емше, овы растинахуть, другыя же стрелами расстреляху в ня, а инии опаки руце связывахуть. Много же святыхъ церкви огневи предаша, и монастыре, и села пожгоша, именья не мало обоу страну взяша...»⁸²</p>
--	---

По мнению А. Н. Веселовского, процитированный выше отрывок из летописной статьи 6449 (941) года отразил общий источник ПВЛ и Жития Василия Нового⁸³. Житие Василия Нового, так же как и «Откровение» Мефодия Патарского, было посвящено среди прочего и описанию картин «последних времен» и «принадлежало к числу весьма популярных памятников» эсхатологического характера⁸⁴. Между тем, как показал С. Г. Вилинский,

⁸⁰ См.: Лихачев Д. С. К истории сложения... С. 261.

⁸¹ ПВЛ. С. 22.

⁸² ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 460. «Это “обоу страну”, – пишет Д. С. Лихачев, -- могло касаться только пролива Суд, его обеих сторон, но не Рязанской земли». См.: Лихачев Д. С. К истории сложения... С. 261.

⁸³ Веселовский А. Н. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // ЖМНП. Ч. 261. 1889. Январь. С. 80–92.

⁸⁴ Вилинский С. Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 1 // Записки историко-филологического факультета Новороссийского университета. Вып. 6. Одесса, 1911. С. 320.

рассказ ПВЛ и Житие, вопреки предположению А. Н. Веселовского, не имели общего источника, наоборот, автор летописной статьи воспользовался одной из редакций Жития св. Василия. «Совпадение не буквальное, – писал исследователь, – но, заимствуя определенные места текста Жития, летописный рассказ повторяет эти отдельные места буквально»⁸⁵. Указанная – хоть и опосредованная – близость рассказа Лавр. о татарах с описанием народов, появляющихся в «последние времена», позволяет сделать вывод о том, что ордынцы как раз и воспринимались летописцем как «нечистые человеки», приход которых олицетворял собой канун Страшного суда⁸⁶.

Кроме того, эсхатологическая тема в рассказе Лавр. развивается за счет введения в текст повествования не соответствующей действительности, «нереальной» хронологической информации.

Этот прием, судя по всему, достаточно часто использовался средневековыми книжниками⁸⁷. Время, будучи объективной категорией существования человечества в окружающем мире, в разные эпохи воспринималось по-разному⁸⁸. В Средние века существовало особое отношение ко времени⁸⁹: «Средневековье было безразлично ко времени в нашем, историческом его понимании, но оно имело свои специфические формы его переживания и осмысления»⁹⁰. По мнению Жака Ле Гоффа, средневековая хронология «не определялась протяженностью времени, которое делится на равные отрезки и может быть точно измерено... Она имела знаковый характер... Средневековые люди доводили до крайности аллегорическое толкование содержащихся в Библии более или менее символических дат и сроков творения»⁹¹. Таким образом, Средневековье «датировало события по другим правилам и с другими целями».

Вероятно, лишь даты, знаменующие что-либо, могли привлечь внимание средневекового человека, и, наоборот, датировки – определения места события во времени – могли быть использованы, по всей видимости, во многом лишь по отношению к действительно значащим событиям. Тем

⁸⁵ По мнению исследователя, составитель рассказа ПВЛ воспользовался первой русской редакцией Жития. См.: Там же. С. 315.

⁸⁶ Более подробно об интерпретации текста летописной 941 года и об общих чертах описания дружины Игоря в ПВЛ и монголо-татар в Лавр. см.: *Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.)*. Курс лекций. М., 1998. С. 367–368.

⁸⁷ Примеры подобного использования хронологической информации см.: Приложение I.

⁸⁸ *Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры*. М., 1984. С. 43 и далее.

⁸⁹ *Прохитей А. П., Кляшко В. Я. Хронология*. М., 1981. С. 24.

⁹⁰ *Гуревич А. Я. Представления о времени в средневековой Европе // История и психология*: Сб. ст. М., 1971. С. 198. Ср.: *Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада*. М., 1992. С. 164–165.

⁹¹ *Ле Гофф Ж. Цивилизация... С. 165–166.*

более «в процессе художественного познания мира», где Средневековые выработывало «свои, автономные категории времени и пространства», которые, в свою очередь, обуславливались «скорее особыми художественными задачами, возникавшими перед писателями, поэтами, живописцами»⁹². Нашествие на Русь полчищ Батыя, несомненно, являлось «значашим» событием для летописца.

Как показал А. Ю. Бородихин, составитель рассказа Лавр. сознательно расширил датировку взятия татарами Владимира: вместо имевшегося в НПЛ хронологического указания «в пяток прежде мясопустные недели»⁹³ он ввел в свой рассказ указание на то, что это событие произошло «в неделю мясопустную»⁹⁴. В указанной подмене хронологических указаний, по мнению исследователя, проявился провиденциализм древнерусского книжника: «представление о Божьей каре, постигшей владимирскую Русь, могло оказать влияние и на выбор дня, в который свершилось “наказание”». Обратив внимание на то, что «неделя мясопустная имеет в православии еще название *недели о Страшном суде*» (курсив наш. – В. Р.),⁹⁵ А. Ю. Бородихин посчитал «неслучайным стремление составителя Лавр. соединить в сознании читателей эти два события: Страшный суд и “наказание Божие” земле Русской нашествием татар»⁹⁶.

Вместе с тем в оценке случившегося составитель Лавр. привнес и некоторые новые черты. В его рассказе татары выступают не просто слепыми орудиями Божьего гнева, каковыми они являются, скажем, в рассказе НПЛ, но и силой, обладающей некоторыми «самостоятельными» – всегда *негативными* – чертами. «Безбожные», «окаянные, злые кровопийцы», «поганые иноплеменники», «проклятые безбожники», «плотоядцы», «глухое царство оскверненное» – вот эпитеты, которыми награждает монголо-татар летописец.

Книжник не останавливается на простом «перечислении» негативных сторон «поганых». Он стремится хотя бы частично раскрыть, проиллюстрировать перечисленные им качества татар «*примерами*» их конкретных действий. Так, в ответ на дерзкие речи захваченного в плен Василька Константиновича «плотоядцы»-татары «*въскрежташа зубы на нь, желаяще насытитися крове его*»⁹⁷. Тем самым составитель рассказа как бы дает подтверждение «кровопийству» «безбожных». Неоднократно летописец указывает на то, что татары не просто побеждают русских, но и всюду

⁹² Гуревич А. Я. Представления о времени... С. 166; *Он же*. Категории... С. 52.

⁹³ НПЛ. С. 75.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 462.

⁹⁵ Бородихин А. Ю. Цикл повестей... Дис. ... С. 78–79, 81–82.

⁹⁶ Там же. С. 82.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 466.

сют «зло», «яко же не было от крещенья, яко же бысть ныне»⁹⁸, что эти «безбожнии со лживым миром живуще, велику пакость землям творять, еже и zde многа зла створиша»⁹⁹.

Одна из важнейших оригинальных характеристик монголо-татар в рассказе Лавр. – это их *борьба с православной верой*. Так, при штурме Москвы татары убивают воеводу Филиппа Нянка «за правоверную христианскую веру»¹⁰⁰. За нее же собираются постоять и оставленные во Владимире братья-князья Всеволод и Мстислав¹⁰¹. Великий князь Юрий Всеволодович, узнав о трагедии стольного Владимира и гибели своих родственников, горюет «по правоверней вере христианстей»¹⁰². Схватченного в плен ростовского князя Василька Константиновича «проклятии безбожнии Татарове» безуспешно, но «много нудиша» быть в «обычас поганьском» и «восвати с ними», пытаюсь, по словам князя, «отвести» его от христианской веры¹⁰³ и т.д. Важно и то, что мученическая гибель самого князя Василька сравнивается с гибелью апостола Андрея Первозванного, также принявшего смерть «за веру».¹⁰⁴ Представляется, что появление «антиправославия» как одной из характеристик «безбожных» следует относить к элементам более позднего восприятия монголо-татар: вероятно, приписываемое татарам «антиправославие» явилось результатом размышлений не столько современников описываемых событий, сколько его ближайшего потомка – составителя Повести, дошедшей в составе Лавр.

Еще одна важная характеристика монголо-татар, судя по всему, также принадлежит перу составителя Лавр. Захватив в плен Василька Константиновича, татары пытаются заставить его перейти в «обычай поганьский» и «восвати (вместе) с ними». Однако, «не покорившись их беззаконию», князь, обращаясь к ордынцам, вопрошает их о том, каким образом те, совершив столь многочисленные злодеяния, собираются держать ответ перед Господом: «*Богу же какъ ответъ дасте?* сму же многы душа погубили есте бес правды, их же ради мучити вы имат Богъ въ бесконечныя веки, и стяжет бо Господь душе те, их же есть погубили». Таким образом, по мнению «блаженного мученика» князя Василька, татары должны нести ответственность перед Богом за совершенные

⁹⁸ Там же. Стб. 462.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 468.

¹⁰⁰ Там же. Стб. 461. По мнению Г. М. Прохорова, «это несомненная неправда: при взятии татарами с ходу города у воеводы этого города были все причины погибнуть, кроме одной – вероисповедной» (см.: Прохоров Г. М. Повесть о Батысвом нашествии... С. 88).

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 462.

¹⁰² Там же. Стб. 464.

¹⁰³ Там же. Стб. 465.

¹⁰⁴ Там же. Стб. 467.

преступления: по воле Господа они обязательно подвергнутся вечным мучениям за несправедно погубленные души, – считает князь.

Это, несомненно, новый аспект восприятия татар: под пером составителя Лавр. *они из пассивного орудия Господнего гнева превращаются в субъектов, не только наделенных личными негативными качествами, но несущими ответственность перед Богом за совершенные злодеяния.*

Несмотря на то что сложный, составной характер рассказа Лавр. никогда не ставился исследователями под сомнение, отношение редактора-составителя к описываемым событиям чаще всего оценивалось ими как нечто единое, цельное, четко сформулированное. Однако переплетение (причем достаточно заметное – с явными следами «стыков») текстуальных отрывков вызывало и переплетение смысловых линий, наложение концептуальных подходов¹⁰⁵.

В науке дискуссионным является вопрос об отношении редактора рассказа Лавр. к возможности противостояния «поганым». В одних случаях средневековому книжнику приписывалась позиция «смирения перед татарами», в других – в его сочинение «вкладывался» своеобразный «призыв к борьбе» с завоевателями. Так, по мнению ряда исследователей, рассказ Лавр. был «проникнут настроениями неосвратимости злой судьбы и Божьей воли», через повествование красной нитью проходила идея о невозможности и бесполезности сопротивления татарам¹⁰⁶. Согласно другой точке зрения, наоборот, составление рассказа Лавр. было приурочено к тому или иному этапу борьбы с ордынцами, а следовательно, носило ярко выраженный антитатарский характер, ставило целью запечатлеть «картины крестной борьбы сплоченных церковью русских князей против татар»¹⁰⁷. На наш взгляд, последняя точка зрения представляется малоубедительной: главный изъян изложенной выше идеи заключается в ее полном отрыве от контекста Повести.

В действительности проблему, связанную с возможностью *сопротивления* ордынцам, книжник пытается решить в рамках все той же – традиционной для его времени – концепции нашествия как наказания «за грехи

¹⁰⁵ Ср. мнение В. А. Кучкина относительно того, что у составителя рассказа не существовало «цельной антиордынской политической концепции» (курсив наш. – В. Р.) (см.: *Кучкин В. А. Монголо-татарское иго...* С. 49).

¹⁰⁶ См., напр.: *Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль...* С. 302.

¹⁰⁷ Так, по мнению Г. М. Прохорова, составление рассказа Лавр. следует относить ко времени кануна Куликовской битвы. Составитель, полагает исследователь, собирался «дать читателю исторические примеры мужественной, вероисповедно-непримиримой борьбы христиан-русских с иноверцами-татарами». Появление таких «примеров» в эпоху Куликовской битвы, по мнению Г. М. Прохорова, отражало объективную потребность времени «побороть уже почти столетияшестидесятилетний страх», поскольку «боящиеся не могли бы победить на Куликовом поле» (см.: *Прохоров Г. М. Повесть о Батышевом нашествии...* С. 87–91).

наши». В целом решение указанной проблемы для составителя рассказа Лавр. очевидно: сопротивление Господнему гневу в принципе греховно, а потому – обречено на поражение. Именно с этих позиций выступают защитники стольного Владимира и, в первую очередь, оставленные в городе сыновья великого князя.

Описание осады Владимира предваряется сообщением о том, что владимирский князь Юрий Всеволодович, «выеха из Володимеря в мале дружине... и сха на Вольгу... и ста на Сите станом... и нача... совокупляти вое противу татаром», в стольном Владимире «оурядив сыны своя в собе место Всеволода и Мьстислава». Помимо оставленных великим князем сыновей, обороной города руководил восвода Петр Ослядюкович. В момент, когда татары подошли к Владимиру, «володимерци затворишася в граде... и не отворящимся». Подлинный драматизм повествованию придает упоминание о том, что «безбожнии» «водили с собой» родного брата Всеволода и Мстислава – ранее захваченного ими в плен Владимира Юрьевича. Татары «прихаша близь къ воротомъ и начаша... молвити: знасте ли княжича вашего Володимера?» Всеволод же и Мстислав, пишет летописец, «познаста брата своего... плакахуся, зряще Володимера», и «сжалистаси брата своего дяля... и рекоста дружине своси и Петру восводе: братья, *луче ны есть оумрети* перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правоверную веру христьяньскую. *И не да воли ихъ быти* Петръ Ослядюковичь».

Таким образом, книжник рисует перед нами картину полного смирения князей Всеволода и Мстислава, чей дух сломлен даже не столько видом плененного брата («бе бо уныль лицеем», – пишет о нем летописец), сколько безысходностью самой ситуации («и рекоста оба князи: *си вся наведе на ны Богъ грех ради нашихъ*, яко же пророкъ глаголетъ: *несть человеку мудрости, ни е(сть) мужства, ни ес(ть) думы противу Господеви. Яко Господеви годе быс(ть), тако и быс(ть), буди имя Господне благославлено в веки*»)¹⁰⁸.

Характеризуемое как «батоґ Божий», насылаемый «грех ради и неправды», «за оумноженъе беззаконшии», нашествие «поганых» воспринималось книжником (а вместе с ним и братьями-князьями) как нечто неотвратимое, как нечто, ниспосланное на Русь «во исправление». И действительно, воля Господня исполняется: татары вскоре, не встретив особого сопротивления, все равно берут город. Всеволод и Мстислав, а глядя на князей, и большинство горожан, действуют согласно своим представлениям о том, как нужно себя вести в подобной ситуации: «бежа Всеволод и Мстислав, и вси людье бежаша в Печерный город»¹⁰⁹. Другая часть горожан («епископъ Митрофанъ и княгини Юрьева съ дочерью и с снохами и со внучаты

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 461.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 463.

и прочие княгини Володимиря с детми, множества *много* боярь и *всего народа* люди») «затворишася в церкви святыя Богородица и тако огнемъ без милости запалени быша» или же погибла под ударами ворвавшихся в церковь татар¹¹⁰.

Книжник описывает ситуацию полного отказа от какого бы то ни было сопротивления. Характерно то, что именно князья – потенциальные руководители обороны – первыми отказываются от сопротивления, готовые или на жертвенную смерть, или смиренное – в молитве – ожидание гибели, или бегство, но никак не на защиту стольного града от «поганых». Так же настроены и рядовые защитники – максимум, что под силу жителям гибнущего города, – вознесение молитвы к Господу.

Владимир подвергается разорению, гибнут церкви и монастыри, татары не щадят никого «от оуного и до старца и суцгаго младенца». Лишь один человек в летописном рассказе о взятии Владимира не согласен с идеей жертвенной смерти – это уже упомянутый воевода Петр Ослядюкович. Однако его стремление удержать князей от пассивной гибели, от добровольной жертвы «за святую Богородицу и за правоверную веру христьянскую» оказывается напрасным. Это стремление противоречит изначальной «воле» Всеволода и Мстислава, стремившихся мученически погибнуть и тем самым искупить «грехи», за которые и постигла их (вместе со всеми остальными) «кара Божия». Петр Ослядюкович же оказывается единственным из жителей города, не принявшим (или не понявшим?!) идеи, которой прониклись все – «несть человеку мудрости, ни есть мужства, ни еть думы противу Господеви. Яко Господеви годе бысть, тако и бысть».

Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что в рассказе Лавр. все-таки присутствуют некоторые намеки на возможность сопротивления «поганым». Правда, следует сразу оговориться, что рассуждения на эту тему крайне непоследовательны и больше похожи на какие-то обмолвки летописца, нежели на проявления выстраданной им позиции. Так, одним из немногих «сопротивляющихся» персонажей оказывается... великий князь

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 463. В более поздних летописных редакциях Повести о нашествии Батые поведение князей меняется на прямо противоположное. В первоначальном виде Повести о нашествии Батые (Лавр.) перед нами смиренные князья, готовые *подчиниться судьбе и погибнуть* вместе со своим братом, отказавшись даже от попыток борьбы с «погаными», и воевода, заставляющий их остаться вместе с обороняющимися владимирцами и не дающий им возможности слепо подчиниться воли Провидения. Позднейшие же обработки текста дают нам совершенно другие образы. Герои меняются ролями: теперь уже князья изъявляют желание в одном случае *погибнуть, нежели оказаться в неволе*, в другом – *с оружием в руках встать «на бой» с «погаными»*. Воевода Петр из фигуры активной превращается в фигуру пассивную. Подробнее см.: Рудаков В. Н. Сыновья великого князя во время осады Владимира: К проблеме восприятия борьбы с монголо-татарами в летописании // Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 191–193.

Юрий Всеволодович. Действительно, оставляя во Владимире своих сыновей, великий князь, вопреки рассказу НПЛ, *не бежит*, а начинает «совокупляти вое противу Татаром»¹¹¹. В момент приближения татар Юрий в общем-то готов к борьбе. После ряда молитв, в которых князь сетует о гибели оставленных им во Владимире родственников и просит Господа избавить его «от всех гонящих», Юрий «пойдоша *противу поганым* и ступишася обои, и быс сеча зла, и *побегоша* наши пред иноплеменники, и ту оубьень быс князь Юрьи...»¹¹². Летописец даже намекает на то, что борьба с «безбожными» для Юрия являлась не просто способом защиты, но и проявлением христианской добродетели. В панегирике князю, помещенном в конце летописного рассказа, книжник сообщает чрезвычайно интересную деталь: оказывается, накануне нашествия татары отправляли к Юрию послов с предложением о мире («рекуще: мирися с нами»). Юрий же «того не хотяше, яко пророкъ глаголет: *брань славна луче ес мира студна*», поскольку, замечает далее летописец, «си бо безбожнии со лживым миром живуще, велику пакость змяям творять, сже и зде многа зла створиша»¹¹³.

Однако фразой, предшествующей этому отрывку, летописец фактически дезавуирует сообщение о «Георгие мужестве». Оказывается, стремясь исполнять божественные заповеди («се бо чюдныи князь Юрьи потщася Божыа заповеди хранити и Божии страх имея в срдци, поминая слово Господне, сже реч: *...не токмо же друга, но и врагы ваше любите*, и добро творити ненавидящим вас, всякъ зломысль его»), Юрий «преж менсных» послов «безбожных татар отпускаше одареными»¹¹⁴. Тем самым поступки Юрия оказываются не совсем понятными: если он отказался от мира с татарами, то почему их послы уходят от него с дарами, если же князь одарил послов и заключил-таки мир с «погаными», как это могло сочетаться с идеей о бране, которая «лучше позорного мира»?

Вообще, Юрий, в представлении составителя рассказа Лавр., скорее персонаж, олицетворяющий собой смирение, нежели борьбу. Не случайно в тексте повести в уста самого Юрия вкладывается фраза о том, что он (Юрий) – «новыи Иовъ быс терпением и верою». В результате получившегося «наслония» добродетелей Юрия летописцу так и не удалось до конца выстроить образ князя-воина, образ князя-защитника. Видимо, именно «новый Иов», а не «князь-защитник» являлся «идсалом человека

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 461.

¹¹² Там же. Стб. 463.

¹¹³ Там же. Стб. 468.

¹¹⁴ Там же.

в понимании автора Лавр.»¹¹⁵ Таким образом, поиск в поступках Юрия некоего примера борьбы с монголо-татарами не приносит более или менее удовлетворительных результатов.

Скорее всего, описание – довольно размытое – неудавшегося воинского подвига великого князя, а также восхваление его воинственного духа явились результатом более поздних (но произошедших до 1305 года) вставок. Вероятно, цель подобных сюжетов – та или иная реабилитация Юрия Всеволодовича в глазах потомков.

Вообще же, судя по всему, сопротивление татарам мыслилось книжнику делом довольно затруднительным, а самое главное, заведомо обреченным на неудачу. Действительно, и Петр Ослядюкович, и Юрий Всеволодович – фигуры довольно активные, но, несмотря на это, и их чрезвычайно робкие потуги на сопротивление оканчиваются провалом. В их распоряжении – лишь возможность погибнуть в бою. Но и такое поведение оказывается исключением из правил: подавляющее большинство персонажей повести стремится к иному исходу, к иному концу: *большинство предпочитает гибель от рук «поганых» какому-либо противостоянию захватчикам.*

Часто повторяемый мотив «гибели за православную веру» находит параллель с более широкими представлениями автора о сущности происходящего. Дело в том что, помимо рассказа о нашествии как каре Господней, составитель Лавр. уделяет огромное внимание не менее важной для средневекового читателя проблеме спасения человека в условиях развернувшихся на его глазах «казней Божиих». В известном смысле поиск возможных путей решения данной проблемы и являлся одной из важнейших целей составителя повести.

Составитель рассказа о нашествии в редакции Лавр. дает свою собственную «концепцию» спасения. По мнению книжника, путь к спасению лежит через мученичество во имя веры, через жертвенность. Путь жертвенности избирают сыновья великого князя – Всеволод и Мстислав, безропотно подчиняющиеся воле Господней («яко Господеви годе быс, тако и быс»); этот же путь избирает растерзанный татарами Василько (о нем книжник сообщает, что князь «кровью мученической омывсья прегрешении своих»¹¹⁶). О мученической гибели и жертвенности как способе спасения рассуждает летописец в своих «философских отступлениях». По его мнению, *кара за грехи настолько тяжела, что уже одно это дает «гарантии» спасения, вечную жизнь людям: «се нам суццю радость скорбь, да и не хотяще всякъ*

¹¹⁵ См.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 142–143.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 467.

в будущий век обращем милость. *Душа бо сде казнима всяко в будущий суд милость обряцет и лгыню от мукы*¹¹⁷.

Средневековый книжник был глубоко убежден в том, что «царство небесное», спасение человека на Страшном суде не просто так даруется человеку. «Богъ бо, – полагает он, – казнить напастми различными, да явяться яко злато искушено в горниле – христьяном бо многыми напастми внити в царство небесное», поскольку «*аще бо не напасть, то не венець, аще не мука, ни дарове*»¹¹⁸. По справедливому замечанию Я. С. Лурье, «едва ли можно говорить об “активной антитатарской тенденции” рассказа 1237–1240 гг.; основная его тема – отчаяние, “страх и трепет”, покорность перед Божьими казнями и “напастями”, *дающими право “внити в царство небесное”*» (курсив наш. – В. Р.)¹¹⁹.

Таким образом, увиденный книжником путь спасения человека предполагал отказ от активного сопротивления «поганым»: спасение будет даровано тому, кто подвергнется «казням Божиим». Отсюда пассивное, в молитве, ожидание «казни» – вот идеал должного поведения христианина, в представлении составителя Лавр. версии повести о нашествии Батгя.

* * *

Восприятие монголо-татар и борьбы с ними в рассказе Ипат. существенным образом отличается от восприятия «поганых» в других ранних повестях о нашествии Батгя. Возможно, причиной иного отношения к татарам являлась та отличная от других регионов страны политическая ситуация, которая сложилась в Южной Руси в первые десятилетия после Батгьева нашествия. По мнению исследователей, «в этом памятнике отразились антиордынские настроения Даниила Романовича и его окружения»¹²⁰. Помещенные в Ипат. «известия о татарском нашествии составлялись в то время, когда Даниил Романович не потерял надежды на создание союза западноевропейских государей для отпора монголо-татарам», а летопись, таким образом, «идеологическими средствами подготавливала читателя к грядущему отпору поработителям»¹²¹.

Используемые автором Ипат. версии Повести эпитеты в отношении татар мало чем отличаются от эпитетов, коими награждают захватчиков составители НПЛ и Лавр. версий. Татары – это в первую очередь

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 464.

¹¹⁸ Там же. Стб. 468.

¹¹⁹ Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись... С. 63. С мнением Я. С. Лурье согласен и А. Ю. Бородихин. Ср.: Бородихин А. Ю. Цикл повестей... Дис. ... С. 80.

¹²⁰ См., напр.: Романов В. К. Статья 1224 г. ... С. 102.

¹²¹ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль... С. 302–303.

«безбожнии Измаилтяне», «безбожнии Агаряне», «шюплеменныхъ языкъ»; они – «беззаконные», «поганые», «нечестивые». Среди перечисленных характеристик татар наиболее отвечающими их сущности, по мнению книжника, являлись «безбожность» и «нечестивость» (соответственно: 7 и 4 упоминания). При этом важной отличительной чертой рассказа Ипат. является то, что, помимо негативных эпитетов в отношении татар вообще, книжник прибегает к достаточно резким характеристикам конкретных ордынцев и, в первую очередь, ханов. Так, Батый назван в повести «нечестивым» и «свирепым зверем»¹²².

Татары многочисленны – это автор неоднократно подчеркивает. «Многочисленностью силы своей» они окружают Киев¹²³, их – «множество»¹²⁴, и поэтому – от них бежит «множество» людей¹²⁵, а на поле брани остается «множество избьенных»¹²⁶. В результате их «нахождения» Русская земля оказывается «исполнена ратных»¹²⁷. У татар множество всего – оружия (они «стрелами бецисла» стреляют¹²⁸, их стрелы омрачают свет побежденным¹²⁹), припасов, скота («от гласа скрипения телегъ его (войска Батыя. – В. Р.), множества ревеня вельблудъ его и ржания, от гласа стады конь его» ничего «не слышати»¹³⁰). Татары очень сильны сами по себе – «в силе тяжце» они обступают Чернигов и Киев¹³¹, неутомимы в сражении («бес престани порокомъ быющимъ день и ночь»¹³²), «сильными» являются Батыевы восводы¹³³ и т.д.

В представлении книжника татары – народ, наделенный многочисленными отрицательными качествами. Помимо перечисленных, связанных в большей степени с традиционным взглядом на татар как «нечестивых», «поганых», «безбожных», в рассказе Ипат. ордынцы наделяются и некоторыми на первый взгляд «болес земными» качествами. По мнению книжника, в наибольшей степени татарам была присуща «леть». Дважды при описании татарского взятия Рязанской земли летописец указывает, что ордынцы князя и княгиню «изведоша на льсти... и убиша», а «всю землю

¹²² Как показал В. А. Кучкин, подобные «нелестные эпитеты» в отношении ордынских ханов, «считавшихся повелителями Руси», свойственны всему повествованию Ипат. См.: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 21.

¹²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784.

¹²⁴ Там же. Стб. 787.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. Стб. 788.

¹²⁷ Там же. Стб. 784. Здесь «исполнена» употреблено в значении «наполнена». См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 281.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

¹²⁹ Там же. Стб. 785.

¹³⁰ Там же. Стб. 784.

¹³¹ Там же. Стб. 782, 784.

¹³² Там же. Стб. 785.

¹³³ Там же. Стб. 784–785.

избиша»¹³⁴; при осаде Владимира Батый с «льстью» обращается к горожанам, а епископ Митрофан молится о том, чтобы паства не «убоялась *прельщения нечестивых*»¹³⁵; рассказывая о мужестве обороняющих Козельск горожан, книжник подчеркивает, что «словесы *лестными* не возможно бе град прияти»¹³⁶; осадив Киев, татары «хотя *прельстити*» горожан, но те их «не послушаша»¹³⁷. Вообще, практически все военные победы достаются татарам или за счет их многочисленности, или – и это более распространенный в Повести случай – за счет их «лести», за счет умения «прельстить». Подобное наблюдение позволяет исследователям делать вывод о том, что в восприятии летописца «успехи татар были вызваны не столько их силой, сколько коварством и вероломством»¹³⁸.

Действительно, чаще всего упоминания летописца о том, что татары «льстивые» интерпретируются как указания на «земные» негативные качества «поганых», на то, что ордынцы – «это люди без чести и совести, с которыми нельзя иметь никакого дела»¹³⁹. Однако, судя по всему, летописец, столь настойчиво указывающий на татарскую «лесть», имел в виду не только татарское коварство. На самом деле коварство, хитрость, обольщение, тем более проявленные татарами во время военных действий, сами по себе вряд ли привлекли бы столь пристальное внимание книжника. Вероятно, он хотел подчеркнуть какие-то более существенные характеристики пришедшего на Русь народа.

Дело в том, что такие качества, как «льстивость», использование «лести» (ср. значения слов «льстивый», «лестный» в древнерусском языке: «коварный», «являющийся хитростью», «имеющий целью обман», «лживый», «обманчиво влекущий», «таящий в себе опасность», «пагубный», и даже «антихрист»¹⁴⁰), должны были порождать у читателей достаточно четкие ассоциации с примерами нечестивого поведения вообще, а также с качествами «нечестивых» народов. В частности, в текстах Священного Писания, знакомство с которыми столь охотно демонстрирует летописец, льстивость, коварство – суть неотъемлемые черты тех, кого называют «нечестивыми» (ср.: «уста его («нечестивого». – В. Р.) полны проклятия, *коварства и лжи*; под языком его мучение и пагуба»¹⁴¹, во время прихода в город «нечестивого» «*обман и коварство не сходят с улиц его*»¹⁴², «человек

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778.

¹³⁵ Там же. Стб. 779.

¹³⁶ Там же. Стб. 780.

¹³⁷ Там же. Стб. 782.

¹³⁸ Будовищ И. У. Общественно-политическая мысль... С. 303.

¹³⁹ Там же; Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 19–20.

¹⁴⁰ См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 214–215, 322–323.

¹⁴¹ Пс. 9: 28.

¹⁴² Пс. 54: 3–12.

лукавый, человек *нечестивый* ходит со *лживыми* устами»¹⁴³, «помышление праведных – правда, а замыслы *нечестивых* – *коварство*»¹⁴⁴, «нечестивый народ» «придет без шума и *лестью* овладеет царством», а «поступающих нечестиво против завета привлечет к себе *лестью*»¹⁴⁵ и т.д.).

Наряду с подобным указанием на «нечестивость» татар в рассказе Ипат. практически полностью отсутствуют столь популярные в то время сентенции книжника относительно нашествия безбожных как «кары Господней за грехи наши». Захватчики действуют как бы более самостоятельно, их поступками руководит не столько «само Провидение», сколько их собственный «злой», «лживый» умысел. Вообще, тема «Божьего пощужения» в Ипат. «представлена бледнее». Как отмечает А. Ю. Бородихин, Ипат. не содержит, подобно другим ранним рассказам о нашествии, «развернутых объяснений всеобщей беды в духе религиозной дидактики, обращенной с призывом к покаянию»¹⁴⁶.

В своем рассказе о татарском нашествии книжник часто выступает как человек, проявляющий значительный интерес к военной стороне событий: он охотно описывает столкновения русских и татар, осады русских городов. При этом в своих описаниях летописец крайне лаконичен, его рассказы скорее напоминают сводки с театров военных действий. Так, при рассказе о завоевании Батыем Северо-Восточной Руси книжник сообщает, что ордынский хан «*оустремлешюся на землю Соуждальскоую и сrete и Всеволодь на Колодне и бившимся имъ и падъшимъ многимъ от них от обоихъ, побежшоу бывшоу Всеволодоу*»¹⁴⁷. Примерно также по-деловому описано взятие Чернигова: Батый «*посла на Черниговъ, обьстоупиша град в силе тяжцс. Слышавъ же Мьстиславъ Глебовичъ нападение на град иноплемьных, прииде на ны со всеми вои бившимся имъ. Побежень быс Мьстиславъ и множество от вои его избъенымъ быс, и градъ взяша, и запалиша его огоньмъ...*»¹⁴⁸ и т.д. Однако, наряду с рассказом о фактической стороне событий, большое значение летописец придавал этической оценке происходящего.

Одной из важнейших морально-нравственных проблем, решаемых автором рассказа на страницах повести о нашествии Батые, является *проблема борьбы с татарами*. Подход составителя Ипат. и в этом вопросе существенно отличается от представлений авторов рассказов о нашествии, содержащихся в НПЛ и Лавр. Если в указанных памятниках противоре-

¹⁴³ Пр. 6: 12.

¹⁴⁴ Пр. 26: 24.

¹⁴⁵ Дан. 11: 21, 32.

¹⁴⁶ Бородихин А. Ю. Цикл повестей... Дис. ... С. 160–161.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779.

¹⁴⁸ Там же. Стб. 782.

яние «поганым» представлено как дело, заранее обреченное на провал, то в Ипат. *борьба с ордынцами выглядит как наиболее предпочтительный способ поведения.*

Автор совершенно сознательно вводит в повествование рассказ об обороне двух русских городов – Владимира-на-Клязьме и Козельска. Поведение защитников Владимира в версии Ипат. мало чем отличается от того, как ведут себя владимирцы в версиях НПЛ и Лавр. Выхавший из города великий князь Юрий Всеволодович оставляет в столице княгиню, епископа Митрофана, а оборону города поручает своему сыну Всеволоду. Батый пытается «прельстить» горожан. В ответ епископ Митрофан – духовный пастырь владимирцев – старается ободрить защитников города: «Оуслышал о семь преподобный Митрофанъ епископъ, начать глаголати со слезами ко всимъ: “Чада, не оубоимся о прельцьныи от нечестивых и не примемъ си во оумъ тленьяго сего и скоро минуоющаго житья, по оному не скоро минуоуещемъ житию попечемъся, еже со ангельскимъ житие. Аще градъ нашъ пленьше копиемъ возмоутъ и смерти ны предасть, азъ о томъ чада поручьникъ есмь, яко *венца нетленьяа от Христа Бога примете*”». Далее в Ипат. отмечено, что «о сем же словеси слышавше, вси начаши крепко боротися»¹⁴⁹.

Натиск татар усиливался, и, видя это, Всеволод «*оубояся*», поскольку, объясняет причины такого поведения князя летописец, «бе бо и сам млад». Надеясь на снисхождение татар, Всеволод «изъ града изииде с маломъ дружины и нессы со собою дары многии, *надеяше бо ся от него* (Батыя. – В. Р.) *житью пряти*». Ордынский хан, «яко свирепый зверь не пощади оуности сго, веле предъ собою зарезати и градъ весь избрь», при этом епископ и прочие горожане погибают в огне, «душа своя предаша в роуце Богу»¹⁵⁰. Таким образом, Всеволод поступает вопреки призыву епископа Митрофана: в надежде получить «живот» от Батыя, думая о «тленьном сего и скоро минуоуещем житии», он забывает о своей обязанности «печься» о более важном для христианина «житии» – «не скоро минуоуещемъ».

В качестве противопоставления поведению Всеволода автор версии Ипат. буквально вслед за рассказом о защите Владимира вводит в повествование сюжет, посвященный обороне Козельска. Основания для подобного сопоставления очевидны: возглавляющий оборону города князь Василий так же, как и Всеволод, «*младъ*». Однако уже на подступах к стенам города Батый, узнав, что жители Козельска «*оумъ крепкодушный имеютъ*», понимает, что «словесы лестными не возможно

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779–780.

¹⁵⁰ Там же. Стб. 780.

град приятии»¹⁵¹. «Крепкодушные козляне» совет «створше не вдатися Батыю, рекше яко аще князь наш млад есть, но положим животь свои за нь, и zde славою сего света приимше, и там небесные венца от Христа Бога приимем»¹⁵². Жители Козельска героически защищают свой город. От их рук гибнет, по словам летописца, четыре тысячи «поганых», и, несмотря на то что город все-таки был взят (татары «изби вси и не пощаде от отрочать до сосоущих млеко»¹⁵³), захватчики не смели «его нареци град Козлескъ, но град злыи, понеже бишася по семь недель»¹⁵⁴.

Итак, в отличие от владимирцев, козляне выбирают «гибель в бою». Именно эта их решимость и должна, по мысли летописца, обеспечить им и «зде» «славу мира сего», и на небесах «жизнь вечную», «венцы от Христа Бога». Для того чтобы обеспечить себе то самое «не скоро минуующее житие», о котором говорил владимирцам епископ Митрофан, необходимо, по мнению автора рассказа Ипат., активно противостоять «поганым».

Важно отметить, что определение козлян как «крепкодушных», видимо, не является случайным. Сам термин, судя по всему, не часто встречается в русских средневековых памятниках¹⁵⁵. Тем более интересно его обнаружить в памятнике, современном рассказу Ипат. и также посвященном событиям ордынского нашествия. В четвертом «Поучении» Серапиона Владимирского встречается слово «крепкодушие»: «Врагь наш дьяволъ, видевъ ваш разум, крепкодушье, и не възможеть понудити вы на грехъ, но посрамлень отходит»¹⁵⁶.

Можно предположить, что, по замыслу автора Ипат., жители Козельска не просто обладали мужеством, необходимым в борьбе с захватчиками, но и имели более важное для православных христиан качество, позволявшее им противостоять даже проискам дьявола. Кстати, подобная интерпретация является вполне адекватной пафосу рассказа Ипат.: автор Повести в целом ряде случаев проводит (правда, неявные) параллели между татарами, Батыем, с одной стороны, и слугами дьявола, самим «лукавым», антихристом – с другой.

Характеристика татар как «льстивых», коварных находит аналогии с определениями, данным в текстах Священного Писания именно дьяволь-

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

¹⁵² Там же. Стб. 780–781.

¹⁵³ Этот же оборот использовался автором и при описании взятия Рязани. Ср.: Там же. Стб. 778–779, 781.

¹⁵⁴ Там же. Стб. 781.

¹⁵⁵ См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 33–34. Ср.: Срезневский И. И. Материалы... Т. 1. СПб., 1893. Стб. 1353; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4. С. 322.

¹⁵⁶ ПЛДР. XIII век. С. 452.

ским силам. Исполненным «всякого коварства и всякого злодейства» назван «сын дьявола»¹⁵⁷; слово «льстивый», как было указано, имеет среди прочих значение «антихрист»¹⁵⁸; сам Батый сравнивается со «зверем свирепым»¹⁵⁹. По мнению Ефрема Сирина, антихрист во времена, когда «исполнится нечестие мира», «духом лести» будет искушать людей и «обольщать мир своими знаменами и чудесами по поущению Божию». В этой ситуации, отмечал В. Сахаров, «великий подвиг нужен для верных, чтобы устоять против» совершаемых обольщений¹⁶⁰.

Таким образом, в рассказе Ипат. совершенно определенно проводится мысль о том, что борьба с нашествием татар является праведным делом, а гибель при сопротивлении – настоящим христианским подвигом, способным обеспечить воинам «жизнь вечную»¹⁶¹. Для автора рассказа Ипат. совершенно очевидно, что «малодушные губят себя», для людей же «крепкодушных» лучше погибнуть в бою и обрести «царство небесное», чем, рассчитывая на милость «поганых», попытаться спастись или же погибнуть, смирившись, лишившись тем самым «венцов нетленных»¹⁶².

Завоевание монголо-татарами Руси рассматривалось автором рассказа Ипат. не только как военное поражение. Средневековый книжник, в отличие от большинства своих современников и ближайших потомков, попытался осмыслить произошедшее со страной несчастье на более высоком уровне. В рассказе Ипат. мы встречаемся с определением случившегося как «погибели Русской земли». Дважды летописец, характеризуя ситуацию на Руси после нашествия Батыя, прибегает к подобному или близкому сравнению. Так, тысяцкий Димитрий, оставленный князем Даниилом в Киеве, желая спасти от полного разорения Русь, уговаривает Батыя пойти в землю угров, «види бо землю гибноущоу Роускою от нечестиваго»¹⁶³. А уже упомянутый князь Даниил, бежавший от ужасов нашествия, «жалишаси о победе земле Роуское и о взятъи град от иноплемсньникъ множьства»¹⁶⁴.

¹⁵⁷ Деян. 13: 10.

¹⁵⁸ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 323.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780. Ср. образ «зверя» в пророческих книгах Священного Писания (Иез. 5: 17; 14: 15, 21; 34: 25; Дан. 7: 3–23; Откр. 11: 7; 13: 1–18; 14: 9–11; 15: 2 и др.)

¹⁶⁰ См. подр.: Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 84. Следует указать на то, что не только жители Козельска, но и многие другие персонажи повести Ипат. противостоят «поганым».

¹⁶¹ Ср.: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 18.

¹⁶² Ср.: Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль... С. 303.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786.

¹⁶⁴ Там же. Стб. 787. Среди значений слова «победа» – «поражение», «беда». См. подр.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 120.

Отметим, что подобная оценка произошедшего вполне может быть названа оригинальной. Как показал А. А. Горский, «тема “свершившейся погибели” появляется только в произведении, оценивающим последствия Батыева нашествия» – «Поучениях» Серапиона Владимирского. «Серапион, – пишет исследователь, – пользуясь библейскими сюжетами, говорит о “погибели”, ниспосланной Богом на Русь за людские грехи».

Автор дошедшего до нас в двух списках «Слове о погибели Руской земли» под «погибелью» также «мог иметь в виду только катастрофическое разорение Руси в результате Батыева нашествия»¹⁶⁵. Таким образом, оценки, данные автором рассказа Ипат., совпадали с восприятием случившегося неизвестным «перяяславцем, весной 1238 года в Киеве»¹⁶⁶ создавшим «Слово о погибели Руской земли», а также Серапионом Владимирским, в 70-е годы XIII века обратившимся к своему «духовному стаду» с проповедями, посвященными осмыслению феномена монголо-татарского завоевания.

* * *

Восприятие монголо-татар в ранних летописных повестях о нашествии Батые (НПЛ, Лавр., Ипат.) имело ряд общих черт. Рассказы летописцев развивались на пересечении двух основных сюжетных линий. «Военная», посвященная описанию батальных сцен нашествия и «отвечавшая» за событийный контур рассказов, была во многом предопределена «эсхатологической», отражавшей рефлексию книжников по поводу случившегося и раскрывавшей, в свою очередь, смысловую сторону повествований. Понимание происходящих на Руси событий как «кары Господней», ниспосланной «за грехи»¹⁶⁷, влияло, с одной стороны, на отбор сюжетов и средств описания, с другой же – вырабатывало отношение летописцев и к феномену ордынского нашествия, и к самим монголо-татарам, и к возможности противостояния захватчикам.

Монголо-татары в восприятии авторов исследуемых летописных рассказов представляли собой многочисленную, чрезвычайно удачливую в сражениях, коварную и жестокую силу. Большое внимание древнерусские летописцы уделяли поступкам «бсзбожных», однако в поведе-

¹⁶⁵ См. подр.: Горский А. А. Проблема изучения «Слова о погибели Руской земли» (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л., 1990. С. 22–23.

¹⁶⁶ Там же. С. 33.

¹⁶⁷ «Нашествия татар и сила их ударов... были настолько внезапны и сокрушительны, что даже в народном сознании эти события запечатлелись как нечто *неведомое и сверхъестественное*» (курсив паш. – В. Р.). См.: Русское народное творчество. Т. 1. М.: Л., 1953. С. 265 (автор статьи – Д. С. Лихачев).

нии татар проявлялись, по мнению книжников, не столько присущие самим ордынцам черты, сколько черты, свойственные «нечестивым» народам вообще. Именно по этому перечень отрицательных качеств татар во многом определялся не столько их реальными свойствами, сколько восприятием их в качестве «нечистого» народа, в «последние времена» ниспосланного в наказание и в исправление погрязшей в грехах Русской земле.

Нельзя согласиться с мнением ряда авторов о том, что главной причиной произошедших на Руси несчастий книжники считали княжеские междоусобицы¹⁶⁸. В подобном подходе ощущается явная модернизация того, как воспринимали летописцы нашествие «иноплемеников». Не междоусобицы сами по себе, не те или иные политические факторы, а греховность людей, морально-нравственная порочность современного им общества рассматривались древнерусскими писателями в качестве основных причин, сделавших возможным наказание Руси «за грехи» при помощи ордынского завоевания¹⁶⁹.

Эсхатологические ожидания эпохи определили одну из главных тем летописных рассказов о нашествии – тему возможного спасения в «последние времена», предвестником которых явилось нашествие татар. В представлении авторов рассказов НПЛ и Лавр. спасение виделось в смиренном принятии «Божьей кары» и избавлении от грехов путем покаяния. Смиренное покаяние должно было стать гарантией и избавления людей от свалившихся на них несчастий в земной жизни, и получения ими «венцов нетленных» в жизни вечной. Борьба с татарами, воспринимаемая как заранее обреченное дело, не рассматривалась в указанных памятниках в качестве эталона должного поведения христианина. Лишь автор Ипат. выступал за активное противостояние: хотя в его рассказе русские также обречены терпеть от татар поражения, книжник уверен, что только сопротивление «безбожным» способно спасти людские души на Страшном суде. Характерно, что в тех памятниках, где нашествие «поганых» ассоциировалось только с «казнями Божиими за грехи» (НПЛ и Лавр.), тема сопротивления захватчикам практически не затрагивалась; в Ипат. же, где нашествие «безбожных», «льстивых» татар объяснялось их связью с дьяволом, напротив, проблема возможного отпора завоевателям решалась положительно.

Политическая ситуация на юге Руси, а также надежды правителей этого региона найти союзников по борьбе с «погаными» среди западноевропейских

¹⁶⁸ См., напр.: История русской литературы. Т. I. М., 1958. С. 139.

¹⁶⁹ Шамбинаго С. К. Русское общество и татарское иго // Русская история в очерках и статьях. Т. I. М., 1909. С. 577; Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. I. Изд. 4-е. СПб., 1911. С. 206.

государей и католической церкви предопределили специфику восприятия монголо-татар на страницах южнорусской летописи – Ипат. Явная антитатарская направленность Повести в составе Ипат., призыв автора летописного рассказа к сопротивлению «льстивым» ордынцам сближают идеи этого повествования с идеями, высказанными в литературе более позднего периода. Возможно, именно в идеологии составителя Ипат. следует искать корни тех представлений о татарах, которые возникают в последующий период и которые ложатся в основу вырабатывавшейся в рамках древнерусской книжности доктрины активного противостояния захватчикам.

Тема смиренного подчинения судьбе, присущая повествованиям НПЛ и Лавр., также находит продолжение в памятниках последующих эпох. Однако и эта тема переосмысливается, уточняется, эволюционирует от идеала смиренной гибели перед лицом неотвратимого «наказания Божиего» до концепции мученической гибели «за веру», находящей воплощение и в тексте рассказа Лавр., и в житийных повестях об убиенных в Орде святых князьях.

Однако даже в повествовании Ипат., не говоря уж о НПЛ и Лавр., полностью отсутствует какой-либо оптимизм относительно возможности победоносного исхода борьбы с монголо-татарами. В этом смысле представляются неверными мнения ряда авторов о том, что «ведущей темой летописания этого периода становится тема борьбы с иноземными захватчиками»¹⁷⁰. Для автора Ипат. сопротивление дает надежду лишь на спасение души; возможность военной победы даже не рассматривается. На позиции книжников по данному вопросу оказали влияние представления о нашествии как о каре Божией: не случайно никто из незначительного числа активно сопротивлявшихся татарам персонажей летописных рассказов не призывает Господа прийти ему на помощь – ожидать подобной помощи в условиях насланных на Русь наказаний было бы просто бессмысленно. Именно переосмысление причин нашествий татар, отказ от восприятия ордынских набегов только как «кар небесных» приводит в последующий период и к постоянным молитвенным обращениям литературных персонажей с просьбой о заступничестве небесных сил, и к введению в повествования сюжетов, посвященных этому самому заступничеству.

Бесспорно, авторы повествований о нашествии Батые на Русь были далеки от того, чтобы изображать «беззаветное мужество народа», как на это нередко указывалось в литературе¹⁷¹. Идеал человека в рассматриваемый период, судя по всему, был иным. В образной форме этот идеал

¹⁷⁰ История русской литературы. М., 1980. С. 94.

¹⁷¹ История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. С. 13.

сформулировал автор Лавр.: не воин-защитник, а «новый Иов терпением и верой» являлся образцом для подражания. Можно согласиться с мнением В. В. Каргалова, заметившего, что «для летописцев в первые полтора века после нашествия Батые» было свойственно «примирительное отношение к татарскому владычеству»¹⁷². Именно путь смирения – примирения с судьбой – перед лицом постигших Русь бедствий был одним из немногих, воспринятых обществом в качестве эталона должного поведения.

¹⁷² *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 219.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

Представления о монголо-татарах в «Поучениях» Серапиона Владимирского

Особое место среди произведений древнерусской литературы, затрагивающих тему монголо-татарского нашествия, занимают «Поучения» (или «Слова»), приписываемые владимирскому епископу Серапиону. О жизни и деятельности владыки мы имеем самые общие представления: дошедшие источники сообщают лишь о нескольких фактах биографии этого проповедника. Известно, что до 1274 года Серапион являлся архимандритом Киево-Печерского монастыря (по мнению Е. Болховитинова, Серапион возглавлял эту обитель с 1249 года¹).

Поставление Серапиона на владимирскую кафедру, судя по всему, происходило во время знаменитого церковного собора 1274 года, который был созван патроном Киево-Печерского игумена – митрополитом Кириллом – для обсуждения ситуации, сложившейся в церкви и обществе². Под следующим же – 1275 – годом летописи, подчеркивая, что епископ владимирский «бе же учителен зело в божественном писании», сообщают о кончине владыки Серапиона³.

В науке утвердилось мнение о принадлежности Серапиону пяти поучений, четыре из которых надписаны его именем в одном из древнейших четких сборников – «Златой чепи» XIV в. (ОР РГБ, Тр.-Серг. лавры, № 11), а пятос дошло в единственном списке в составе т.н. Паисиевского сборника XV в. (ОР РНБ, Кир.-Белоз. собр., № 4/1081; под названием «Слово блаженнаго Серапиона о маловерии») ⁴.

¹ Болховитинов Е. Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок. Киев, 1831. С. 138.

² См., напр.: Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 181–184.

³ См.: ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 172; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 151; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 61.

⁴ Творогов О. В. Серапион // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 387–389. Некоторые исследователи полагают, что перу Серапиона принадлежит также ряд других, сходных по тематике поучений, однако этот вопрос является дискуссионным

Появление поучений Серапиона Владимирского большинство исследователей относят к 70-м годам XIII века. Спорным в науке долгое время являлся лишь вопрос о времени создания первого из поучений.

Внимание исследователей привлекли упоминания Серапионом некоторых «реалий исторической эпохи», которые, по мнению ученых, позволяли относить появление первого «Почуения» к 30-м годам XIII века⁵. Так Е. В. Петухов, посвятивший деятельности епископа специальное исследование, отметил, что целый ряд упоминаний о природных катаклизмах (землетрясениях: «ныне землю трясеть и колеблеть...»; небесных явлениях – затмениях, появлении комет: «колко видехом солнца погибша и луну померькъшю, и звездное пременение...»), а также о произошедших неурожаях и голоде имеют совершенно реальную историческую основу. Именно это предположение и позволило исследователю соотнести произошедшее в 1230 году в Южной Руси землетрясение с «трусом», упомянутым в первом поучении Серапиона. По мнению ученого, тот факт, что Серапион о случившемся «говорит как очевидец перед очевидцами», и позволяет сделать вывод о том, что первое «Почуение» было составлено еще в бытность проповедника в Киеве – «около 1230 года».

При этом упоминание в первом поучении Серапиона «ратей многих» Е. В. Петухов отнес к позднейшим вставкам, отметив, что тексты и других поучений епископа подвергались некоторым изменениям со стороны переписчиков. Развивая свою аргументацию, исследователь предположил, что именно рассказ о землетрясении Серапион воспринимал «главнейшей темой своей проповеди, принимая его (землетрясение) как знак Божьего гнева»⁶.

в науке. См., напр., отзыв Е. В. Петухова на возможность атрибуции Серапиону некоторых других поучений (*Петухов Е. В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. С. 7–14), а также мнение В. А. Колобанова о принадлежности Серапиону т.п. «Почуения к попам» (см.: *Колобанов В. А.* О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Почуения к попам» // ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958. С. 159–162; *Он же.* Общественно-литературная деятельность Серапиона Владимирского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.; Владимир, 1962. С. 7).

⁵ См., напр.: *Петухов Е. В.* Серапион Владимирский... С. 16–24. Ср.: *Аристов Н. Я.* Заметка о поучениях епископа Серапиона // Труды III Археологического съезда. Т. 2. Киев, 1878. С. 47–48; *Порфирьев И.* История русской словесности. Ч. 1. Казань, 1909. С. 445; *Сперанский М. Н.* История древнерусской литературы. М., 1914. С. 365–366; *Возняк М.* История украинской литературы. Ч. 1. Львов, 1920. С. 260–261; *Грушевский М. С.* История украинской литературы. Ч. 1. Т. 3. Кн. 3. Киев; Львов, 1923. С. 253; *Гудзий Н. К.* Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского? // ИОУЯ. 1952. Т. 2. Вып. 5. С. 450–456; *Он же.* История древней русской литературы. Изд. 6-е, испр. М., 1956. С. 196–198 и др. Подробный разбор мнений исследователей по поводу времени создания первого «Почуения» см.: *Колобанов В. А.* К вопросу о датировке первого «Слова» Серапиона Владимирского // Ученые записки Владимирского педагогического института. Вып. 4. Владимир, 1958. С. 250–252.

⁶ *Петухов Е. В.* Серапион Владимирский... С. 22.

Более поздний исследователь – В. А. Колобанов, согласившись с утвердившейся в науке датировкой второго, третьего, четвертого и пятого поучений периодом пребывания Серапиона на владимирской епископской кафедре (1274–1275 гг.), усомнился в бесспорности предложенной Е. В. Петуховым аргументации относительно более раннего происхождения первого «Поучения»⁷. По мнению исследователя, «учитывая органичную связь “Слов”, вероятнее всего предположить, что Серапион произнес их в короткий промежуток времени»⁸. Обратив внимание на ряд неточностей в работе предшественника, В. А. Колобанов пришел к выводу о том, что «первое “Слово” могло быть произнесено Серапионом не ранее 70-х годов XIII века, т.е. в период его пребывания во Владимире»⁹.

Исследователи давно обратили внимание на то, что в основу поучений Серапиона Владимирского, не выходявшего в данном случае за рамки распространенного в Средние века жанра проповеди, положено *обличение людских пороков, наставление «духовного стада» на путь истинный, на путь спасения*, который, в свою очередь, лежал в плоскости покаяния, очищения от грехов, духовного исправления¹⁰.

Действительно, если опираться на оценки, данные самим Серапионом, *духовная ситуация*, сложившаяся в современной ему Руси, была просто катастрофической. Судя по всему, мнение Серапиона разделяли и многие другие деятели церкви того периода. Показательно, что собор, поставивший Серапиона на владимирскую епископскую кафедру, принял знаменитые Правила митрополита Кирилла, направленные как раз на обличение и исправление пороков, распространившихся внутри самой церковной организации. Кроме того, вероятно, в это же время было создано близкое по тематике «Слово на собор архистратига Михаила Кирилла-философа»¹¹.

⁷ Колобанов В. А. К вопросу о датировке первого «Слова»... С. 252–257.

⁸ Там же. С. 255.

⁹ Там же. С. 258. О «небесспорности» предложенной Е. В. Петуховым датировки первого «Поучения» пишет и польский исследователь Г. Подскальский. См.: Подскальский Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 181–182. Прим. 476, 484. С датировкой В. А. Колобанова в принципе согласен и В. Н. Топоров. См.: Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 2. М., 1998. С. 239–240, 243.

¹⁰ См.: Макарий (Булгаков М. П.). История русской церкви. Кн. 3. Отд. 1. М., 1995. С. 243; История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. С. 46; Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – нач. XX в.: Сб. науч. тр. Вып. 1. М., 1990. С. 40 и др.

¹¹ См.: Гудзий Н. К. История древней русской литературы... С. 197.

Обличительный пафос Правил и «Слова на собор...» настолько близок по духу «Поучениям» Серапиона, настолько сильны текстуальные параллели между этими произведениями, что подчас создается впечатление об их принадлежности одному и тому же автору¹².

В «Поучениях» Серапиона Владимирского одной из ключевых является идея о *порочности общества и человека*. Серапион очень подробно перечисляет «грехи» христианские. Обращаясь к пастве, он призывает людей «отступить» от «скверных и немилостивых судов», от «криваго резоимства и всякого грабленья, татбы, разбоя и нечистаго прелюбодейства, отлучающа от Бога, сквернословья», от «лже, клеветы, клятвы и поклепа, иных дель сотонинных»¹³. В другом поучении пастырь призывает христиан отказаться от «разбоя, грабленья, пьянства, прелюбодейства, скупости, лихвы, обиды, татбы, лжива послушства, гнева, ярости, злопомяненья, лжи, клеветы, резоиманья»¹⁴. Его обличения касаются также сохранившихся в обществе языческих пережитков – «еще поганьскаго обычая держитесь»: «волхвамъ веру имете и пожагаете огнемъ неповинныя человеки»¹⁵, вместо справедливого судебного процесса с участием «послухов» используют испытания водой, нарушая тем самым «правила божественныя» («оставльше послушство боготвореннаго человека, идосте къ бездушну ествству к воде») и т.д.

По мнению Е. В. Петухова, «ошибочно было бы думать, что перечисление (грехов. – В. Р.) есть независимый результат личной наблюдательности нашего проповедника». Исследователь справедливо отметил, что «схема этого перечисления имелась в русской поучительной литературе с самого начала ее существования», перейдя на Русь из Византии, где сформировалась «из более общего источника – Священного Писания»¹⁷. Е. В. Петухов указал примеры византийских, древнерусских, западноевропейских проповедей, построенных в своей основе на обличении тех же грехов, о которых пишет и Серапион¹⁸. Однако вряд ли можно полностью согласиться с исследователями, полагавшими, что в сочинениях Серапиона «обличение грехов и призывы покаяться вытекали из догмата о человеческом несовершенстве»¹⁹.

¹² Аристов Н. Я. Заметка... С. 47–48.

¹³ Слова Серапиона Владимирского // ПИДР. XIII век. С. 442.

¹⁴ Там же. С. 454.

¹⁵ Там же. С. 450, 452.

¹⁶ Там же. С. 450.

¹⁷ Е. В. Петухов приводит полный перечень грехов, упомянутых Серапионом. См.: Петухов Е. В. Серапион Владимирский... С. 42–43. См. также: История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. С. 46 (автор раздела – В. Ф. Покровская).

¹⁸ Петухов Е. В. Серапион Владимирский... С. 49–53.

¹⁹ История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. С. 46.

Среди страдающих от «кар Господних», в том числе и от нашествия «язык», Серапион выделяет «реально грешных» и тех, кто несет наказание, будучи «праведными» христианами. Проповедник успокаивает «праведных» – судьба их в «будущем веке» будет отлична от судьбы «грешников»: «мнози бо межи вами Богу истинно работают, но на сем свете равно со грешником от Бога казними суть, да светлеиших от Господа венец сподобяться, грешником же болшее мучение, яко праведници казними быша за их безаконье»²⁰.

На наш взгляд, страстные обличения Серапионом мирских пороков не являлись всего лишь «дежурными» заклинаниями пастыря перед погрязшей в прегрешениях паствой. Обратить особое внимание современников на существующие в обществе «нестроения» Серапиона заставило событие неординарного свойства – событие, видимо, выполнявшее важную знаковую функцию в системе духовных координат того времени. Таковым, несомненно, являлось *нашествие монголо-татар и последовавшее затем пленение ими Русской земли*. Именно в контексте случившегося несчастья – нашествия «поганых» – анализирует специфику сложившейся на Руси духовной ситуации Серапион Владимирский.

При незначительной сохранности источников, современных рассматриваемому периоду, довольно трудно объяснить, *почему именно в 70-е годы XIII века*, т.е. спустя четыре десятилетия после Батыева нашествия, в церкви начинается мощное духовное движение, направленное на серьезное осмысление причин монголо-татарских завоеваний. (Оспаривать существование такого движения вряд ли возможно: на это указывает и факт созданного во Владимире церковного собора, и характер принятых на нем решений, и пафос поучений Серапиона, и целый ряд сходных идей, высказанных в других дошедших до нас памятниках той эпохи.)

Возможно, ключ к разрешению данной проблемы лежит в самих текстах Серапиона. Исследователи давно обратили внимание на то, что во втором поучении владимирского епископа есть указание на срок, прошедший от нашествия татар до произнесения самой проповеди. «Се уже к *40 лет* приближасть *томление и мука*, и дане *тяжськыя на ны не престануть*, глади, морове животь нашихь, и в сласть хлеба своого изьести не можемь, и въздыхание наше и печаль сушать кости наша», – констатирует епископ²¹.

Стоит признать, что традиционно данное указание использовалось исследователями только с сугубо прагматической точки зрения. По их мнению, оно вроде бы позволяло путем нехитрых вычислений датировать второе «Поучение» (в зависимости от момента, с которого начинали

²⁰ ПЛДР. XIII век. С. 446.

²¹ Там же. С. 444.

отсчет изучавшие памятник ученые, – от битвы на Калке или от нашествия Батыя – получалось, что Серапион произнес проповедь в промежуток времени от 1260-х годов до 1275 года²²).

Вместе с тем, как представляется, упоминание сорокалетнего отрезка времени, о скором завершении которого говорил Серапион, может быть отнесено не только к реальным хронологическим расчетам владыки, но и к его попытке своеобразного – символического – истолкования происходящих на Руси событий²³. Достаточно явная параллель с сорокалетним сроком странствий Израиля в пустыне, возможно, была навеяна общностью восприятия произошедшего с «избранным народом», с одной стороны, и Русью – с другой. Рассуждение по аналогии действительно оказывалось уместным: если сорокалетний период времени понадобился Господу для наказания «сынов Израилевых» за нарушение ими Его заповедей²⁴, вполне логичным являлось предположение о том, что и Руси отводился такой же срок в качестве наказания «за грехи» и для окончательного исправления.

Косвенным подтверждением того, что в русском обществе XIII века подобное представление действительно существовало, можно считать свидетельства иностранных источников о Руси.

В частности, речь идет о т.п. «Великой хронике» Матфея Парижского (ок. 1200–1259), а также об анонимных «Анналах» Бертонского монастыря (конец XIII в.), подробно описавших деяния знаменитого Лионского собора, созданного по инициативе папы Иннокентия IV в 1245 году. Среди главных вопросов, вынесенных на обсуждение собора, был и вопрос о будущих отношениях Римско-католической церкви с монголо-татарами, к тому вре-

²² Ср.: Шевырев А. С. Обзорение русской словесности в XIII в. // ИОРЯС. СПб., 1854. Т. 3. Стб. 89–90; Петухов Е. В. Серапион Владимирский... С. 23; История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. С. 47 и др.

²³ Возможная символическая «нагрузка» упомянутых «40 лет» не позволило Г. Подскальски однозначно датировать второе «Поучение»: «в зависимости от того, является ли указанный здесь срок в 40 лет реальным или символическим (ср. срок странствий Израиля в пустыне), определяется и дата написания поучения...» (см.: Подскальски Г. Христианство... С. 182. Прим. 484). В. П. Топоров вообще не рассматривает упомянутое сорокалетие как реальный временной отрезок, а анализирует лишь возможные символические значения указанной цифры. См.: Топоров В. Н. Святость... С. 291–292. Прим. 39.

²⁴ См., напр.: «а сыны ваши будут кочевать в пустыне сорок лет, и будут нести наказание за блудодейство ваше, доколе не погибнут все тела ваши в пустыне. ... Вы понесете наказание за грехи ваши сорок лет... дабы познали, что значит быть оставленными мною» (Чис. 14: 33–34); «и воспыал гнев Господа на Израиля, и водил Он их по пустыне сорок лет, доколе не кончился весь род, сделавший зло в очах Господних» (Чис. 32: 13); «и помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уж сорок лет, чтобы смирить тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет» (Вт. 8: 2). Ср.: «сыны Израилевы продолжали делать зло пред очами Господа, и предал их Господь в руки Филистимлян на сорок лет» (Суд. 13: 1).

мени прочно обосновавшимися на территории Восточной Европы – в зоне традиционных конфессиональных притязаний Рима. Согласно «Великой хронике» и «Анналам», для информирования собора по поводу того, кто такие монголо-татары и что они собой представляют, в Лион прибыл некто Петр, «архиепископ Руси»²⁵. Английские источники подробно передают выступление «архиепископа Петра» на соборе²⁶. Среди других небезытересных данных о монголо-татарах Петр сообщает, между прочим, и о том, что последним было «божественно откровение», согласно которому «должны они разорить весь мир за 39 лет». «И утверждают они, – повсдал Петр, – что как некогда божественная кара потопом очистила мир, так и теперь всеобщим избиением людей, которой они произведут, мир будет очищен»²⁷.

Наличие в двух совершенно различных источниках схожей хронологической информации позволяет предполагать существование определенной образной взаимосвязи между ними. Действительно, если Ссрапион (кстати, выходец из Киевской Руси – земляк легендарного Петра) в 70-е годы XIII века упоминает срок в сорок лет так сказать, *post factum* («к 40 лет приближает томление и мука»), то Петр в 1245 году явно имеет в виду будущее – время *предстоящего* покорения мира татарами²⁸. Возможно, в 70-е годы XIII века истекали какие-то символические «сроки»: или сроки «пленения» Руси, или сроки завоевания татарами мира. Кто знает: может быть, чрезвычайно чувствительные к всякого рода хронологическим расчетам (особенно в отношении будущего) средневековые книжники ожидали

²⁵ Ряд исследователей полагают, что этим человеком являлся некто Петр Акеревич, игумен Спасского монастыря на Берестове, поставленный в «митрополиты всея Руси» черниговским князем Михаилом Всеволодовичем в период недолговременного княжения последнего в Киеве во второй половине 30-х годов XIII века и высланный из столицы преемниками Михаила (См. подр.: Пауцто В. Т. Очерки... С. 58–62).

²⁶ Не знавший ни одного «библейского языка» (ни греческого, ни латинского, ни еврейского)... Петр был допущен произнести речь на соборе по-русски, с тем чтобы толмачи его перевели». См.: Пауцто В. Т. Очерки ... С. 59.

²⁷ Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 152, 182. И «Великая хроника», и бертонские «Анналы» одинаково передают этот отрывок из выступления Петра. В. И. Матузова полагает, что Петр мог дважды произносить свою речь о татарах: в Риме, куда он прибыл для знакомства с папой, и в Лионе, где выступал перед собором. См.: Там же. С. 183.

²⁸ О другом отголоске подобных временных расчетов в западных хрониках см.: Назаренко А. В. Русь и монголо-татары в Хронике сплитского архидьякона Фомы (XIII в.) // История СССР. 1978. № 5. С. 152. В более поздний период внимание книжников также было обращено на символическое истолкование числа 40: так, в одном из сборников выписок исторического содержания мы находим указание на то, что взятие Царьграда турками происходило «до исхода лет за 40» (т.е. за сорок лет до исхода седьмой тысячи лет). См.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. II. Ч. 3. М., 1862. С. 667 (ср.: Тихопратов Н. С. Сочинения. Т. I. М., 1898. С. 237).

наступления времени «подведения итогов» именно через сорок лет после нашествия «иноплеменных».

Не случайно поэтому Серапион пытается осмыслить феномен *времени*, в которое он живет. Раскрывая символический смысл событий, происходящих в современные ему «времена», проповедник выходит на целый комплекс морально-нравственных проблем, которым, собственно, и посвящены его поучения. Владимирский епископ мыслит ассоциативно: пытается определить место современного ему человечества на ленте времени, он занят сравнениями. Выводы, к которым приходит владыка, явно тревожны. И именно эта тревога, возникшая как результат «правильного понимания времени», заставляет епископа обращаться к пастве.

Современность ассоциируется у Серапиона с «последними временами»²⁹. Характеристика современного общества как общества «последних времен» строится у Серапиона на сочетании явных и неявных указаний, ближних и дальних исторических параллелей. Это явный результат именно ассоциативного способа «атрибуции времени». Бедствия современной ему Руси Серапион ставит в один ряд с несчастьями, произошедшими с другими – библейскими – народами. Для древнерусского проповедника речь идет об одной и той же цепочке, звеньями которой попеременно являются людские преступления и божественные наказания: вторые всегда следуют за первыми.

«О, маловернии, – восклицает епископ, – слышасте *казни от Бога*: в первых родехъ потопа на гиганты, огнемъ пожьжени, а содомляне огнемъ же сожени, а при фараоне десять казней на Егупеть, при ханании каменею огнесю с небесъ пусти, при судьяхъ рати наведе, при Давиде морь на люди, при Тите пленъ на Ерусалимъ, потомъ трясенъ земли и паденьемъ града. И в *наша лета* чего не видехомъ зла? многи беды и скорби, рати, голодь, *от поганыхъ насилье*»³⁰. «Слышасте *от Бога казнь*, посылаему на землю от первыхъ род: до потопа на гыганты огнем, при потопе водою, при Содоме жюпеломъ, при фараоне десятию казнии, при хананиихъ шершенми, каменемъ огнеснымъ съ небеси: при судьяхъ ратьми, при Давиде моромъ, при Тите плененемъ, потомъ же трясенемъ земли и паденьемъ град. При *нашемъ же языке* чего не видехом? Рати, глади, морове и труси; *конечное, еже предани быхом иноплеменникомъ не токмо на смерть и на пленение, но и на горкую работу*»³¹. Как видно, «цепочка» пролегает через всю историю человечества, и современные Серапиону «времена» в данном случае исключениями не являются.

²⁹ См., напр.: Кусков В. В. История... С. 132.

³⁰ ПЛДР. XIII век. С. 452.

³¹ Там же. С. 450, 452.

В другом месте владыка напрямую обращается к авторитету Священного Писания: «Слышасте, братье, самого Господа, глаголяща въ Евангелии: “И въ *последняя лета* будет знаменья въ солнци, и в луне, и в звездах, и труси по местомъ, и глади”. *Тогда реченное* Господомъ нашимъ *ныне збыться* – при нас, при *последнихъ людехъ*»³².

Таким образом, драматизм поучений Серапиона определяется именно обращением к «последним людям», живущим в «последние времена». Вероятно, именно поэтому владимирский владыка столь пристально «вглядывается» в происходящие вокруг события, небезуспешно пытаясь обнаружить в них аналогии приметам «последних времен»: «*колико видехомъ солнца погибиша и луну померькъшию, и звездное пременение! Ныне*³³ *же земли трясеенья* своима очима видехомъ; от начала оутверждена и неподвижима, повелением Божиим *ныне* движеться, *грехы нашими колеблетя, безаконья нашего носити не можетъ*»; «*всем казнив ны, Богъ не отведеть злаго обычая. Ныне землю трясетъ и колеблетъ, безаконья грехи многия от земли отрясти хоцетъ, яко лествие от древа...*»³⁴

В условиях надвинувшихся «последних времен» отсутствие искреннего покаяния и исправления среди паствы являлось «главным источником вдохновения» пастыря: указанное обстоятельство заставляло его вновь и вновь призывать паству к активной духовной работе. «*Всем казнив ны, Богъ не отведеть злаго обычая*», – сокрушается проповедник. Несмотря на многочисленные знаменья, наказания, «кары Господни», люди, к неподдельному сожалению Серапиона, не встали на путь исправлений. «*Многу печаль в сердце своемъ вижю вас ради, чада, понеже никако же вижю вы пременишася от делъ неподобныхъ... Многажды глаголахъ вы, хотя *оставити от васъ злыи обычаи* – никако же пременившася вижю вы. Аще кто васъ разбоиникъ, разбоя не отстанеть, аще кто крадетъ – татбы не лишиться, аще кто ненависть на друга имать – враждуя не почиваетъ, аще кто обидитъ и въсхватасть грабя – не насытиться, аще кто резоионецъ – режь емя не престанеть, обаче, по пророку: “*Всуе мятется: збираеть, не вестъ кому збираеть. ...Аще ли кто любодей – любодейства не отлучиться, сквернословецъ и пьяница своего обычая не останеться...*”*»³⁵

Болес того, по мнению епископа, *люди не совсем понимают символический характер происходящих с ними бедствий*. Поэтому Серапиону приходится доказывать неслучайность напастей, ниспосланных на род

³² ПЛДР. XIII век. С. 440.

³³ По справедливому замечанию В. А. Колобанова, выражение «ныне» следует понимать в контексте всех поучений Серапиона, где оно употребляется в смысле «в наше время», «в нашу эпоху» (см.: *Колобанов В. А. К вопросу о датировке... С. 253*).

³⁴ ПЛДР. XIII век. С. 440.

³⁵ Там же. С. 443–444.

человеческий «свыше», а кроме того, четко обозначать предельные рамки Божьего снисхождения к не замечающим своих грехов и Божьих казней людям. «Аще ли кто речеть: “Преже сего *потрясения* беша и *рати*, и *пожары* быша же”, – рку: “Тако есть, но – что потом бысть нам? Не *глад* ли? не *морю* ли? не *рати* ли многыя? Мы же *единачо* не покаяхомъся, дондеже *приде* на ны *языкъ немилостивъ* попустившу Богу; и *землю нашу пусту створиша*, и *грады наши плениша*, и *церкви святыя разориша*, *отца и братью нашу избиша*, *матери наши и сестры в поруганье быша*»³⁶.

По логике Серапиона, *нашествие «поганых» должно стать еще одним (может быть, последним) напоминанием о необходимости исправления*: «Видевъ наша безаконья умножившися, видев ны заповеди его отвергъша, много знамении показавъ, много страха пушаше, много рабы своми учаше – и ничим же унше показахомъся! Тогда навде на ны *языкъ немилостивъ*, *языкъ лють*, *языкъ, не щадящъ красы уны*, *немоци старецъ*, *младости детии*; двигнухомъ бо на ся ярость Бога нашего, по Давиду: “въскорс възгорися ярость сго на ны”»³⁷. Таким образом, приход «языка немилостива» является, по Серапиону, той предельной чертой («конечное, еже предани быхом иноплеменикомъ»), за которой должно последовать либо искреннее покаяние и исправление людей, либо гибель (в первую очередь не физическая, а духовная) нераскаявшихся грешников в почти уже наступившие «последние времена».

Вместе с тем подобное понимание функций «поганых языку» предопределило и *характер восприятия монголо-татар*. Сверхзадача, стоявшая перед епископом и сводившаяся к исправлению общественных нравов, покаянию и эсхатологическому спасению паствы, требовала и соответствующего осмысления нашествия, и адекватного описания этноса-завоевателя.

Прежде всего следует обратить внимание на *именование монголо-татар* в «Поучениях» Серапиона. Ни разу владимирский владыка не называл их прямо – *татарами*, хотя такое обращение к «поганым» в современных Серапионовым «Поучениям» текстах является достаточно распространенным³⁸. Более того, татары нигде не были названы (по традиции, свойственной, скажем, летописным памятникам) именами тех или иных библейских народов (ни агарянами, ни измаильтянами, ни моавитянами). Создается впечатление, что владимирский владыка сознательно *избегал конкретности в названии и описании поступков ордынцев*. Под сего пером монголо-татары названы довольно-таки неопределенно – «языком»

³⁶ ПЛДР. XIII век. С. 440.

³⁷ Там же. С. 446.

³⁸ См., напр.: НПЛ. С. 61 и далее; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 445 и далее; Т. 2. Стб. 740 и далее.

(«немилостивым», «лютым», «не щадящим красы уны, немощи старець, младости детиш»), «врагами нашими», «погаными», «иноплеменниками», «иноверцами» и др.

Вряд ли можно предположить, что отмеченная выше особенность текстов Серапиона является свидетельством его неосведомленности. Скорее всего, наоборот: *отказ от конкретных, точных наименований ордынцев* мог быть связан с более глубокой рефлексией по поводу феномена их появления, с более общим взглядом на происходившие на Руси бедствия, *не требующим излишней конкретизации, нарочитой этнической привязки.*

Вероятно, с указанной особенностью восприятия Серапионом монголо-татар связано практически полное отсутствие в его произведениях какой бы то ни было конкретной информации, касающейся *действий* «поганых». Описание их поступков подчинено определенным художественным шаблонам, влияние которых на характер повествования настолько велико, что *почти полностью устранивает из текста описание оригинальных черт в поведении ордынцев.* В общем-то традиционность, свособразный «консерватизм» средневековой проповеди как жанра требовал от пастыря-книжника столь же традиционных средств повествования. «Сам жанр поучений, с которыми выступал Серапион, был весьма консервативен... традиционная схема средневековой проповеди оставляла мало места для рассуждений на злободневные темы»³⁹ и для подробного освещения событийной стороны интересующей проповедника проблемы. Исходя из стоящих перед ним целей, «законов жанра» и, вероятно, собственных эстетических вкусов, Серапион обращался к вполне знакомым ему и его потенциальной аудитории текстам и, избегая конкретизации, давал достаточно четкую оценку происходящим на Руси событиям⁴⁰. Таким образом, метод использования аналогий распространялся и на поиск сюжетов, и на выбор средств описания.

Действия татар практически не выходят за рамки традиционных поступков народов, насылаемых Господом на согрешившие страны.⁴¹ Татары

³⁹ Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 40. Ср. с мнением митрополита Макария (Булгакова): «Поучения» Серапиона «небогаты содержанием и очень сходны между собой, однообразны» (см.: Макарий (Булгаков М. П.). История... С. 243).

⁴⁰ Цитаты Серапиона («речь идет о цитатах из Ветхого Завета (Давид) и из Нового Завета (слова Христа, апостолов), цитаты или, скорее, их варианты из Отцов Церкви и раннехристианских авторов (Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина) «обычно коротки, нигде не являются самоцелью, но как бы вводят некоторое событие русской жизни XIII века в пространство "прецедента" и тем самым классифицируют его ("это – то самое")» (курсив наш. – В. Р.). См.: Топоров В. Н. Святость... С. 267–268.

⁴¹ Перечень таких действий можно обнаружить в «пророческих книгах», например в «Откровении» Мефодия Патарского.

разоряют и опустошают⁴² («землю пусту створша»), пленяют⁴³ («грады плениша»; «множайша же братья и чада наша въ пленъ ведени быша»; «пленена бысть земля наша» и «ведены быша жены и чада наша въ пленъ»); святотатствуют⁴⁴ («церкви святыя разориша», «повергают» «плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снѣдь»; разрушают «божественныя церкви», оскверняют «суды священнии и честные кресты и святыя книги», топчут «святыя места»), убивают⁴⁵ («отца и братью избиша»; «вскоре падоша отци и братья наша трупиемъ на земли», подвергают казням церковных иерархов – «святители мечю во ядь быша»), подвергают людей поруганию⁴⁶ («матери наши и сестры в поруганье быша»), порабощают⁴⁷ («порабощени быхомъ оставшеи горкою си работою от иноплеменникъ»; «предани быхом иноплеменникомъ не токмо на смерть и на плененье, но и на горкую работу»), накладывают дани⁴⁸ («дане тяжькыя на ны не престануть»). Они – «языкъ немилостивъ», «языкъ лот», поэтому «не щадят красы уны, немощи старецъ, младости дети», в результате их действий «кровь и отецъ, и братья наша, аки вода многа, землю напои»⁴⁹ и т.д. «Поганые»

⁴² ПЛДР. XIII век. С. 440. Ср.: «поидоуть пред ними... погыбель и пагоуба, тля и опоустение»; «грады опоустекють и боудоуть земле... опоустение»; «сберется земля опоущеная». См.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследования и тексты. М., 1897. С. 93, 95, 98 (здесь и далее указаны номера страниц второй пагинации).

⁴³ ПЛДР. XIII век. С. 440, 443–444, 446, 448. Ср.: живущие (на земле) «плениемъ и мечомъ погыбноуть», «грыци в пленение и бегание боудоуть», «в пленение и сечение боудоуть». См.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 94.

⁴⁴ ПЛДР. XIII век. С. 440, 446, 448. Ср. с описанием святотатств: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 95. Ср. также: «Боже! язычники пришли в наследие Твое, осквернили святой храм Твой, Иерусалим превратили в развалины... тела святых Твоих (отдали на снадение) зверямъ земнымъ» (Пс. 78: 1–2). Серапион при описании татарских разорений активно использовал сентенции из Псалтыри (см.: *Подскальски Г.* Христианство... С. 179). Н. К. Гудзий обратил внимание на то, что Серапион «даже буквально» воспроизводил отдельные фразы 78-го псалма (см.: *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы... С. 198).

⁴⁵ ПЛДР. XIII век. С. 440, 443–444, 446, 448. Ср.: живущие (на земле) «иссечени боудоуть», будет на земле «гладъ и смерть» и др. См.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 93, 94, 97.

⁴⁶ ПЛДР. XIII век. С. 440. Ср.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 94–95.

⁴⁷ ПЛДР. XIII век. С. 443–444, 450, 452. Ср.: люди «подъ ярмомъ работы... боудоуть», «начноуть работати работавшимъ имъ». См.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 94, 98.

⁴⁸ ПЛДР. XIII век. С. 443–444. Ср.: «дани възимати начноуть». См.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 92, 94.

⁴⁹ ПЛДР. XIII век. С. 446, 448. Ср.: «оудовиць и сироть и чрьвьць и всакого стараго въ безотчество въврьгнуть и стоужеть оубогимъ». См.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила... С. 94–95. Ср. также: «пошлет на тебя Господь народ издалека, от края земли; как орел налетит народ, которого языка ты не разумешь. Народ наглый, который не уважит старца и не пощадит юноши» (Втор. 28: 49–50);

внушают *страх* даже некогда самым храбрым – «князи наших воевод *крепость ищезе*», «храбрии наша, *страха напольнишьесе, бежаша*»⁵⁰; само пришествие татар Серапион называет «прещением *страшным*»⁵¹. Итогами нашествия «безбожных» являются *разорение, опустошение* («гради мнози опустели»), «села лядиною поросоша», «богатство наше (“поганым”) в користь бысть», «трудъ нашъ *погании* наследоваша»), а также *унижение перед «иноплеменниками»* («величество наше смерися», «красота наша погыбе», «земля наша *иноплеменникомъ* в достояние бысть», «в поношение быхомъ живущимъ всъкраи земля нашаея», «в посмехъ быхомъ *врагомъ нашимъ*»)⁵².

Исследователи обратили внимание на то, что Серапион, обличая пороки русских людей, *сравнивает их поступки с поведением «поганых»*: «Погании бо, закона Божия не ведуще, не убивают единоверних своих, не ограбляют, не обадят, не поклеплют, ни украдут, не запрятъся чужаго; всякъ поганый брата своего не продасть; но кого в нихъ постигнет беда, то искупять его и на промысль дадутъ ему; а найденая в торгу проявляют; а мы творимъся, вернии, во имя Божие крещени есмы, а заповеди его слышаше, всегда неправды есмы исполнени и зависти, немилосердыя; братью свою ограбляемъ, убиваемъ, въ погань продаемъ. Оканне, – вопрошаст Серапион, – кого снедаеши? не таковъ же ли человек, яко же и ты? не зверь есть, ни иноверецъ...»⁵³

В итоге книжник приходит к «признанию положительных достоинств» татар, способных даже послужить образцом для христиан»⁵⁴. Трудно судить, что послужило причиной обращения владыки к подобному сравнению: возможно, с помощью столь яркого, даже обидного для христиан примера проповедник стремился привлечь внимание аудитории к своим словам. Важно другое: судя по всему, в основе приведенного пассажа лежат личные наблюдения Серапиона, а «не риторический прием,

«не пощадил ни юноши, ни девицы, ни старца, ни седовласого: все предал Бог в руку его» (2 Цар. 36: 17); «изби их меч: ...и юношу, и девицу, и грудного младенца, и покрытого сединою старца» (Втор. 32: 25; Иез. 9: 6); «(язычники) пролили кровь... как воду вокруг Иерусалима, и некому было похоронить их» (Ис. 78: 3).

⁵⁰ ПЛДР. XIII век. С. 446, 448. Ср.: «грыци в пленение и бегание боудоуть», «одръжими боудоуть... *страхомъ*, и боудоуть въ *оужасе* вси живоучи на земли»; «и нападет на не *страхъ* отвсоудоу». См.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифическис видения Даниила... С. 94, 95, 97.

⁵¹ ПЛДР. XIII век. С. 440–441.

⁵² Там же. С. 446, 448. Ср.: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифическис видения Даниила... С. 93, 95, 97, 98.

⁵³ ПЛДР. XIII век. С. 454.

⁵⁴ Подскальски Г. Христианство... С. 183. Ср.: «Как не проклинали татар за их свирепые опустошения, даже в первое время ига русские писатели признавали в татарах известные добродетели в их собственном быту» (см.: *Пытин А. И.* История русской литературы. Т. 1. С. 216).

потому что проповедник, как антитезой, мог бы воспользоваться любым книжным заимствованием». Значит, татары, до этого описываемые им достаточно трафаретно, в восприятии книжника, помимо традиционных черт «нечистых народов», все-таки имели хоть какие-то реальные – даже положительные – черты. Таким образом, в пятом поучении Серапиона, пусть лишь в одной детали описания, «видно отношение к татарам как к определенному народу»⁵⁵.

В целом в «Словах» Серапиона Владимирского татары воспринимались в качестве «кары Господней», ниспосланной на Русь в «последние времена» для исправления «грехов людских». Поскольку, по мнению книжника, именно «погрязшие в пороках и безверии» современники были повинны в том, что Господь вынужден был покарать Русь⁵⁶, указанный вектор восприятия монголо-татар обуславливал и отношение пастыря к проблеме возможного спасения паствы, и позицию Серапиона по поводу возможной борьбы с «безбожными».

Во-первых, возможность спасения, по мысли владыки, даруется самим Господом, который не просто «казнит» христиан, но насылает казни «во исправление», с целью очищения православных накануне «последних времен» и Страшного суда: «се же все от Бога бывает, и *симь намь спасенье здеваеть*»⁵⁷. Во-вторых, залог спасения владимирский епископ видел в осознании людьми собственной греховности и в искреннем покаянии⁵⁸. Действительно, как отмечали исследователи, все пять поучений Серапиона «сходны между собой в том, что основное их содержание составляет призыв к покаянию, обращенный непосредственно к слушателям». Именно покаяние «могло отвлечь гнев Божий»⁵⁹: избавление от грехов привело бы, по мысли Серапиона, к прекращению Божьего гнева, следовательно, к избавлению от ненавистного порабощения иноплеменикам.

Религиозное покаяние было у Серапиона основным средством «избавить» «томление и муку» монголо-татарской власти⁶⁰. На эту тему Серапион рассуждает практически в каждом поучении: «молю вы, братье, кождо васъ: внидите в помыслы ваша, оузрите сердечныма очима дела ваша, – възненавидете их и отверзете я, к покаяню притецете. Гневъ Божии престанеть, и милость Господня излеется на ны, мы же в радости поживемъ в земли

⁵⁵ Шамбинаго С. К. Русское общество... С. 579.

⁵⁶ История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. С. 47.

⁵⁷ ПЛДР. XIII век. С. 452.

⁵⁸ История русской литературы. Т. 1. Л., 1980. С. 115.

⁵⁹ См.: Шамбинаго С. К. Русское общество... С. 578; Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. 1. С. 208; История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. С. 46.

⁶⁰ Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 43.

нашей, по ошествии же света сего придем радующеся, аки чада къ отцю, къ Богу своему и наследим царство небесное, его же ради от Господа создани быхом»⁶¹; «молю вы, отступите дель поганьскихъ»⁶²; «моляся, вам глаголю: примемъ покаянье от сердца, да Богъ оставит гневъ свои и обратимся от всехъ дел злыхъ, да Господь Богъ обратиться к намъ... Придете же со мною на покаянье, да умолюм Бога; веде убо, аще ся покаеве, будемъ помиловани; аще ли не останетеся безумья и неправды, то узрите горша напоследь»⁶³ и т.д.

Таким образом, спасение, по Серапиону, представляло собой сочетание двух факторов: Божьей милости, проявляющейся в виде указующих на людские грехи казней, и готовности паствы, избавившись от собственных «беззаконий», встать на путь «покаяния». Естественно, что в рамках подобного восприятия совершенно не оставалось места идеям о возможной борьбе с «погаными». Нашествие «языка немилостивого» совершается по Божьей воле, *противостоять ему в принципе невозможно*⁶⁴. Данное обстоятельство особо подчеркивается владыкой: «князи нашихъ воеводъ крепость ищезе», «храбрии наша, *страха напольньшеся, бежаша*». Страх от осознания собственных грехов и даруемая Господом возможность покаяния – вот что остается человеку в условиях пленения Руси «иноплемениниками».

* * *

«Поучения» Серапиона Владимирского были созданы в ближайшие десятилетия после нашествия монголо-татар и, видимо, преследовали цель каким-то образом осмыслить произошедшее, дать пастве объяснение *смысла* постигших Русь испытаний. В произведениях Серапиона Владимирского иногда в завуалированной, а иногда и в явной форме нашли отражение эсхатологические ожидания того времени. Ощущая современную ему эпоху как «последние времена», обращаясь к своей пастве как к «последним людям», Серапион характеризовал татар как «язык немилостивый». Владимирский епископ «рассматривает господство монголо-татар как великое зло, которое рано или поздно должно кончиться», поскольку если русские люди избавятся от грехов, то «гнев Божии престанеть... мы же в радости поживем в земли

⁶¹ ПЛДР. XIII век. С. 444.

⁶² Там же. С. 450.

⁶³ Там же. С. 454.

⁶⁴ «Древнерусские книжники... приходили к убеждению, что Русская земля навлекла на себя *гнев Божий, сопротивляться которому бесполезно*» (курсив наш. – В. Р.) (см.: История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. С. 45).

нашей»⁶⁵. Монголо-татары одновременно выступали как бы *в двух ипостасях*. С одной стороны, с их помощью, через них осуществлялась кара Господня за грехи людские (наряду с «гладом», «трусом» и пр.). С другой стороны, им «поручалось свыше» попытаться вернуть паству «на путь истинный» до того, как наступит Страшный суд.

⁶⁵ Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 41.

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ

Изображение ордынцев в ранних редакциях житийных повестей об убиенных в Орде князьях

Особое место среди памятников древнерусской литературы занимают повести, посвященные мученически погибшим в Орде русским князьям. Смерть князя в Орде не являлась уникальным для Руси событием: известны многочисленные случаи, когда конфликты между ордынскими ханами и русскими князьями приводили к трагической для русских развязке¹. Весьма показательны, что, ограничиваясь в большинстве случаев лишь краткой констатацией факта гибели князя, книжники были достаточно лаконичны в своих описаниях произошедших в Орде трагедий. Однако события, произошедшие в 1246 и 1318 годах и повлекшие за собой гибель великих князей – соответственно Михаила Всеволодовича Черниговского и Михаила Ярославича Тверского, судя по всему, произвели большое впечатление на современников и потомков. Об этом говорит как то, что оба князя практически сразу после своей гибели были причислены к лику святых, так и то, что описания их мученических кончин постоянно привлекали к себе внимание и творческий интерес древнерусских писателей, неоднократно перерабатывавших произведения о князьях-мучениках.

Монголо-татары в «Повести о Михаиле Черниговском»

Теме мученической гибели в Орде черниговского князя и его боярина Феодора посвящено пространное (по сравнению с существовавшими краткими летописными записями²) произведение – Повесть, известная в

¹ По мнению М. Д. Полубояриновой, «за первые сто лет татаро-монгольского ига в Орде было казнено по приказанию хана более десяти русских князей». См.: *Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 10.*

² Самые ранние сведения «о гибели Михаила Всеволодовича Черниговского и боярина его Федора» дошли до нас в составе летописных памятников – Лавр. и Ипат. Рассказы этих памятников крайне лапидарны: помимо констатации факта убийства князя, в них сообщается лишь общая канва событий. Как писал Н. И. Серебрянский, «оба летописных рассказа не зависят от церковных сказаний; они древни и оригинальны – Ипатьевский, безусловно»

многочисленных редакциях. Вопрос о первоначальном виде «Повести о Михаиле Черниговском», а также о времени ее появления до сих пор является дискуссионным в науке.

Н. И. Серебрянский, предпринявший серьезное исследование Повести, полагал, что «первым опытом церковного сказания о св. Михаиле» является т.н. Ростовская проложная редакция (*далее* – ред. Р.). По мнению исследователя, ред. Р. появилась до 1271 года, когда умерла дочь Михаила – Марья, поскольку в тексте памятника о ней говорится как о живой³. Предложенная Н. И. Серебрянским датировка ред. Р., не подвергаясь принципиальному пересмотру, лишь уточнялась. Так, Н. И. Пак вполне аргументированно доказала, что появление редакции можно отнести к периоду с 1271 по 1277 год. Исследовательница обратила внимание на молитвословие в концовке Повести в ред. Р., в котором как о живых говорится лишь о внуках Михаила Всеволодовича – князьях Борисе и Глебе. Поскольку Борис умер в 1277 году, указание на это дало возможность более точно датировать появление ред. Р. – 1271–1277 годы⁴. Н. И. Пак так же, как и

(см.: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 110). Сведения Лавр. и Ипат., при всей своей лаконичности, несколько различаются в деталях. Согласно Ипат., «(Михаил) сха Батысьви, прося волости своею от него. Батысьви же рече: «поклонися отец нашихъ закону». Михаил же отвеща: «аще Богъ ны естъ предать и власть нашу, грехъ ради наших, во оруце ваши, тебе кланяемъ и чести приносимъ ти, а закону отецъ твоихъ и твоесмоу *благочестивому повелению* не кланяемъся. Батыи же яко *свирепый зверь възъярися*, повеле заклати. И закланъ бысть *беззаконнымъ* Доманомъ, путивльцемъ *нечестивымъ*. И с нимъ закланъ бысть бояринъ его Феодор. Иже мученически пострадаша и восприяста венець от Христа Бога» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795). Лавр. же говорит о том, что Михаил с внуком своим «поехаша в Татары, и бывшимъ имъ в станицхъ». В это время Батый послал к князю, «вселя ему поклонитися огневи и болваномъ ихъ. Михаило же князь не повиновася велению ихъ, но укори и, и *глухья его куницы*, и тако *безъ милости от нечестивыхъ* заколеть бысть и конецъ житию приять» (Там же. Т. 1. Вып. 2. Стб. 471). Несмотря на то что расхождения касаются лишь отдельных деталей, представляется, что авторы ранних летописных рассказов все-таки поразному воспринимали описываемые ими события. Во-первых, если в Лавр. говорится лишь о резко негативном отношении князя к предложению Батые поклониться огню и «болванам» татарским, то Ипат. предлагает иную трактовку позиции главного героя. Согласно тексту Ипат., Михаил также отказался поклониться «законамъ отцовъ» татарских. Однако при этом уточняется немаловажная деталь: отказ князя был направлен лишь по отношению к атрибутам «поганства», а не по отношению к хану лично, поскольку под власть хана Русь попала «за грехи свои», по Божьей воле, оспаривать которую, а тем более не подчиняться которой Михаил не собирался. Летописец подчеркивает «богоугодность» мученической смерти князя Михаила и боярина Федора: и тот и другой восприняли «венець» от Бога. Во-вторых, в летописях по-разному говорится об убийцах князя. Лавр. говорит о смерти Михаила «от нечестивыхъ» вообще, Ипат. же уточняет, что «нечестивымъ» был русский человек – путивлец Доман, «беззаконный», который, как пишет летописец, исполняя волю Батые, «заклалъ» князя.

³ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 111.

⁴ *Пак Н. И.* Краткая характеристика редакций Повести о Михаиле Черниговском // Литература Древней Руси. М., 1988. С. 22–23. См. также: *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников XIII – первая четверть XIV в. // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X – начало XX вв.: Сб. науч. тр. Вып. 1. М., 1990. С. 27.

Н. И. Серебрянский, полагает, что ред. Р. представляет собой первоначальный вид произведения.

Иного мнения придерживается В. А. Кучкин. Исследователь обратил внимание на то, что в т.н. «редакции отца Андрея» (*далее* – ред. А., которую Н. И. Серебрянский датировал второй половиной XIII – началом XIV века, а Н. И. Пак вообще отнесла ее к первой половине XV века⁵) имеется косвенное именование Батгя цесарем, а о русских землях сказано, что они принадлежали «канови и Батыеве». «Как видно, – пишет исследователь, – автор редакции совершенно точно знал, что Батый подчинялся великому хану в Каракоруме, считавшемуся верховным повелителем Руси. Подобное обстоятельство осталось неизвестным автору ростовской редакции». На основании этих наблюдений В. А. Кучкин предложил иную последовательность появления редакций памятника. По его мнению, есть основания полагать, что «вопреки мнению Н. И. Серебрянского редакция отца Андрея Повести о Михаиле и Федоре Черниговских предшествовала ростовской редакции»⁶.

Н. И. Пак в работе, опубликованной в 1988 году, т.е. до выхода статьи В. А. Кучкина, подвергла сомнению возможность составления двух редакций произведения (ред. Р. и А.) в «те же» 70-е годы XIII века, однако серьезных аргументов, которые бы ставили под сомнение предложенную В. А. Кучкиным датировку, она не привела⁷.

По единодушному мнению исследователей, к ранним редакциям памятника можно отнести и т.н. Пространную проложную (согласно терминологии Н. И. Серебрянского – «переработка редакции отца Андрея»; *далее* – ред. ПП.). Самый древний список ред. ПП. находится в составе Пролога 1313 года, что уже является доказательством сравнительно раннего появления текста. Как полагает Н. И. Пак, ред. ПП. была создана на основе ред. Р. и летописных сведений о событии, произошедшем в Орде в 1246 году. По мнению исследовательницы, составление указанной редакции следует относить к концу XIII – началу XIV века; таким образом,

⁵ Н. И. Серебрянский считал редакцию А. «вторым хронологически (после ростовской редакции) памятником церковной письменности о благоверном Михаиле». При этом исследователь исходил из «наличия связи между этими двумя памятниками», которую он объяснял зависимостью редакции А. от редакции Р. (см.: *Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития...* С. 115–116). Н. И. Пак предложила достаточно расплывчатую датировку редакции А.: «Учитывая, что ранний список ред. А. датирован 1456 г., – пишет исследовательница, – относим время возникновения редакции к I пол. XV в.» (см.: *Пак Н. И. Повесть о Михаиле Черниговском в историко-литературном процессе XIII–XV вв. (Текстология, жанровое и структурно-стилевое своеобразие).* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. С. 3–4).

⁶ *Кучкин В. А. Монголо-татарское иго...* С. 29–30. Ср.: *Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития...* С. 116.

⁷ *Пак Н. И. Краткая характеристика редакций...* С. 24.

ред. ПП. представляется Н. И. Пак хронологически второй (после ред. Р.) редакцией памятника⁸.

Итак, судя по всему, к первоначальным редакциям Повести следует отнести Р. и А. – датировка их текстов не выходит за пределы конца XIII века, а также ред. ПП., которая возникла несколько позднее: по крайней мере до 1313 года (или в результате распространения ред. А., как полагал Н. И. Серебрянский, или на основе ред. Р. и летописных сведений о событиях, как считает Н. И. Пак⁹).

Поскольку составление последующих редакций Повести о Михаиле и Федоре Черниговских относится к значительно более позднему времени (не ранее начала XV века¹⁰), для реконструкции восприятия монголо-татар в первые десятилетия после нашествия ограничимся анализом лишь трех самых ранних редакций – Р., А. и ПП.

* * *

Восприятие монголо-татар составителями трех редакций Повести (Р., А. и ПП.) имело, судя по всему, ряд общих черт.

Рассказы этих редакций начинаются с традиционной для древнерусских книжников констатации того факта, что «нахождение» татар было ниспослано «гневомъ Божиимъ за оумножение грехъ нашихъ»¹¹. При этом если ред. Р., ограничившись приведенным выше высказыванием, переходит к передаче событийной стороны сюжета, то ред. А. и ПП. более основательно поясняют смысл фразы о «гневе Господнем». Так, составители А. и ПП. подробно рассказывают о «реакции» населения Руси на нашествие «поганых»: «овни затворяюся въ градахъ, Михаилу же бежавишу во Оугры, инии же бежаша в земли дальнии, инии же кряхюся в пещерахъ

⁸ Пак Н. И. Повесть о Михаиле Черниговском... С. 3; Она же. Стилизовое свособразие повестей об убиенных князьях великих в составе Великих Мисей Четых митрополита Макария // Художественно-исторические памятники Можайска и русская культура XV–XVI вв. Можайск, 1993. С. 156.

⁹ Н. И. Серебрянский считал редакцию III «не вполне удачной литературной переделкой» (курсив наш. – В. Р.) редакции А. См.: *Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития...* С. 118. Ср.: Пак Н. И. Краткая характеристика редакций... С. 26. Подробнее об обстоятельствах появления и «идеологии» Повести см.: *Лаушкин А. В. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1999. № 6. С. 3–25.*

¹⁰ Н. И. Пак всего выделяет 13 редакций произведения, среди которых пять находятся в составе Прологов (в т.ч. и Р, А, ПП), три являются вариантами редакции, приписываемой Пахомию Логофету, и пять компилятивных редакций, представляющих собой «варианты соединения текстов проложных и пахомиевых редакций». См. подр.: Пак Н. И. Повесть о Михаиле Черниговском... С. 2–3, 4–6.

¹¹ *Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития...* С. 50, 55, 63. Здесь и далее при ссылке на источник номера страниц указаны по второй пагинации.

и в пропастях земныхъ, а иже въ градахъ затворишася, ти исповеданиемъ со слезами Богу молящася, тако от поганыхъ немилостивно избъени быша, а инии же кряхюхуся в горахъ и въ пещерахъ и в пропастьехъ и в лесехъ, мало от техъ остася...»¹²

Интересно, что приведенный отрывок, находящийся и в ред. А., и в ред. ПП., находит достаточно явную параллель в тексте «Откровения» Мефодия Патарского, описывающего реакцию населения «греческого царства» на исходжение «заклепанных» Александром Македонским «нечистых народов» в «последние времена». Так, как отмечается в «Откровении», «отвързоутсе врата северная и изидоуть силыи езыкъ, еже бехоу заклоучении вьноубрь, и подвижитсе вса земля от лица ихъ и сметоутсе человеци и побегноуть и начноут се крити въ горахъ и въ пещерахъ и въ гробехъ, изомроуть от страха»¹³. Довольно яркий эсхатологический образ, нашедший отражение в ред. А. и ПП., в последней усиливается указанием на то, что все происходящее в Повести совершается в «последние времена» («такоже и в послѣднихъ сихъ временехъ»). Однако, как будет показано ниже, приведенная параллель – не единственное указание составителей ранних редакций Повести на эсхатологическую обстановку, в которой развивается действие их рассказов.

Автор ПП. еще более подробен. Прежде чем перейти к повтору приведенного пассажа из ред. А., в свособразном «предисловии» он проводит параллели с библейскими событиями («быс нахождение поганыхъ татарь... гневомъ Божиим, за умножение грехъ нашихъ, якоже при Ное, якоже и при Лоте, казнь Божия нахожаше, такоже и в послѣднихъ сихъ временехъ, наведее Господь роукуоу свою не землю крестьяньскоую по пророчеству древнихъ пророкъ...»¹⁴), рассказывает о безуспешной попытке «князя Мьстислава Роуьского», «собравъ силоу великоу» противостоять татарам на Калке («изиде противоу имъ и ничтоже оуспе») ¹⁵, повествует о том, что татары отправляли к Михаилу своих послов, которых тот, «видевъ словеса лести ихъ», «повеле избити», а «самъ побеже во Оугры»¹⁶.

Главной характерной чертой монголо-татар в текстах Р., А. и ПП. (как и в Ипат. версии «Повести о нашествии Батия») является «леть», а самое распространенное действие ордынцев – «прельщение». В ред. Р. татары, призывая русских князей в Орду для совершения ими языческих обрядов,

¹² Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития... С. 55, 64.

¹³ Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследования и тексты. М., 1897. С. 98.

¹⁴ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития... С. 63–64.

¹⁵ Там же. С. 64.

¹⁶ Там же. Как писал Н. И. Серебрянский, «рассказ о кончине благоверного князя не подвергся каким-либо изменениям, последние наблюдаем только в предисловии». См.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития... С. 118 (первой пагинации).

«начаша я *лсти*, веляше ити сквозе огонь и кланяться солнцю, идолом и *прельстиша* многи *славою пустошною мира сего*»¹⁷. В ред. А. и ПП. татары поступают точно так же – князьям, совершившим «обрядь поганьскыи» и просившим «кождо ихъ власти», «они безъ взбранения даяхуть имъ, кто которыя власти хотяше, да *прельстятся славою света сего*». В интерпретации указанных редакций Михаил, «видя многи *прелщающаяся славою света сего*», собирается «ехати предъ цесаря (Батыя)» «обличити *прелесть* его, ею же *лститъ* крестьяны»¹⁸.

«Лесть», стремление к «прельщению», судя по всему, также являлись чертами, присущими «нечестивым народам»¹⁹. В частности, в текстах Священного Писания, знакомство с которыми авторы всех без исключения редакций Повести демонстрируют столь охотно, лъстивость – неотъемлемая черта «нечестивых» (ср.: «нечестивый народ» «придет без шума и *лестью* овладеет царством», а «поступающих нечестиво против завета привлечет к себе *лестью*»²⁰ и т.д.). Как мы уже указывали выше, по мнению Ефрема Сирина, антихрист во времена, когда «исполнится нечестие мира», «духом *лести*» будет искушать людей и «*обольщать* мир своими знаменьями и чудсами по попущению Божию». И поэтому «великий подвиг нужен для верных, чтобы устоять против» совершаемых обольщений²¹. Именно этот «великий подвиг» и совершают Михаил и Федор, противостоя «лести» татарской.

Однако если основной пафос краткой ред. Р. сводился к прославлению мученической гибели благоверного князя Михаила и его боярина Федора (отвергших «славу сию временную», пострадавших «Христа ради» и тем самым снискавшим *себе* «спасение» и «память»), то рассказы А. и ПП. посвящены более широкой теме отказа от «славы света сего», гибели «за православную веру» во имя избавления всех православных христиан от «прельщения поганых».

Вообще, *тема противостояния «прельщениям поганским»* являлась одной из самых злободневных для литературы конца XIII века. Проблема выбора между «славою света сего», «тленным и скороминущим житием»,

¹⁷ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 50.

¹⁸ Там же. С. 56. Ср.: Там же. С. 64–65. Далее в рассказах редакций А. и ПП. неоднократно подчеркивается и стремление татар «прельстить» русских князей, и желание Михаила «обличить» татарскую «лесть». См. также: *Пак Н. И.* Повесть о Михаиле Черниговском... С. 6.

¹⁹ Ср. значения слов «лъстивый», «лестный» в древнерусском языке: «коварный», «являющийся хитростью», «имеющий целью обман», «лживый», «обманчиво влекущий», «таящий в себе опасность», «пагубный» и даже «антихрист». См.: СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 214–215, 322–323.

²⁰ Дан. 11: 21, 32.

²¹ См. подр.: *Сахаров В.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и их влияние на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 84. Не только жители Козельска, но и многие другие персонажи повести Ипат. противостоят «поганым».

с одной стороны, и «ожизнью вечной», «нетленными венцами от Господа», с другой, представлена не только в повествованиях ред. А. и ПП. Она же, судя по всему, была ключевой и для рассказа Ипат. о Батыевом нашествии²², и для «Повести о Михаиле Тверском»²³, и для ряда других произведений древнерусской письменности рассматриваемой эпохи.

Итак, в описании авторов разбираемых редакций татары «избиша» русских «немилостивно». Всех, не успевших скрыться от их нашествия, «изочтоша в число» (как уточняют смысл этого действия «поганых» авторы ред. А. и ПП., для того чтобы «на них дань иматъ»²⁴), «прельцают» или «мужею» заставляют являться к «царю» для совершения «поганских» обрядов. Русские приносят «царю» дары, которые тот «в огонь меташу». Этот и другие языческие обряды автор ред. Р. сравнивает с обычаями персов – «яко же и перси творят»²⁵. «Поганые» жестоки. Они мучают «различными муками» отказавшихся от исполнения «поганских» обрядов Михаила и Федора: «растягоша за руце» и «за нозе», «почаша бити руками по сердцю», «биахоу и пятами» («сему же надолзе бывшую», замечают книжники), наконец, отрзают их «честные головы», тела же бросают «псомь на снеть»²⁶. В общем, татарам приписываются черты жестоких, «немилостивых» мучителей православных христиан.

На появление подобных характеристик «поганых», судя по всему, повлияло несколько обстоятельств. С одной стороны, жестокость и немилосердие, стремление «мучить» христиан являлись чертами, присущими «нечистым народам» вообще, тем более что последние всегда насылались в «наказание за грехи». Судя по всему, в этом случае мы имеем дело с одним из аспектов осмысления реальных монголо-татар. С другой стороны, наделение указанными качествами «поганых» диктовалось и литературными целями книжников, которые стремились описать христианский подвиг своих героев, принявших мученическую смерть и признанных поэтому в качестве святых-мучеников (наличие мучеников предопределяло и необходимость ввести в повествование образы мучителей).

Среди прочих «поганых» книжники выделяют ханов: ордынские правители именуется «цесарем» и «каном» соответственно. В уста Михаила авторы анализируемых редакций Повести вкладывают сентенции, позволяющие судить об отношении древнерусских писателей к татарской власти на Руси.

²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779–780.

²³ См. ниже.

²⁴ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 55, 64.

²⁵ Там же. С. 51.

²⁶ Там же. С. 51, 58, 67–68.

Обличая «лесть поганых» и отказываясь от почитания языческих божеств, Михаил заявляет о своей позиции: «Не створю азъ – не иду сквозе огонь, не кланяюся твари, но кланяюся Отцю и Сыну и Святому Духу, а *цесарю вашему кланяюся, понеже поручи ему Богъ царство света сего*»²⁷. Как было указано, в ред. А. и ПП. помимо приведенной содержится фраза, правда, вложенная в уста татарам, о том, что «не подобает жити на земли *канови, и Батыеве, не поклонившися има*»²⁸. Данная сентенция уточняет смысл слов Михаила о врученном «цесарю» «царстве света сего»: *власть хана признается* авторами редакций Повести *данной от Бога*, ее авторитет непререкаем даже для святого князя²⁹. Не случайно русские «князья и бояре» в изложении ред. А. и ПП. едут к «поганым» *«прашахоу кождо ихъ власти»*, те же «безъ възбранения *дахоуть имъ*, кто которыя власти хотяше» для того, чтобы «прельстить я славою света сего»³⁰. Таким образом, по мнению книжников, Русская земля являлась «землей канови и Батыеве», именно поэтому те и имели право «делегировать» часть своей «власти» приезжавшим в Орду князьям и боярам. Как раз это право «поганые» и использовали для «прельщения» русских: Батый, которому «от Бога» было вручено «царство света сего», «прельщал» князей «славою света сего»³¹.

Возможно, в силу указанных обстоятельств книжники достаточно деликатны в изображении ордынских правителей. Лишь в ред. А. и ПП. указывается на то, что, услышав о дерзких речах князя, «цесарь *възярился велми*»³². Таким образом, *ярость* – также одно из качеств «поганых». Характерно при этом, что ни князь-мученик, ни его боярин напрямую с Батыем не общаются: в ред. А. и ПП. слова князя «цесарю» передают «волхвы», а речи хана – «царский вельможа» Елдига; в ред. Р. об этих «посредниках» ничего не сказано, однако нет сомнения, что и здесь князь обращается к хану через третьих лиц («Цесарю *вашему* кланяюся, понеже поручи *ему* Богъ царство света сего», – говорит Михаил, обращаясь к «поганым», а не к самому «цесарю»)». С одной стороны, указанный «стиль общения» объясняется в тексте самой Повести: в силу традиций ордынцев русский

²⁷ Указанная фраза с незначительными вариантами читается во всех трех анализируемых редакциях. См.: Там же. С. 51, 57, 66.

²⁸ Там же. С. 55, 64.

²⁹ В. А. Кучкин уточняет: «Власть Батыея редактором Повести полностью признавалась, но при одном условии: если повеления хана не затрагивали религиозных убеждений русских людей. В противном случае эти повеления могли быть нарушены. В Повести подобное непослушание Михаила и Федора Батыею расценено как христианский подвиг». См.: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 31.

³⁰ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития... С. 56, 64.

³¹ Лаушкин А. В. К истории возникновения... С. 12–15.

³² Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития... С. 57, 66.

³³ Там же. С. 51, 56–57, 65–66.

князь (равно как и его дары хану) не мог предстать перед «цесарем», не пройдя «очищения» при помощи языческих обрядов. Однако, с другой стороны, здесь просматриваются элементы своеобразной «субординации»: русский князь, не поддавшийся «прельщению поганскому» и, тем самым, не вступивший в своеобразные вассальные отношения с «цесарем», не мог лицезреть того, кому было вручено «царство света сего».

Немаловажно и то, что Батый не принимает непосредственного участия в расправе над «благоверными мучениками»: в ред. Р. приказ о «мучениях» князя и его боярина отдает Елдега. А в ред. А. и ПП. Батый предлагает им на выбор: поклонение языческим божествам и «славу света сего» или же мученическую гибель. Таким образом, святые, строго говоря, сами избирают путь мученичества³⁴. Саму же расправу чинят безымянные «убийцы», среди которых главную роль играет «преже христианин», который «последи отвержесе веры христианская», «законопреступник погань именем Домань»³⁵. В подобной остранинности хана по отношению к явно неблаговидному поступку – убийству князя-мученика – ряд исследователей видит позицию церкви, которая в этот период «стремится всячески обелить золотоордынских ханов в момент “мученического подвига” святых князей»³⁶.

Рассматриваемые редакции Повести содержат лишь единичные, при этом косвенные, выпады против татар. Так, в ред. Р. говорится о том, что своей гибелью Михаил «веру их (татар. – В. Р.) укори». В молитве, которой завершается рассказ о благоверном князе, автор просит заступничества святого для того, чтобы «от нужи сея поганых избавита»³⁷. Судя по всему, этот пассаж свидетельствует о понимании книжником временного характера владычества ордынцев: избавление от господства «поганых» он видит, с одной стороны, в морально-нравственном исправлении Руси, с другой стороны, в заступничестве святых мучеников. В ред. А. и ПП. в рассказе

³⁴ «Героический ореол агнографических мучеников определяется именно тем, что, имея возможность выбора между жизнью и смертью, они предпочитают мученическую смерть жизни, купленной ценой отступничества». См.: *Куприянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976. С. 67. Ср.: «у Михаила Всеслодовича Черниговского, как и у всех других погибших князей, возможности выбора не было, судьба его в Орде была предрешена. “Возможность выбора” создают сами авторы в своих произведениях, так как у борющегося народа возрастает потребность в героическом. Этот элемент (“возможность выбора”) становится одним из важных жанрообразующих элементов повестей о героях-мучениках, отличающих подобные повести от житий, от повестей о княжеских преступлениях». См.: *Пак Н. И.* Некоторые исторические замечания к летописной «Повести о Михаиле Черниговском» // *Литература Древней Руси.* М., 1981. С. 61.

³⁵ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 51, 57–58, 66–67.

³⁶ См.: *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 77.

³⁷ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 51. См.: *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго... С. 29.

о посмертных чудесах на месте гибели святых тема «заступничества» великомучеников находит свое развитие: в частности, упоминается «столпъ огненъ», явившийся «на оутвержение христаномъ, а на обличение темъ, иже оставиша Бога, и поклоняются твари, и на оустрашение поганымъ»³⁸.

В своем восприятии монголо-татар авторы трех исследованных редакций «Повести о Михаиле Черниговском» в значительной мере не оригинальны: «поганые» наделены традиционными чертами «нечистых народов», приходящих на земли «за грехи людские»; татары лъстивы, коварны, жестоки и т.д. Однако авторы Повести стремились осмыслить монголо-татар уже не как единое целое, а как разнородный феномен, состоящий из «поганых» в целом и их отдельных представителей в частности. Особое внимание книжники уделяли проблеме ханской власти на Руси. Власть ордынского правителя не подвергается сомнению, эта власть над русскими землями дана «цесарю и кану» «от Бога»; ей – этой власти – следует подчиняться в той мере, в какой она касается дел земных. Там же, где стремление человека к «венцам нетленным» входит в противоречие с приказами и «обольщениями» «царя», следует, по мнению древнерусских писателей, предпочесть мученическую гибель нарушению христианского долга. Именно так поступают черниговский князь Михаил Всеславович и его боярин Феодор, именно к таким поступкам призывают читателей авторы исследуемых житийных текстов.

Монголо-татары в «Повести о Михаиле Тверском»

«Повесть о Михаиле Тверском», которая, по мнению Н. И. Сребрянского, «должна быть признана одним из лучших памятников древнерусской агиографии»³⁹, дошла до нас как в составе летописных памятников, так и в составе рукописных сборников.

Существуют две ветви русского летописания, в которых сохранилась Повесть. Первая – т.п. митрополичье-московская или просто московская – представлена С1 и близкими к ней летописями. Вторая ветвь – тверская – в чистом виде не сохранилась и дошла до нас «в урезанном и фрагментарном виде». Текст памятника, относящийся ко второй ветви, лучше всего читается в составе Рогожского летописца (*далее* – Рог.) и близких к нему памятников⁴⁰. Как показал В. А. Кучкин, «в составе обеих редакций (мос-

³⁸ Сребрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития... С. 58, 68.

³⁹ По мнению исследователя, «по точности и обстоятельности рассказа это тверское сочинение можно поставить выше даже сказаний о мученической кончине Михаила Черниговского». См.: Сребрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития... С. 253.

⁴⁰ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском (историко-текстологическое исследование). М., 1974. С. 75–82, 119–123.

ковской и тверской. – В. Р.) лежит один и тот же текст. Он сильно сокращен в тверском варианте Повести, а в С1 передан более полно»⁴¹. Сходство указанных вариантов Повести объясняется восхождением и той, и другой летописных ветвей к недошедшему «обширному тверскому «Своду 1409 года», где была помещена Повесть о Михаиле»⁴². Развитие двух вариантов Повести долгое время происходило параллельно и независимо друг от друга. Соединение же произошло лишь в конце 20-х – начале 30-х годов XVI века, «когда составители грандиозного Никоновского свода использовали как тверскую, так и московскую летописные переработки памятника»⁴³.

Из пяти редакций Повести, сохранившихся в составе древнерусских сборников, самой старшей считается т.н. Пространная редакция памятника (далее – Пр.), дошедшая в девяти списках⁴⁴. Как показал В. А. Кучкин, Пространная редакция Повести «оказывается древнейшим сохранившимся памятником о смерти в Орде Михаила Тверского»: обе летописные редакции восходят к тексту Пр.⁴⁵ Составителем Пр., судя по всему, был современник и даже очевидец событий, произошедших в Орде в 1318 году, который на основе личных впечатлений описал гибель великого князя⁴⁶. В. А. Кучкин показал, что автором Повести, скорее всего, был игумен Тверского Отроча монастыря Александр. Составление памятника исследователь относит к концу 1319 – началу 1320 года⁴⁷. По мнению Б. М. Клосса, памятник мог возникнуть чуть позже – в 1322–1327 годах⁴⁸.

Среди литературных памятников, оказавших влияние на «Повесть о Михаиле Тверском», следует отметить «Повесть о Михаиле и Федоре Черниговских». Несмотря на то что сходство между двумя памятниками, посвященными описанию гибели русского князя в Орде, объясняется скорее схожестью «реальной ситуации», легкой в основу произведений, неже-

⁴¹ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. С. 128.

⁴² Там же. С. 131, 153.

⁴³ Там же. С. 154.

⁴⁴ Там же. С. 156–168. В. А. Кучкин исследовал семь известных ему списков Пространной редакции Повести. Новейшая исследовательница Н. И. Пак обнаружила восьмой список произведения, Б. М. Клосс – девятый. См.: Пак Н. И. Новый список Повести о Михаиле Тверском и службы ему // Литература Древней Руси. М., 1986. С. 62–65; Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. М., 1998. С. 175–188.

⁴⁵ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском... С. 222–224.

⁴⁶ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (репринтное издание – М., 1988). С. 72; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития... С. 250; Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском... С. 225.

⁴⁷ См. подр.: Там же. С. 232–235.

⁴⁸ Клосс Б. М. Избранные труды... С. 176. Новейшая исследовательница памятника – Е. Л. Конявская – считает датировку, предложенную В. А. Кучкиным, более убедительной. См.: Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007. С. 30–31.

ли «литературной композицией»), отдельные места «Повести о Михаиле Тверском» написаны «безусловно под влиянием произведения о Михаиле Черниговском»⁴⁹. Однако, несмотря на известное сходство, памятники существенно отличаются и в трактовке поведения князей-великомучеников, и в оценках монголо-татар, выступавших в роли «мучителей» святых. Если в рассказе о гибели черниговского князя и его боярина главные герои произведения рассматриваются просто как мученики за веру, то в «Повести о Михаиле Тверском», по мнению исследователей, автор произведения активно стремился вскрыть также и политическую подоплеку произошедших в Орде трагических событий⁵⁰.

* * *

Особенности восприятия монголо-татар в «Повести о Михаиле Тверском» были обусловлены, во-первых, достаточно резкими антиордынскими настроениями, преобладавшими в Тверском княжестве в период правления Михаила Ярославича и его присмнников, а во-вторых, той напряженной духовной работой, которая велась в Твери в рассматриваемый период и была направлена на осмысление роли этого княжества как центра русских земель⁵¹.

Составитель Повести в полном соответствии со «вкусами эпохи» рассматривал происходящее в непосредственной связи с бытовавшими представлениями о наступлении эсхатологических времен. Действительно, современные для автора Повести события, связанные с гибелью Михаила Тверского, по его мнению, происходят в «последние времена». Однако, согласно представлениям книжника, наступление «последних времен» началось уже сравнительно давно – либо с Рождества Христова, либо с принятия христианства на Руси («в последняя бо лета Господь наш Иисус Христос, Слово Божие, родися от Пречистыя Девы Мария Богородица и прият страсть, исправляя падение рода нашего...»), «Господь... нача пос-

⁴⁹ В. А. Кучкин не согласился с точкой зрения Н. И. Сербрянского, полагавшего, что Повесть о Михаиле Тверском – «сочинение не вполне оригинальное», созданное «под несомненным влиянием сказаний о мученической гибели Михаила Черниговского». Ср.: *Сербрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития...* С. 250; *Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском...* С. 239. См. также: *Пак Н. И. Стилевое своеобразие...* С. 155–170.

⁵⁰ И. У. Будовниц, на наш взгляд не вполне обоснованно, полагал даже, что автор, «оттеняя исключительно политическую сторону дела, нисколько не пытался приписать Михаилу Ярославичу каких-либо черт защитника православной веры». См.: *Будовниц И. У. Общеественно-политическая мысль Древней Руси. XI–XIV вв. М. Л., 1960. С. 376; Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском...* С. 247–248; *Он же. Монголо-татарское иго...* С. 54. Ср.: *Конявская Е. Л. Очерки...* С. 39–40.

⁵¹ *Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском...* С. 252–254, 261–262. См. также: *Лурье Я. С. Общерусские летописи...* С. 35.

ледный век, яви благодать Свою на русском языке: приведе великого князя Владимира русскаго въ крещение...»), но пока еще не завершилось («как во въспишу от многа мало... о конечной страсти блаженного Христова воина, великого князя Михаила Ярославича, еже сътворися в *последняя времена в дни наша*»)». Исходя из заявленной в преамбуле концепции наступивших «последних времен», автор Повести и строит свой рассказ о событиях, связанных с нашествием и установлением власти монголо-татар на Руси, а также о той политической интриге, которая привела к гибели великого князя.

Рассказ о мученическом подвиге Михаила Тверского составитель Повести начинает издалека – со времен крещения Руси. Это своего рода историософский экскурс, который позволяет древнерусскому писателю более широко взглянуть на произошедшее, рассмотреть подвиг князя в более общем контексте. Благодать, снизошедшая на Русскую землю, по словам книжника, вызвала «веселие и радость в новопросвещенных людех», и «точию един *дьявол сетовашеся*», поскольку оказался «побеждаем» христианами. «Сего не терпя враг душ наших, опрометашеся *льстивый*, како бы съвратити с правого пути их», и решает «вложить в сердце их» пороки: «зависть, ненависть, братоубийство». Люди поддаются проискам «лукавого», и «нача въсхитити и имения сын подо отцем, брат менший под старейшим братом; умножися неправда и злоба многа в человецех, и предашеся в слабость *света сего скороминующего*». Господь же, «не терпя видети погибающа от дьявола род нашъ», насыляет казни, «хотя нас обратити от злоб наших». Среди посланных на Русь «казней Божиих» (таких, как «овогда глад, овогда смерть в человецех и скотех») книжник особо выделяет «*конечную пагубу*», которой карает Господь православных христиан: «*преда нас в руце измаилтяном*»⁵².

«Измаилтяне» – монголо-татары – под пером составителя Повести получают достаточно негативные наименования. Они – «*беззаконные*», «*нечестивые*» и «*поганые*»; попавшие в плен русские оказываются в «*скверных поганьских руках*» и т.д. Однако характеристика монголо-татар в Повести строится не столько на употреблении по отношению к ним тех или иных

⁵² Охотникова В. И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 17–18. Здесь и далее ссылки на опубликованный список Пр. – список Першина. Из девяти известных науке списков Пр. тексты списков основного (ОР РГБ. Ф. 310. № 1254) и Першина (Древнехранилище ИРЛИ РАН, колл. М. Ф. Першина, № 7) восходят к общему протографу и содержат более ранние чтения. См.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском... С. 157–158. Критическое издание памятника – по семи спискам XVI–XVII вв. осуществил В. А. Кучкин. См.: Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 116–163.

⁵³ Охотникова В. И. Пространная редакция... С. 18.

эпитетов, сколько на описании качеств «поганых», проявляемых ими в ходе расправы над святым князем.

Произошедшее нашествие монголо-татар составитель Повести называет «*великое, жестокое пленение Русское*». Книжник выделяет наиболее болезненные для Руси стороны ордынского владычества – это взимание дани («начахом *дань даяти по татарьскому языку*») и «обычай» получать великое княжение в Орде («егда коему князем нашим доставашеся великое княжение, хожаше князи русстии въ Орду къ цареви, носящи множество имения своего»); Михаил «пойде въ Орду къ царю, яко же преже бывшую его князи имаху *обычай тамо взимати княжение великое*»⁵⁴.

Заканчивая свой историософский экскурс рассказом о проявлениях ордынского господства на Руси, автор Повести переходит собственно к описанию событий 1318 года.

Причины произошедшей в Орде трагедии для книжника очевидны. Первоисточник всех бед – *дьявол*, который «не хотяше добра роду крестьянскому», «*вложи в сердце князем татарьским свадиша братию*». Дьявол «желает кровопролития»: как только между князьями установится мир, «враг дьявол паки рать въздвизаше» и т.д. Однако и сами «татарские князья», татары не пассивные орудия в руках «лукавого»: они готовы поучаствовать в дьявольских происках и кознях, поскольку «*обычай бе поганых, и до сего дни – вmeshущу вражду между братьею, князи русскими, себе многия дары взимают*»⁵⁵. Автор неоднократно подчеркивает *корыстолюбие* татар: «безаконнии измаилтяне, не сыти суще *мздоимства*, его же ради желааше, вземше многое серебро»⁵⁶. Поэтому *татары, руководствуясь, с одной стороны, наущением дьявольским, а с другой стороны, собственным корыстолюбием*, требуют от князя Юрия дать «выход болши князя Михаила», чтобы тем самым снискать себе великое княжение.

Помимо корыстолюбия, одними из важнейших черт монголо-татар являются «*леть*», *стремление к «обольщению» и лжи*, а также *злоба*. Интересно, что перечисленные качества, хотя, как ясно из контекста, принадлежат всем «поганым», воплощаются в Повести главным образом в фигуре Кавгадыя – «единого от князей татарских». Важно отметить, что, будучи «мучителем» благоверного князя, Кавгадый «вобрал» в себя черты не только «религиозного» врага – гонителя святого, но и черты конкретного неприятеля – «татарского князя», татарина. Очевидно, что Кавгадый – собирательный образ, вместивший в себе большинство черт «беззаконных»;

⁵⁴ Охотникова В. И. Пространная редакция... С. 18.

⁵⁵ Там же. С. 18–19.

⁵⁶ Там же. С. 19.

он – олицетворенное зло, подлость, хитрость и коварство – главный враг Михаила Ярославича⁵⁷.

Кавгадый неоднократно называется в Повести «беззаконным», «треклятым», «окаянным», «нечестивым», «кровопийцей». Он вместе «со множеством татар, и бесермен, и мордвы» «начаша жеещи города и села», «мужи мучиша различными ранами и муками и смерти предаяху, а жены их оскверниша, и пожгоша всю волость тверскую...»⁵⁸. «Окаянный Кавгадый», потерпевший поражение от великого князя, в ответ на дары и почести Михаила начинает действовать «лестью». Написав «много лжа», Кавгадый «свидетельства на блаженнаго Михаила». Являясь одновременно и судьей, и «лживым послухом», он осуществляет суд над святым мучеником⁵⁹.

«Почто хвалиши о злобе своей, беззаконный же Ковгадый, злая мысль на мя по вся дни? – вопрошает Михаил. – Язык твой, яко бритву изоощрену, сътворил еси леть, възлюбил еси злобу, паче добра, забыл еси многих моих даров, глагола еси неправду...»⁶⁰ Действительно, «поганый» не только не помнит добра, он еще стремится всячески унижить князя, «величаюся властью над преподобным»: приводит его «в торг», заставляя «поставити святого на колену пред собою»⁶¹. Названный «нечестивым» Кавгадый, помимо прочих, обладает еще одним качеством, свойственным «нечестивым» вообще: он имеет «яд аспида под устами своими»⁶².

Под стать Кавгадыю и остальные ордынские князья: «все князи ордынские», которым вместе с Кавгадыем «царь» поручил осуществлять суд над Михаилом Ярославичем, начинают действовать против святого «съ многим замышлением»⁶³. Тверскому князю приходится безуспешно обличать их «лживое свидетельство». Об ордынских князьях, исполняющих функции судей над Михаилом, книжник говорит словами из пророчества Исаии: «поставлю властеля, ругателя их и судию, немилующа их»⁶⁴. От «нечестивых» ордынских князей «изыде повеление беззаконно», они выносят праведнику «неправедное осуждение», поскольку их «ослепляет злоба («ослепи бо их злоба их»)»⁶⁵.

⁵⁷ Пак Н. И. Стилевое своеобразие... С. 167–168. См. также: Конявская Е. Л. Очерки... С. 35–38.

⁵⁸ Охотникова В. И. Пространная редакция... С. 19.

⁵⁹ Там же. С. 21–22.

⁶⁰ Там же. С. 23.

⁶¹ Там же. С. 24.

⁶² Там же. С. 24. Ср.: «изоощряют язык свой, как змея; яд аспида под устами их. Соблюди меня, Господи, от рук нечестивого...» (Пс. 139: 4–5).

⁶³ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском... С. 250.

⁶⁴ Охотникова В. И. Пространная редакция... С. 22. См. подр.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском... С. 250.

⁶⁵ Охотникова В. И. Пространная редакция... С. 22.

Отношение к ордынской власти вообще и персонально к одному из действующих лиц Повести – хану Узбеку в частности также явилось для древнерусского книжника предметом рефлексии.

Власть хана Узбека над Русью в изображении тверского книжника оказывалась сопоставимой с властью римского императора Тита над Иерусалимом и сотника Фоки Каппадокийца над Константинополем: «егда бо Господь Титу предасть Иерусалим, не Тита любя, но Иерусалим казня. И паки, егда Фоце преда Царьград, не Фоцу любя, но Царьград казня за людские прегрешения. Еже и си нас деля бысть за наша согрешения»⁶⁶. По мнению В. А. Кучкина, в указанном пассаже автор Повести «давал понять, что ордынское засилье не вечно, ведь Фока Капподиец сумел продержаться на императорском троне только восемь лет». Условием, при котором власть ордынских «царей» на Руси может прекратиться, по мнению исследователя, тверской книжник считал духовное исправление русских людей от «грехов», среди которых немаловажное место занимали распри между князьями. Таким образом, пишет В. А. Кучкин, «под религиозной оболочкой у автора Повести о Михаиле Тверском обнаруживается весьма трезвая политическая мысль: борьба с татаро-монгольским игом может быть успешной только в том случае, если прекратятся усобицы на Руси»⁶⁷.

В целом, соглашаясь с оценкой, данной В. А. Кучкиным, следует уточнить, что осознание власти ордынских ханов как временного явления вытекало не только из надежд книжника на возможное исправление соотечественников от «грехов». Более важным обстоятельством для него, судя по всему, являлось осознание *статуса самой Руси*. Не случайно, по-видимому, в Повести Русь помещается в один ряд с Иерусалимом и Константинополем. Возможность избавления от ига, по мысли автора Повести, была связана с той ролью, которая Русь должна была играть в качестве страны, на которую через обряд крещения снизошла «благодать Божия».

В Повести отмечается конфессиональная принадлежность Узбека: хан принял «мерьскую веру срацинскую». С этим фактором, по мнению книжника, связано то, что Бог руками «поганных» «начаша не щадити рода крестьяньска»⁶⁸. Помимо приведенных выше, хан не получает каких-либо негативных эпитетов, однако, косвенно, при помощи цитаты из Священного Писания, книжник сравнивает ордынского «царя» с «царем немилостивым, законопреступным, лукавейшим паче вся земля». В. А. Кучкин, подробно исследовавший характеристики хана в Повести, обнаружил, что приведенная цитата не совсем точно передает текст Книги пророка Даниила:

⁶⁶ Охотникова В. И. Пространная редакция... С. 19.

⁶⁷ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском... С. 254–255; *Он же*. Монголо-татарское иго... С. 54.

⁶⁸ Охотникова В. И. Пространная редакция... С. 19.

оказывается, ни один из трех славянских переводов, ни греческие изводы текста пророчества не содержали характеристики фигурировавшего там халдейского царя Навуходоносора как «законопреступного»⁶⁹. «Становится очевидным», пишет исследователь, что указанное слово было вставлено в текст «самим автором Повести о Михаиле для усиления отрицательной характеристики Узбека. Отзыв об ордынском хане как “законопреступном” логически вытекает из представлений тверского книжника о незаконности, неправомочности суда над Михаилом и судебных решений, которые утвердил Узбек» (курсив наш. – В. Р.)⁷⁰.

Несомненна новизна восприятия книжником власти ордынского «царя»: в Повести впервые в древнерусской литературе появляется столь смелая оценка хана. Однако вместе с тем нельзя переоценивать масштаб и глубину антиордынских настроений книжника. Совершенно прав В. А. Кучкин, который объясняет подобную позицию тверского писателя возмущением по совершенно конкретному поводу, возмущением, вызванным незаконностью решений Узбека во время суда над Михаилом, а вовсе не общей антиордынской идеологией книжника, якобы подвергающего сомнению легитимность самой ханской власти на Руси⁷¹.

Автор Повести, судя по всему, воспринимал в качестве «законопреступных» именно решения хана, а не саму его власть. Более того, в Повести неоднократно упоминаются *поступки «царя», направленные как раз на недопущение произвола татар в отношении русских земель и самого великого князя Михаила*. Так, союзник побежденного тверским князем Юрия Московского Кавгадый просит Михаила Ярославича «не вадити къ цареви», поскольку он – Кавгадый – разорял русские земли без ведома хана («зانه же воевал есми волость твою без царева повеления») ⁷². Узбек, приглашая Михаила в свою ставку, «дасть ему пристава, не дадуце его никому же обидети» ⁷³. Хан также призывает своих «князей» решить тяжбу между Юрием и Михаилом по справедливости. «Что ми есте молвили на князя Михаила? – вопрошаст Узбек. – Сотворита има суд съ князем Юрием, да которого сотворите вправду, того хочю жаловати, а виноватого казни предати» ⁷⁴. И хотя воле «царя» не суждено было сбыться, в позиции книжника

⁶⁹ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском... С. 251–252.

⁷⁰ Там же. С. 252.

⁷¹ А. А. Горский также полагает, что использованные в отношении хана Узбека эпитеты – «беззаконный» и «законопреступный» – «достаточно мягкие, всего лишь констатирующие, что Узбек (сделавший государственной религией в Орде мусульманство) не знает истинного Закона, т.е. не является христианским «царем». См.: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 89.

⁷² Охотникова В. И. Пространная редакция... С. 20.

⁷³ Там же. С. 21.

⁷⁴ Там же. С. 22.

просматривается скорее досада на хана, который не смог совершить справедливое разбирательство в споре между русскими князьями, нежели неприятие прерогативы «царя» вершить подобный суд. В сентенциях автора («не веси океанне (имеется в виду Узбек. – В. Р.), аже ся своею казнию исплел еси ему (Михаилу. – В. Р.) венец пресветел» и т.п.), в которых он осуждает действия «царя», чувствуется именно разочарование по поводу того, что судебный процесс, затеваемый как тяжба между правым и виноватым, окончился «лживыми» обвинениями в адрес ни в чем не повинного перед «царем» Михаила.

Важно отметить, что наряду с шаблонными характеристиками «измаилтян» в Повести проглядывают и оригинальные впечатления тверского книжника, которые, с одной стороны, могли быть вынесены им из личных встреч с татарами, а с другой стороны, скорее всего, были продиктованы художественным замыслом произведения. «Поганые», оказывается, «неправедны» и «беззаконы» не вообще, а лишь в отношении покоренной ими страны – Руси. Их злоба не простирается на все, они злы лишь по отношению к тем русским, которые *«не последуют правом»* их; они лгут и лжесвидетельствуют, перечисляя «многозамышленные вины», только в отношении Михаила Тверского, *«свою страну»* они при этом *«оправдывают»*⁷⁵.

Даже отрицательный персонаж произведения – Кавгадый – также оказывается способным на рефлексию по вопросам морально-нравственной проблематики. Именно в его уста автор Повести вкладывает сентенцию, обращенную в первую очередь к московскому князю Юрию Даниловичу. Подъехав к телу убитого тверского князя и «видеша тело святого наго», Кавгадый, *«браняшася и съ яростию»* обращается к Юрию: «не отец ли сей тебе бьшет князь великий? Да чему тако лежит тело наго повержено?» Лишь после приведенной реплики «поганого» православный князь Юрий «повеле своим покрытии» тело убитого Михаила⁷⁶. Таким образом, фразой, вложенной в уста «печетивого» Кавгадыя, автор Повести осуждает поступок Юрия, спровоцировавшего гибель Михаила Ярославича в Орде: для древнерусского книжника очевидно, что осуждение из уст «поганого» сильнес. Однако сам факт того, что «поганый» в Повести хотя бы однажды «размышляет» о должном и недолжном, сопоставляет поступок своего политического партнера с морально-нравственными нормами, свидетельствует о начавшемся процессе *«очеловечивания» образа монголо-татар* в литературе.

В Повести почти незримо, но все-таки присутствует нейтральный или даже положительный образ «из стана» ордынцев. Это – *«царица»*, супруга

⁷⁵ Охотникова В. И. Пространная редакция... С. 22.

⁷⁶ Там же. С. 26.

хана Узбека. Она дважды мельком появляется в произведении, каждый раз спасая русских от татарских злодеяний. К ней накануне своей гибели отправляет своего сына Константина Михаил Ярославич Тверской. К ней же бежит та часть княжеской дружины, которой удалось спастись от «рук поганых» – «иже дръзнуша, убежаша въ Орду къ царице» (остальные, сообщает книжник, не спасшись таким образом, попали в руки татарам, которые «утвердиша их въ оковах» и «прельстиша» их «*суетьными мира сего и века скороминующаго*»)⁷⁷.

На фоне тех в высшей степени нелестных характеристик, которые дает тверской книжник «ордынским князьям», Кавгадью и «самому царю», его отношение к «царице» явно доброжелательное. Возможно, это результат личной симпатии предполагаемого автора Повести игумена Александра, убедившегося во время путешествия в Орду в лояльности «царицы» по отношению к русским. В любом случае образ спасающей русских «царицы» более чем оригинален в литературе рассматриваемого периода: описывая мученическую гибель своего князя от рук татар, стараясь всячески обличить их злодеяния, автор Повести все-таки не уклонился и от введения в рассказ упоминаний о «царице». Подобный прием книжника скорее уводил его в сторону от стержневой линии повествования, нежели дополнял переданные им впечатления о сущности и нравах «поганых». И тем не менее стремление более реалистично изобразить происходившие в Орде события подвигли тверского книжника на такой, явно новаторский, сюжетный ход.

Следует отметить, что, пожалуй, лишь в «Повести о Петре, царевиче ордынском» – памятнике, возникшем не ранее XV века и посвященном вовсе не обличению монголо-татарских завоевателей, – встречаются положительные, еще более развернутые характеристики монголо-татарских правителей; в предшествующей литературе мы практически не находим подобных образов.

Эволюция образа завоевателей от шаблонного – «нечестивые человеки» (пришедшие в «последние времена» «за грехи наши» в качестве «казней Господних» «во исправление Руси») – в сторону более очеловеченного, более реалистичного, включающего в себя и отрицательные, и нейтральные, и даже некоторые положительные характеристики, судя по всему, впервые столь ярко проявилась именно в рассматриваемом произведении древнерусской литературы.

Вместе с тем в Повести мы наблюдаем и начавшуюся трансформацию самого стереотипа восприятия «поганых». Если в ранних памятниках участие дьявола на стороне татар практически не подчеркивалось – об

⁷⁷ Охотникова В. И. Пространная редакция... С. 25–26.

этом как бы «не знали», то начиная с «Повести о Михаиле Тверском» данная тенденция набирает все большую силу. Если в ранних памятниках в рассуждениях о причинах нашествия и господства «поганых» акцент делался на «попущении Божиим за грехи наши», то в последующей традиции наряду с этим все чаще упоминается «супостат наш дьявол», вечно вредящий христианам, исполненный гнева на православных, желающий им «погибели» и насылающий в качестве таковой «нечестивых» на Русскую землю⁷⁸.

Изменяются в Повести и оценки золотоордынского хана (автор не боится подвергать осуждению «самого царя» – верховного сюзерена подчиненных Орде русских земель), и оценки возможностей прекращения ига: в рассказе о победе Михаила Тверского над объединенной ратью Юрия Московского и Кавгады содержится намек (через сравнения с историческими персонажами) на недолговечность власти «царя ордынского» над Русью.

* * *

Житийные повести о князьях, убиенных в Орде, отличаются от повествований, посвященных воинским сюжетам, главным образом тем пристальным вниманием, с которым книжники обращаются к описанию *поступков мучителей* святых князей. Наряду с традиционным для литературы исследуемого периода восприятием ордынцев как орудия «казни», ниспосланной «свыше» «за грехи христианские», монголо-татары рассматриваются в качестве активно действующей силы зла. Из общей массы «поганых» книжники выделяют отдельных представителей «нечестивых» татар, вобравших в себя, по мнению авторов Повестей, наиболее типичные черты завоевателей.

Особое внимание уделяется феномену ордынской власти на Руси: указанная проблема, будучи напрямую связанной с нормами средневекового социального этикета, решается книжниками в рамках традиционной для эпохи формулы – «власть на земле от Бога». Ордынский «царь», таким образом, безоговорочно признается верховным сюзереном русских земель, что, правда, не лишает книжников возможности подвергать те или иные его действия жесткой критике или даже осуждению.

На фоне явно осуждающих сентенций писателей в отношении «безбожных измаилтян» особый интерес вызывают нейтральные, а иногда даже положительные характеристики тех или иных персонажей «из стана» мон-

⁷⁸ Ср. мнение В. А. Кучкина относительно причин нашествия татар в понимании автора Повести о Михаиле Тверском: «Сам факт подпадения Руси под иноземную власть отроцкий игумен объяснял происками дьявола, старавшегося отомстить древнерусским людям за принятие ими христианства». См.: *Кучкин В. А. Монголо-татарское иго... С. 51.*

голо-татар. Судя по всему, за этим проглядывается стремление древнерусских авторов выйти за рамки средневековой шаблонности восприятия более широко, более многомерно представить монголо-татар своим читателям.

Выбор между «славой века скороминующего» и «венцами нетленными» – одна из ключевых морально-нравственных проблем, решаемых на страницах княжеских житий. Мученическая гибель как гарантия обретения посмертного воздаяния предпочтительнее для книжника, нежели стремление героев к «земным благам». Избравшие путь земного спасения осуждаются авторами произведений об убиенных в Орде князьях. Их идеал – мученики за веру. Вряд ли можно согласиться с мнением Н. И. Пак, полагающей, что в княжеских житиях находит свое отражение «национально-историческая потребность вступить на путь борьбы с завосвателями, дать русским людям образцы мужества»⁷⁹. Князья, о которых повествуют древнерусские писатели (в особенности Михаил Черниговский, первоначально убжавший от нашествия «поганых» «в угры»), не отличаются каким-либо особым ратным мужеством, «их подвиг не представляет никакой “воснной угрозы” золотоордынским ханам»⁸⁰.

Подвиг князей отнюдь не ратный, это подвиг духовный. Книжники – авторы житийных текстов – судя по всему, были далеки от мысли призывать русских людей к объединению своих сил для отпора «поганым». Как заметил А. С. Хорошев, среди причисленных к лику святых князей большинство составляют именно мученики за веру, а не князья-воины: «покаяние, смирение и покорность, – пишет исследователь, – вот основная идея политической канонизации XIII – нач. XIV вв.»⁸¹

⁷⁹ Пак Н. И. Повесть о Михаиле Черниговском... С. 6.

⁸⁰ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации... С. 77.

⁸¹ Там же. С. 76, 78.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОСПРИЯТИЕ МОНГОЛО-ТАТАР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XIV–XV ВЕКА

ОЧЕРК ПЯТЫЙ

Ордынцы в произведениях «куликовского цикла»

Осмысление Куликовской битвы стало одним из важнейших факторов русского общественного сознания. На протяжении многих десятилетий средневековые авторы возвращались к теме Мамасва побоища, с каждым разом пытаясь как можно подробнее рассказать о событиях 1380 года и по-своему объяснить характер произошедшего, дать оценки участникам Куликовской битвы и понять причины случившегося, определить значение русской победы над ордынцами и дальнейшие перспективы Руси. Отношение к победе Дмитрия Донского над Мамаем как к событию неординарному, в высшей степени знаменательному и предопределило интерес книжников (и их читателей) к сюжетам, связанным с разгромом монголо-татар на Куликовом поле. Проявлением такой заинтересованности стало появление многочисленных литературных откликов на произошедшее событие. Возникшие в разное время, в разных обстоятельствах, имевшие разные литературные судьбы «Задонщина», летописные повести, многочисленные редакции «Сказания о Мамасвом побоище» и составили т.н. «куликовский цикл».

Литературная история памятников «куликовского цикла»

Литературная история памятников «куликовского цикла» долгое время привлекает пристальное внимание исследователей. Однако сложный, подчас запутанный характер взаимоотношений текстов в большинстве случаев не позволяет прийти к однозначным заключениям как относительно тех или иных этапов истории текстов, так и относительно времени появления отдельных памятников цикла.

Наибольшие споры в науке вызывает литературная история поэтической «Задонщины». Она дошла в шести списках, однако только в двух из них текст произведения читается в полном виде¹.

¹ Списки Ундольского (*далее* – У) и Синодальный (*далее* – С) – оба XVII века – «пестрят ошибками и искажениями». В списках Ждановском (*далее* – Ж), Историческом

По мнению исследователей, «текст “Задонщины” по всем спискам неустойчив, в каждом списке имеются индивидуальные, довольно существенные отличия, которые во многих случаях не позволяют решить вопрос, какой же текст был в их общем оригинале»². В науке нет единого мнения относительно того, какой из дошедших вариантов «Задонщины» лучше всего передает первоначальный вид произведения. Согласно одной точке зрения, первоначальный текст отразился в самом раннем – Кирилло-Белозерском – списке, тогда как остальные списки относятся к поздней, пространной редакции памятника³. Как полагают другие исследователи, первоначальный вид произведения, наоборот, лучше передают пространные списки, краткий же Кирилло-Белозерский вариант явился всего лишь сокращением одного из пространных списков «Задонщины»⁴.

В самой «Задонщине» или в каких-либо иных источниках информация о времени появления памятника отсутствует. Датировка произведения чаще всего опирается либо на содержащуюся в тексте информацию о тех или иных топонимах⁵, либо на анализ т.н. «художественного свособразия»

первом (*далее* – И-1), Историческом втором (*далее* – И-2) текст дефектный. Список Кирилло-Белозерский (*далее* – К-Б) – самый ранний из всех (70–90-е годы XV века) – передает только половину текста. См. подр.: *Дмитриев Л. А.* Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 307–309.

² См. подр.: *Дмитриева П. П.* Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 199–263; *Она же.* Об авторе «Задонщины» // Сказания и повести... С. 360. См. также: Там же. С. 371. Ср.: *Адрианова-Перетц В. П.* Задонщина (Опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948. С. 222.

³ См., напр.: *Зимиц А. А.* Две редакции «Задонщины» // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 24. Вып. 2. М., 1966. С. 17–54; *Он же.* Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // РЛ. 1967. № 1. С. 84–104; *Он же.* Когда было написано «Слово»? // ВЛ. 1967. № 3. С. 141; *Он же.* «Слово о полку Игореве». СПб., 2006. С. 14–104. С мнением А. А. Зимица согласен А. И. Плигузов (см.: *Плигузов А. И.* (Комментарии) // Живая вода Непрядвы. М., 1988. С. 622).

⁴ См., напр.: *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла... С. 292–312; *Дмитриева П. П.* Взаимоотношение списков... С. 263; *Она же.* Некоторые итоги изучения текстологии «Задонщины» // РЛ. 1976. № 2. С. 87–91; *Дмитриев Л. А.* Литературная история... С. 307; *Горский А. А.* Историко-поэтическая концепция «Задонщины» // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X – нач. XX вв.: Сб. научных трудов. Вып. 1. М., 1990. С. 83, 88.

⁵ См., напр.: *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва XII–XV вв. М., 1947. С. 202–203; *Моисеева Г. Н.* К вопросу о датировке «Задонщины» (Наблюдения над пражским списком «Сказания о Мамаевом побоище») // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 224–227; *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 7; *Он же.* К датировке «Задонщины» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 113–121. Ср.: *Плигузов А. И.* (Комментарии). С. 621–622; *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 27.

произведения⁶, либо на гипотетически выявляемые летописные источники «Задонщины»⁷.

Разброс мнений относительно того, когда и в каких условиях мог появиться этот «поэтический отклик на события Куликовской битвы», достаточно велик. Часть исследователей полагает, что время составления «Задонщины» следует относить к концу 80-х годов XIV века, т.е. к ближайшему по отношению к описываемым в памятнике событиям времени⁸. Согласно другой точке зрения, возможность создания произведения «по горячим следам» сомнительна, что побуждает отодвинуть датировку памятника вплоть до середины – второй половины XV века, т.е. до времени, когда появился дошедший до нас Кирилло-Белозерский список «Задонщины»⁹.

Впрочем, датировки, базирующиеся на тезисе о синхронности появления «Задонщины» времени существования упомянутых в тексте топонимов – городов Тырнов и Ургенч, которые были разрушены в конце XIV века (о них автор памятника говорит как о существующих), вряд ли могут быть признаны решающими. Дело в том что автор памятника действительно *мог знать* о разрушении указанных городов. Но при этом *мог упомянуть*

⁶ См., напр.: *Назаревский А. А.* «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 575; *Соловьев А. В.* Автор «Задонщины» и его политические идеи // Там же. Т. 14. М.; Л., 1958. С. 188; *Ржигза В. Ф.* Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV века // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 397 и др. Указанный способ датировки произведения древнерусской литературы нельзя считать самостоятельным; он применим лишь в сочетании с данными текстологического и фактологического анализа памятников. См.: *Салмина М. А.* Еще раз о датировке «Летописной Повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 31.

⁷ См., напр.: *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 84–134; *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910. С. 180–181; *Салмина М. А.* «Летописная Повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла... С. 376–383.

⁸ См. напр.: *Тихмиров М. Н.* Древняя Москва... С. 202–203; *Соловьев А. В.* Автор «Задонщины»... С. 186; *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы... С. 221; *Лихачев Д. С.* Черты подражательности «Задонщины» (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // Д. С. Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 288–317; *Он же.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси // Д. С. Лихачев. Избранные работы. Т. 2. Л., 1987. С. 263–273; *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле... С. 7; *Он же.* К датировке «Задонщины»... С. 113–121; *Кусков В. В.* История древнерусской литературы... С. 144; *Дмитриев Л. А.* Литературная история... С. 309–311 и др.

⁹ *Салмина М. А.* «Летописная Повесть» о Куликовской битве и «Задонщина»... С. 381–383. По мнению Я. С. Лурье, «датировка (памятника) далеко не установлена: он возник во всяком случае не позднее 70-х годов XV в. (время написания древнейшего списка памятника), но попытки датировать его концом XIV в. не представляются достаточно убедительными». См.: *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века... С. 27.

о них как о существовавших в то время, когда разворачивается его повествование, т.е. в 1380 году¹⁰.

Вместе с тем датировки, опирающиеся на изучение истории текста «Задонщины», также не дают пока однозначных данных о времени ее создания. Так, наиболее спорным в науке является вопрос о возможности обращения автора «Задонщины» к тексту пространной летописной Повести о Куликовской битве: в случае зависимости памятника от упомянутого летописного рассказа границы датировки сужаются до второй половины XV века¹¹.

При указанном разбросе мнений и шаткости доводов относительно времени создания произведения наиболее правильным считаем остановиться на точке зрения о возможности появления «Задонщины» в широкий временной промежуток от конца XIV до 70–80-х годов XV века, не настаивая при этом на более узких датировках памятника.

Летописные повести о Куликовской битве дошли до нас в кратком и пространном видах. Краткий рассказ «о великом побоище, иже на Дону»¹² сохранился в составе Сим., Рог. и Московско-Академического списка Суздальской летописи (в полном виде текст рассказа представлен в первых двух летописных памятниках).

Относительно времени составления краткого летописного рассказа о Куликовской битве единого мнения в науке не существует. Одни исследователи полагают, что текст повести мог возникнуть в рамках так называемого летописного «Свода 1408 года», откуда попал в Тр. и схожие летописи¹³. Другие же, обращая внимание на содержащиеся в рассказе текстуальные повторы, относят создание первоначального вида памятника к более раннему периоду – концу XIV века¹⁴. Вероятно, наиболее корректной является

¹⁰ Плигузов А. И. (Комментарии). С. 621–622; Лурье Я. С. Две истории Руси XV века... С. 64. Прим. 19.

¹¹ М. А. Салмина полагала доказанным такого рода зависимость «Задонщины» от пространной летописной повести. См. подробнее: Салмина М. А. «Летописная Повесть» о Куликовской битве и «Задонщина»... С. 376–383. Л. А. Дмитриев подвергал критике текстологическую аргументацию исследовательницы, однако сам полагал возможным, не приводя собственных текстологических доказательств, принимать «эмоциональность восприятия событий» автором памятника в качестве «основного довода» в пользу составления «Задонщины» «современником, а возможно, участником» Куликовской битвы. Ср.: Дмитриев Л. А. Литературная история... С. 311, 327–330.

¹² См.: Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. Ноябрь. С. 65, 78–83; Он же. Отзыв... С. 104; Салмина М. А. «Летописная Повесть» о Куликовской битве и «Задонщина»... С. 359–364; Она же. Еще раз о датировке «Летописной Повести»... С. 3–5. С мнением М. А. Салминой согласно большинство исследователей (см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 96–97; Он же. Две истории Руси XV века... С. 25; Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле... С. 7; Хорошкевич А. Л. О месте Куликовской битвы // История СССР. 1980. № 4. С. 94–97 и др.).

¹³ См., напр.: Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной Повести»... С. 5.

¹⁴ Так Л. А. Дмитриев, в целом согласившись с мнением М. А. Салминой относительно того, что краткая повесть Тр. и близких к ней летописей является «старейшей из сохра-

Батыева рать 1237 года.

Лицевой летописный свод XVI века. Юлиановский том. Л. 302.

**Татары пытаются принудить князя Василья Константиновича принять их веру.
*Лицевой летописный свод XVI века. Юлианский том. Л. 332.***

Убийство татарских послов.

Лицевой летописный свод XVI века, Латтевский том том. Л. 37 юб.

Казнь князя Михаила Черниговского в Орде.
Лицевой летописный свод XVI века. Латтевский том. Л. 975.

Князь Михаил Тверской претерпевает мучения в Орде.
Лицевой летописный свод XVI века. Первый Остерминовский том. Л. 252.

Видение Фомы Кацъбскаго накануне Куликовской битвы — небесный полк во главе со святыми Борисом и Глебом разит татар.
Лицевой летописный свод XVI века. Второй Остермановский том. Л. 80.

**Штурм Москвы войсками хана Тохтамыша в 1382 году.
*Лицевой летописный свод XVI века. Остерминовский том. Л. 302.***

Ростовский архиепископ Васян пишет и отправляет великому князю Ивану III послание на Угру в 1480 году.

Лицевой летописный свод XVI века. Шумиловский том. Л. 300.

оценка краткой летописной Повести «о великом побоище, иже на Дону» в качестве памятника, появившегося в конце XIV – начале XV века и приобретшего окончательный, дошедший до нас вид в результате той летописной работы, которую вели составители «Свода 1408 года».

Древнейшие тексты пространной летописной повести дошли до нас в составе Новгородской IV (*далее* – НIV) и СI летописей¹⁵. Вопрос о датировке пространного варианта памятника до сих пор является дискуссионным, поскольку напрямую связан с датировкой летописных сводов, содержащих указанный вариант повести¹⁶. Большинство исследователей склоняются к тому, чтобы датировать появление повести промежутком между 10-ми и 40-ми годами XV века¹⁷. В качестве своего основного источника пространная Повесть воспользовалась кратким рассказом о Куликовской битве, дополнив его вставками из ряда других источников.

«Сказание о Мамаевом побоище» – наиболее поздний памятник «куликовского цикла» – дошел до нас в полуторастах списках. При этом ни один из списков не отражает первоначального текста «Сказания»¹⁸. Л. А. Дмитриев предложил разделить все известные списки на восемь редакций: Основную

нившихся до нас записей о сражении Дмитрия Донского с Мамаем», предполагал, что указанная запись не являлась *первым* по времени появления рассказом о Куликовской битве. «Текстологические данные говорят о том, – писал исследователь, – что автор рассказа “О великом побоище, иже на Дону” – составитель свода 1408 г. воспользовался уже существовавшими в его время *несколькими письменными источниками* (курсив наш. – В. Р.), посвященными Куликовской битве». См.: Дмитриев Л. А. Литературная история... С. 323.

¹⁵ Салмина М. А. «Летописная Повесть» о Куликовской битве и «Задонщина»... С. 344; Горский А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 249.

¹⁶ См., например: Шахматов А. А. Обзорение... С. 153, 184, 212; Салмина М. А. «Летописная Повесть» о Куликовской битве и «Задонщина»... С. 345–355.

¹⁷ Там же. С. 372–376. См. также: Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла... С. 484–485; Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 67–68, 107–110, 118–119; Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 137–138 и др. Ср. с датировкой общего протографа НIV-СI: Шахматов А. А. Обзорение... С. 154. А. С. Орлов, на основе анализа ряда эпизодов «памятника, приходит к выводу, что “Летописная Повесть” была составлена между 1431 и 1453 годами». См. подробнее: Орлов А. С. Литературные источники Повести о Мамаевом Побоище // ТОДРЛ. Т. 2. М.; Л., 1935. С. 157–162. В более поздней работе М. А. Салмина попыталась уточнить предложенную ранее датировку, ограничив временные рамки создания Повести концом 40-х годов XV века (см.: Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной Повести»... С. 39). Впоследствии исследовательница не исключила возможности более поздней датировки произведения, подчеркивая, что не считает свои выводы окончательными. См.: Салмина М. А. Повесть о Куликовской битве летописная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 245. В. А. Кучкин датирует памятник 30-ми годами XV века (см.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998), А. Г. Бобров – 1418–1419 годами (см.: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 149–160), с ним согласен и А. А. Горский (Горский А. А. Русь... С. 249).

¹⁸ Еще в середине XIX века И. Назаров отметил, что «Сказание» «дошло до нас не в том виде, в каком вышло из рук сочинителя» (см.: Назаров И. Сказания о Мамаевом побоище // ЖМНП. Ч. 99. 1858. Июль–август. С. 41–43, 45, 53, 78–79).

(далее – Осн.), Летописную (далее – Летоп.; текст редакции находится в списках Вологодско-Пермской летописи (далее – ВП)), Распространенную (далее – Распр.), Киприановскую (далее – Кипр.), редакцию летописца Хворостинина; западнорусскую переработку; редакцию, переходную к Синопису; редакцию Синописиса Иннокентия Гизеля¹⁹.

Первое серьезное исследование литературной истории «Сказания» принадлежит С. К. Шамбинаго. Первоначально он полагал, что наиболее древний и близкий к первоначальному текст «Сказания» находится в Никоновской летописи (Кипр.)²⁰. А. А. Шахматов, подвергнув это положение обоснованной критике, пришел к выводу, что первоначальный вид памятника восстанавливается на основе Осн. и Летоп.²¹ С мнением о первоначальности Летоп. выступил А. Марков²². Впоследствии к этому мнению присоединился и сам С. К. Шамбинаго²³, а также более поздний исследователь памятника В. С. Мингалев²⁴. Л. А. Дмитриев на основе исследования большинства дошедших списков, вслед за А. А. Шахматовым, высказался за то, что «текст “Сказания”, наиболее близкий к первоначальному, сохранился в текстах Летоп. или Осн. редакций»; из двух указанных редакций, полагал исследователь, текст Осн. содержит чтения, более близкие к первоначальному виду памятника²⁵. Точку зрения Л. А. Дмитриева относительно

¹⁹ Дмитриев Л. А. Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве... С. 449–480. Данная классификация может считаться общепринятой. См.: *Он же*. Сказание о Мамаевом побоище // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. С. 371–384.

²⁰ По терминологии С. К. Шамбинаго, которой воспользовался и А. А. Шахматов, Кипр. названа «первой», Летоп. – «второй», Осн. – «третьей», Распр. – «четвертой». Здесь и далее использую название редакций «по Л. А. Дмитриеву».

²¹ Шахматов А. А. Отзыв... С. 195, 201, 203.

²² См.: Марков А. (Рецензия на книгу С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906») // *ЖМНП*. Ч. 14. 1908. Апрель. С. 437, 444–445, 441.

²³ История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. С. 215–219.

²⁴ В. С. Мингалев пришел к выводу, что из двух ранних редакций памятника (Осн. и Летоп.) первоначально является вторая – та, которая находится в списках ВП. Исследователь исходил из утверждения, высказанного еще С. К. Шамбинаго, о том, что в основе «Сказания» лежит летописная повесть пространного вида (НIV-CI). Анализируя тексты «Сказания», В. С. Мингалев пришел к выводу, что наиболее точно текст рассказа, общего для НIV-CI, передается в Летоп. редакции «Сказания», которая и была признана им наиболее близкой к первоначальному тексту памятника. См.: *Мингалев В. С.* «Летописная Повесть» – источник «Сказания о Мамаевом побоище» // *Труды Московского государственного историко-архивного института*. Т. 24. Вып. 2. М., 1966. С. 58. Прим. 21; *Он же*. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Вильнюс, 1971. С. 10–11.

²⁵ По мнению Л. А. Дмитриева, «для определения текста, наиболее близкого к первоначальному, необходимо установить, каким именем в авторском тексте “Сказания” назывался литовский князь». Дело в том, что в Летоп., тексты которой находятся в списках ВП, литовский князь назван исторически верно – Ягайло, в Осн. литовский князь назван Ольгердом. Однако еще А. А. Шахматов отметил, что правильность, «историчность имени литовского князя не может служить показателем первоначальности той или иной редакции». По

первичности влетописной Осн., подкрепленную новыми аргументами М. А. Салминой²⁶, поддерживает большинство исследователей памятника²⁷.

мнению А. А. Шахматова, составитель Летоп. мог заменить исторически неверное имя Ольгерд, возможно, читавшееся и в первоначальной виде памятника, на исторически правильное – Ягайло, «поскольку только что, под 6885 (1377) годом летопись сообщила ему о смерти вышупомянутого Ольгерда, умершего за 3 года до Куликовской битвы» (см.: *Шахматов А. А. Отзыв...* С. 163). Исправлением, вызванным такого же рода обстоятельствами, объясняет появление имени Ягайло в Кипр. и Л. А. Дмитриев (см.: *Дмитриев Л. А. О датировке...* С. 187). Текстологический анализ списков Осн. и Летоп. редакций позволил Л. А. Дмитриеву сделать вывод о том, что «в авторском тексте памятника было имя “Ольгерд”, а замена его на “Ягайло” – индивидуальная особенность Летоп. и Кипр. Исходя из всего этого, – писал Л. А. Дмитриев, – мы можем утверждать, что текст “Сказания” по Осн. наиболее близок к первоначальному тексту памятника» (см. подр.: Там же. С. 189).

²⁶ М. А. Салмина, подвергнув критике тезис В. С. Мингалевы о первоначальности Летоп. (по мнению исследовательницы, «случаи заимствования Летоп. целых отрывков летописной повести – факт вторичного обращения “Сказания” к летописной повести»), нашла дополнительные аргументы для подтверждения мнения Л. А. Дмитриева о первичности текста Осн. Во-первых, сравнив тексты Осн. и Летоп. редакций «Сказания», она пришла к выводу о том, что не только чтение имени литовского князя в редакции ВП является вторичным. М. А. Салмина сделала заключение, что «изучение чтений Осн. и Летоп. редакций на протяжении *всего* (курсив наш. – В. Р.) текста “Сказания” не позволяет признать первоначальной редакцией “Сказания” редакцию Летоп. Текст ее производит впечатление уже значительно испорченного и удаленного от оригинала» (см.: *Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 100–108*). Во-вторых, М. А. Салмина привлекла к исследованию и текст Лондонского списка «Сказания» и попыталась определить его место в истории текста памятника. Текст Лондонского списка «Сказания о Мамаевом побоище» относится к Осн. редакции памятника. Одновременно он считается наиболее близким к Летоп. редакции «Сказания» (см., напр.: *Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины»... С. 389; Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище»... С. 10*. См. подр.: *Салмина М. А. К вопросу о датировке... С. 108–113*). Как показал В. И. Буганов, Лондонский список второй половины XVI века отражал первоначальную редакцию ВП. См.: *Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского свода кон. XV – нач. XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. ст. М., 1963. С. 164*. Ср.: *Салмина М. А. К вопросу о датировке... С. 116–117; Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 126*. Однако предположить происхождение Осн. и Летоп. редакций от одного общего источника, похожего на Лондонский список, не представляется возможным. Как заметила М. А. Салмина, Лондонский список «Сказания» «заключал в себе... чтения, которые говорили о его значительной отдаленности от оригинала памятника» (см.: *Салмина М. А. К вопросу о датировке... С. 117*). Таким образом, Лондонский список – лишь один из вариантов Осн., от которого началось развитие текстов Летоп. Итак, текст Лондонского списка, который представляет первую редакцию ВП, являлся лишь одним из вариантов Осн., от которого впоследствии началось развитие текстов Летоп., относящейся, в свою очередь, к третьей редакции той же ВП (Там же. С. 124. См. также: *Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.; Л., 1940. С. 243–244; Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского свода... С. 165*).

²⁷ См., напр.: *Плигузов А. И.* (Комментарии). С. 626; *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века... С. 27; *Клосс Б. М.* Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // *In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье*. СПб., 1997. С. 253 и др. Появление Летоп., как показал М. Н. Тихомиров, относится к 1499–1502 годам (см.: *Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи... С. 241*). Распр. относится примерно к концу XVI – началу XVII века, Кипр., по мнению Б. М. Клосса, появляется в составе Никоновского свода – в 1526–1530 годах. В тексте Распр., как показал еще С. К. Шамбинаго, распро-

Однако, исходя из того, что текст Осн., всего лишь *близок* к первоначальному, а не передает таковой полностью, считаю оправданным, вслед за В. А. Кучкиным, привлекать для решения задач настоящего исследования общие чтения трех наиболее ранних редакций – Осн., Летоп. и Распр.²⁸

В науке предлагались различные датировки «Сказания». Ряд исследователей относит создание памятника ко времени, близкому к описываемым в произведении событиям, т.е. к концу XIV – первой половине XV века²⁹. Среди наиболее распространенных следует отметить гипотезу Л. А. Дмитриева, который датировал появление «Сказания» первой четвертью XV века³⁰. Однако в последнее время большинство исследователей склоняется к более поздней датировке «Сказания»³¹. В. С. Мингалев датирует составление памятника 30–40-ми годами XVI века³². М. А. Салмина промежуток времени, когда могло появиться «Сказание», ограничивает концом 40-х годов XV (составление т.н. «Свода 1448 года» – основного

странение шло за счет расширения «подробностей», общих для всех редакций. Это и позволяет привлекать текст Распр. для сравнения с текстами Осн. и Летоп. (см.: *Дмитриев Л. А. Литературная история... С. 335; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 51, 127–128).*

²⁸ См.: *Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле... С. 7; Он же. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. ст. М., 1990. С. 105, 111.*

²⁹ См., напр.: *Греков И. Б. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» // Советское славяноведение. 1970. № 6. С. 27–36; Он же. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 316–317, 330–332, 431–442; Азбелев С. Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской Летописи Дубровского // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 164–172; Он же. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976. С. 78–101; Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 129–146. Критику точек зрения указанных исследователей см.: *Салмина М. А. Еще раз о «Летописной Повести»... С. 6–39.**

³⁰ В своих ранних работах Л. А. Дмитриев полагал, что «Сказание» было составлено в 10-х годах XV века. См. подробнее: *Дмитриев Л. А. О датировке... С. 190–199.* Впоследствии исследователь несколько расширил собственную же датировку (см.: *Он же. Куликовская битва в литературных памятниках Древней Руси // РЛ. 1980. № 3. С. 21–23; Он же. Литературная история... С. 341–342).*

³¹ Кстати, А. А. Шахматов также полагал, что составление «Сказания» следует отнести к первой четверти XVI века. См.: *Шахматов А. А. Отзыв... С. 117.*

³² В. С. Мингалев, исходя из гипотезы о том, что в основу Летоп., которую он считал первоначальной, положена летописная повесть (НIV-СI), полагал, что «Сказание» не могло быть составлено до 40-х годов XV века. Верхней же границей датировки памятника исследователь считал 1547–1548 годы, к которым относится появление «Большой челобитной» Ивана Пересветова. Дело в том, что в этом произведении И. С. Пересветов упоминает своих «пращуров и прадедов», героев Куликовской битвы – Пересвета и Ослябя; это даст повод исследователю, вслед за А. А. Зиминим, предполагать знакомство автора челобитной со «Сказанием о Мамаевом побоище» (см.: Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 236–237. Ср.: *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли сер. XVI в. М., 1958. С. 270–271, 285, 301–311).* Окончательная датировка дается В. С. Мингалевым «на основе анализа исторических реалий, встречающихся в “Сказании”». См. подр.: *Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище»... С. 12–13.*

источника «Сказания») и началом XVI века (время появления текста «Сказания» Летоп. в составе первой редакции ВП, отразившейся в Лондонском списке)³³. Наиболее же удачной следует считать датировку, предложенную В. А. Кучкиным. Опровергнув основания, по которым Л. А. Дмитриев отнес появление памятника к первой четверти XV века, исследователь датировал «Сказание» временем «не ранее 1485 года, а скорее – началом XVI века»³⁴. В последнее время датировку В. А. Кучкина уточнил Б. М. Клосс. По его мнению, первоначальный вариант «Сказания» был составлен коломенским епископом Митрофаном в 10–20-е годы XVI столетия³⁵.

Достоверность сообщаемой в «Сказании» информации по-разному оценивается в литературе. Ряд исследователей с доверием относится к сообщениям позднего рассказа о Куликовской битве, оценивая памятник как «выдающийся исторический документ»³⁶. Другие же говорят о «недостоверности» большинства фактов, приводимых в «Сказании»³⁷. Последняя

³³ М. А. Салмина, не разделяя мнение В. С. Мингалева о первоначальности Летоп., высказала мнение о близости «Сказания» Осн. редакции и летописной повести «и в сюжетной линии, и в композиционном повествовании», и текстуально. Поскольку появление летописной повести о Куликовской битве связано с составлением общего протографа НIV и СI, к которым и восходят все ее чтения, то и «Сказание» не могло бы возникнуть раньше этого времени – середины XV века. (см. подробнее: *Салмина М. А.* К вопросу о датировке... С. 124). Ю. К. Бегунов также полагал, что «Сказание» составлено в этот промежуток времени, однако по другим основаниям. Исследователь, изучив характер использования в «Сказании» одного из его источников – Жития Александра Невского, пришел к выводу, что автор «Сказания» пользовался Житием второй редакции, «сложившейся одновременно» с летописным «сводом 1448 года»; верхнюю границу датировки Ю. К. Бегунов также связывал с историей ВП (см.: *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе... С. 484–485).

³⁴ В. А. Кучкин исходил из факта упоминания в «Сказании» Константино-Еленинских ворот Московского Кремля. До 1476 года ворота назывались Тимофеевскими, а новое их название впервые появляется в источниках лишь с 1490 года. Исследователь связал переименование ворот со строительством новых кремлевских стен, происходившим в 1485 году. По его мнению, именно после этого времени и могло появиться «Сказание». Помимо всего прочего, предложенная В. А. Кучкиным датировка в принципе не противоречит датировке М. А. Салминой, строящейся на совершенно иных основаниях. Последнее делает выводы В. А. Кучкина еще более убедительными. См.: *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле... С. 7; *Он же.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы... С. 109–114.

³⁵ В одной из работ Б. М. Клосса датировал составление памятника 1513–1518 годами (см. подробнее: *Клосс Б. М.* Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище»... С. 259–262), позже он пересмотрел свою точку зрения, предложив датировать «Сказание» 1521 годом (см.: *Он же.* Избранные труды. Т. 2. М., 1998. С. 333–345).

³⁶ См., напр.: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 290; *Тихамиров М. Н.* Древняя Москва... С. 203.

³⁷ *Мингалев В. С.* «Сказания о Мамаевом побоище»... С. 15. В. А. Кучкин предложил при реконструкции событий 1380 года опираться в первую очередь на рассказ Рогожского летописца, содержащий краткую летописную повесть, а также на ряд ранних летописных текстов и «Задонщину». См.: *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле... С. 6–8; *Он же.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский... С. 114.

точка зрения представляется более обоснованной: «Сказание», возникнув через столетие после описываемых событий, не могло достоверно изображать Мамаево побоище. Отраженные же в произведении сведения более ранних источников в преобразованном виде в основном восходят к дошедшим до нас рассказам о Куликовской битве. Кроме того, судя по всему, автор памятника и не ставил перед собой цели создать «достоверный отчет о Куликовской битве». Вероятнее всего, его задачи были иными.

Монголо-татары в «Задонщине»

Среди памятников «куликовского цикла» «Задонщина» занимает особое место. С одной стороны, указанное обстоятельство обусловлено ее непростой литературной историей, изучение которой до сих пор не позволяет сделать до конца обоснованные выводы о происхождении, времени составления и влиянии памятника на другие сочинения, посвященные Куликовской битве. С другой стороны, жанровое своеобразие «Задонщины», ее неоспоримая близость «Слову о полку Игореве» (является ли эта особенность результатом подражания «Слову», или, наоборот, автор последнего воспользовался «Задонщиной» в качестве источника для вдохновения – это другой вопрос) предопределили особое место «поэтического отклика» на события Куликовской битвы в истории древнерусской литературы³⁸.

³⁸ В этой связи реконструкция того, как воспринимал монголо-татар автор памятника, сталкивается с рядом существенных трудностей. Главная из них связана с интерпретацией тех мест произведения, которые имеют непосредственную близость к тексту «Слова». В случае принятия гипотезы о первичности «Задонщины» (это предположение исследователей часто подвергается вполне обоснованной критике) перед исследователем встает необходимость проведения специального текстологического анализа, призванного подтвердить избранную им версию литературной истории этих произведений. Взгляд же на «Задонщину» как оригинальный, первичный по отношению к «Слову» памятник вовсе не исключает, а, наоборот, предполагает объяснение тех немаловажных для интересующей нас проблемы обстоятельств, в силу которых автор «Слова» смог перенести характеристики татар на половцев, принадлежащие перу составителя «Задонщины». Если же встать на позиции тех ученых (а их большинство, и их мнения представляются более аргументированными), которые предполагают первичность «Слова», то возникает опасность переноса того, как воспринимал половцев автор «Слова о полку Игореве» на авторское восприятие татар в «Задонщине». В качестве разрешения сформулированных выше противоречий полагаю допустимым опираться на разделяемую большинством исследователей точку зрения о вторичности чтений «Задонщины» по отношению к «Слову». В силу указанных сложностей, связанных с реконструкцией восприятия монголо-татар в «Задонщине», полагаю также возможным исходить из предположения об осознанном характере заимствований автором произведения о Куликовской битве оценок и описаний «поганых». Тем более что, как показал А. А. Горский, «характерной чертой заимствований в “Задонщину” из “Слова о полку Игореве”» являлся прием «обратного параллелизма» (термин А. А. Горского. – В. Р.), состоящий «в перенесении на татар того, что относилось к русским» в «Слове». См.: *Горский А. А. Историко-поэтическая концепция «Задонщины»...* С. 98.

Упоминания о татарах и Мамае в «Задонщине» достаточно лапидарны³⁹. Наиболее часто встречающееся определение татар – «поганые», в единичных случаях они – «хинови»⁴⁰, «бусорманы»⁴¹. Сам Мамай постоянно именуется «поганым», лишь однажды он назван «супостатом» русских князей⁴² и «безбожным»⁴³. Также в ряде списков «Задонщины» Мамай именуется «царем»⁴⁴.

Немаловажно, что ряд присвоенных татарам эпитетов («поганые», «хинови») так или иначе перекликается с именованиями половцев в «Слове о полку Игореве»⁴⁵. Судя по всему, указанное обстоятельство связано не только с текстуальной близостью обоих памятников, но и с вполне осознанным со стороны автора «Задонщины» отождествлением двух «поганых» народов – половцев и татар⁴⁶. Вряд ли можно согласиться с мнением Д. С. Лихачева, полагавшим, что в «Задонщине» присутствует «настоячивое именование половцами... татар»⁴⁷. Отождествление войска Мамаея с половцами происходит в завуалированной форме: по крайней мере, ни в одном из списков «Задонщины» татары не названы напрямую «половцами», хотя подобное именование «поганых», судя по текстам краткой и пространной летописных повестей о Куликовской битве, а также «Сказания о Мамасвом побоище», было широко распространено⁴⁸. Как пишет А. А. Горский, «отождествление (татар с половцами. – В. Р.)

³⁹ Тексты «Задонщины» цитируются по изданию: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла... С. 535–556.

⁴⁰ Там же. С. 537, 552.

⁴¹ Там же. С. 539, 540, 549 и др. В большинстве случаев в списках «Задонщины» упоминаются не сами «хинови» и «бусурмане», а элементы воинской одежды с соответствующими указаниями на принадлежность татарам: «шеломы *хиновские*» «боданы *бесерменские*»; в К-Б татары названы «*хинолами*». См.: Там же. С. 538, 543, 549.

⁴² Список У. См.: Там же. С. 535.

⁴³ Список У. См.: Там же. С. 540.

⁴⁴ Это списки У и С. См.: Там же. С. 535, 550–552, 555. Как показал А. А. Горский, «выражение “поганый царь Мамай” (курсив наш. – В. Р.), встречающееся только в списке С “Задонщины”, скорее всего, не восходит к авторскому тексту». См. подр.: Горский А. А. Историко-поэтическая концепция «Задонщины»... С. 83.

⁴⁵ Ср.: «поганья пльки *половецкья*»; «великое буйство подать *Хиновю*»; «паводити поганья на землю *Русскую*». См.: ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 374, 376, 378, 380, 382.

⁴⁶ Первым акцентировал внимание на том, что в «Задонщине» эпоха Куликовской битвы сопоставляется с эпохой «Слова о полку Игореве», Д. С. Лихачев. По его мнению, автор «Задонщины» отождествил половцев с татарами, а битву на Каяле – с поражением на Калке и символически противопоставил, таким образом, начало иноземного ига (события, описываемые в «Слове») и его конец. См. подробнее: Лихачев Д. С. «Задонщина» // Литературная учеба. 1941. № 3. С. 90–96; Он же. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945. С. 76–78; Он же. Культура Руси эпохи образования Русского централизованного государства (XIV – начало XVI в.). Л., 1946. С. 86–88; Горский А. А. Историко-поэтическая концепция «Задонщины»... С. 70.

⁴⁷ Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины»... С. 306.

⁴⁸ Сказания и повести... С. 14, 20, 25 и далее.

было естественным для русского человека конца XIV века, и не только потому, что половцы составляли значительную часть населения Золотой Орды, но и потому, что оно соответствовало историческим представлениям, бытовавшим в Древней Руси» (курсив наш. – В. Р.). По мнению исследователя, истоки подобных взглядов на татар следует искать в том представлении о сущности «поганых» вообще, которое, в свою очередь, долгое время опиралось на «Откровение» Мефодия Патарского и согласно которому приходящие на Русь восточные народы ассоциировались с потомками Измаила. К этим легендарным «измаильтянам» относились одновременно и половцы, и татары⁴⁹. Вероятно, автор первоначального текста «Задонщины», а вслед за ним и составители всех ее списков, последовательно избегавшие *прямых* именовании татар «половцами», имели на это свои причины.

Косвенным подтверждением связи татар с половцами служат указания автора «Задонщины» на то, что события Куликовской битвы происходят в «*половецкой земле*»⁵⁰, а также его исторические экскурсы, посвященные рассказу о легендарном прошлом «поганых».

Согласно «Задонщине», «хиновя поганые татаровы бусормановя» происходят от «*восточной страны*», от «*жребия Симова, сына Ноева*». Именно они («те бо»), по мнению автора, «*на реке на Каяле одолеша родъ Афетов*» (т.е. Русь, поскольку, как полагает книжник, «Русь преславная» «родися» от «Афета, сына Ноева»), «и оттоле Руская земля седить невесела»⁵¹. В «Задонщине» указание на реку Каялу вступает в явную перекличку с упомянутой в памятнике «Калатской ратью», под которой, судя по всему, подразумевается битва на Калке⁵².

Подобное сближение событий на Каяле и на Калке позволило А. В. Соловьеву сделать вывод о том, что «Куликовская битва рассматривалась... в «Задонщине» как реванш за поражение, понесенное войсками Игоря Святославича на реке Каяле, сознательно отождествляемой автором «Задонщины» с рекой Калкой, поражение русских на которой явилось пер-

⁴⁹ См. подробнее: Горский А. А. Историко-поэтическая концепция «Задонщины»... С. 71.

⁵⁰ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла... С. 538, 539, 544, 546, 554. Судя по всему, именно на этом основании Д. С. Лихачев построил свой вывод о «настоячивом именовании» татар половцами. См.: Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины»... С. 306. Указанная параллель также восходит к «Слову». Ср.: ПЛДР. XII век. С. 372, 380, 382, 384.

⁵¹ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла... С. 535, 547–548.

⁵² «От Калатския рати до Мамаева побоища» (как сообщает автор «Задонщины», в это время «тугою и печалию покрывшася (Русская земля)» прошло по списку У – «170 лет», по спискам И-1 и С – «160 лет») (в списке К-Б приведенная фраза дана без указания на время: «от тоя рати и до Мамаева побоища» (см.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла... С. 548. См. также: Дмитриев Л. А., Лихачева О. П. Историко-литературный комментарий // Сказания и повести... С. 381, 383).

вым этапом завоевания Руси татарами»⁵³. По мнению же А. А. Горского, отождествление татар с половцами явилось результатом того, что «в «Задонщине» на широком историческом фоне подводятся итог борьбы с нашествиями кочевых языческих народов («хиновы»)»⁵⁴.

Судя по всему, действительно именно с целью рассказа о борьбе с «погаными» вообще⁵⁵ – половцами и татарами, рассматриваемыми в качестве народов, происходящих «от жребия Симова», но этнически неидентичных, – связан отказ автора называть татар «половцами». Наслоение названий существенно затрудняло бы достижение поставленной цели: автор «Задонщины», вероятно, полагал, что в этом случае читателю было бы не совсем понятно, о каких «половцах» идет речь – о тех реальных, которые победили русских в 1185 году, или о тех, на которых он лишь перенес указанный этноним и с которыми русские сражались в 1223 и 1380 годах.

Цели нашествия татар автор «Задонщины» определяет в предельно общем виде: «поганые» идут «на Рускую землю»⁵⁶. В некоторых местах повествования автор в образной форме как бы конкретизирует цели татар: те «поля руские наступают и вотчину отнимают»⁵⁷; в случае удачного исхода нашествия «испрашивают» у русских «выход» (разбитые Дмитрием Ивановичем татары сокрушаются о том, что впредь «в Русь ратию нам не хаживать, а выхода нам у русских людей не прашивать»⁵⁸).

Косвенно на цели «поганых» указывают упоминания *того*, за что сражаются русские. В «Задонщине» цели воинов Дмитрия Ивановича определены: это – Русская земля и православная вера (впрочем, иногда к призывам защищать «землю Русскую» и «православную веру» добавляется призыв постоять «за обиду» великого князя)⁵⁹. По мнению А. А. Горского, «рефрены» «за землю за Рускую и за веру христианьскую» «содержались уже в первоначальном, авторском тексте “Задонщины”» или же («теоретически можно предположить») «у всех сохранившихся списков был один протограф,

⁵³ Соловьев А. В. Автор «Задонщины»... С. 190.

⁵⁴ Горский А. А. Историко-поэтическая концепция «Задонщины»... С. 113.

⁵⁵ Характерно, что в ряде списков указывается на то, что «исекша христиани поганые полки». См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла... С. 539, 544.

⁵⁶ Там же. С. 535, 537, 539, 540, 542, 545, 547, 549, 552, 555.

⁵⁷ Списки У и И-1 (см.: Там же. С. 537, 543). В К-Б и С указанное чтение понято по-иному. Ср.: «поганыя татарове на поля на наши наступают, а вои наши отнимають»; «поганыя татарове поля наступают, а хоробруя нашу дружину побивают» (см.: Там же. С. 549, 553). Судя по всему, первоначальное чтение сохранилось в У и И-1; составитель К-Б переосмыслил его по созвучию («вои» вместо «вотчины»), а составитель С – по смыслу («дружина» вместо «вои»).

⁵⁸ Там же. С. 539, 545, 547.

⁵⁹ Указание на это присутствует практически во всех списках «Задонщины». См.: Там же. С. 535–538, 540–543, 545–546, 548, 550–554 и далее.

созданный позже); к нему и восходят указанные «рефрены»⁶⁰. Если появление призывов воевать «за землю Русскую» и «за обиды» А. А. Горский связывает с обращением автора «Задонщины» к тексту «Слова», то призыв стоять «за веру христианскую» восходит, по мнению исследователя, к более поздней эпохе – ко времени после Батыева нашествия⁶¹. «Наиболее раннее отождествление “земли Русской” и “веры христианской” можно усмотреть, – полагает А. А. Горский, – в “Слове о погибели Русской земли”, поэтическом отклике на нашествие Батыева на Северо-Восточную Русь». Однако если в «Слове о погибели» указанные понятия «выступают как синонимы, но еще не стоят рядом», то в «Задонщине» «происходит их соединение в едином призыве»⁶². Таким образом, делает вывод исследователь, «в эпоху Куликовской битвы рядом со светской концепцией защиты “Русской земли” (сохранившей ведущее значение) встала концепция защиты христианской веры»⁶³.

Несмотря на несомненную ценность замечаний А. А. Горского, ряд наблюдений исследователя нуждается в корректировке. В частности, представляется не до конца обоснованным оговорка ученого о несоединимости понятий «Русская земля» и «христианская вера» в «Слове о погибели Русской земли». В этом памятнике оба понятия выступают как раз в качестве синонимов (на это указывает и А. А. Горский, впрочем, добавляя малопонятную формулировку о том, что указанные «синонимы» «еще не стояли рядом»), причем синонимов возможно, носящих взаимозаменяющий характер: «всега еси испольнена земля Руская, о правоверная вера хрестияньская!» – восклицает автор «Слова о погибели»⁶⁴. Поэтому можно предположить, что и в «Задонщине» понятия «Русская земля» и «христианская вера» выступают не просто в качестве составных частей единого призыва, но также в качестве семантически близких феноменов. Еще Г. П. Федотов, изучавший русские духовные стихи, обратил внимание на то, что для певца духовных стихов «нет... христианской страны, которая не была бы... “Русской землей”»⁶⁵. Это наблюдение Г. П. Федотова уже на материале летописных памятников подкрепил И. Н. Данилевский. По мнению исследователя, под термином «Русская земля» древнерусские книжники «имели в виду этноконфессиональную общность, именуемую

⁶⁰ Т.е. к периоду до 70–80-х годов XV века – времени, которым датируют К-Б. См.: Горский А. А. Историко-поэтическая концепция «Задонщины»... С. 109.

⁶¹ Горский А. А. Представления о защите Отечества в средневековой Руси (XI–XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994. С. 9, 11.

⁶² Горский А. А. Историко-поэтическая концепция «Задонщины»... С. 112–113.

⁶³ Там же. С. 113.

⁶⁴ ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 130.

⁶⁵ Федотов Г. П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 96.

сейчас термином “православный”»⁶⁶. Как показал А. И. Клибанов, «в формах сознания того времени» противостояние русских татарам «выражалось антитезой: “христиане-неверные”», в силу чего борьба с ордынцами вполне закономерно разворачивалась «под призывом: “за землю Русскую, за веру христианскую”»⁶⁷.

Можно предположить, что автор «Задонщины» подчеркивал не только стремление Мамай «воевати» «Русскую землю», но и попытку «поганого» покорить себе православие. Данное наблюдение косвенно подкрепляется в том числе и использованным автором «Задонщины» (судя по всему, вслед за составителем «Слова о полку Игореве») *сравнением татар с волками*⁶⁸: «Притскоша *серые волцы* от усть Дону и Непра и ставшу *воюют* на реке на Мечи поступати в Рускую землю. И *то были не серые волцы, приидоша поганые татаровя*, хотят проити воюючи всю Рускую землю»⁶⁹. *Антихристианский характер нашествия* Мамай отмечался во всех памятниках «куликовского цикла». Вероятно, поэтическая «Задонщина» не только не являлась исключением из указанного «правила», но, наоборот, сама оказала влияние на последующие рассказы о «Мамаевом побоище» как летописные, так и внелетописные.

Автору памятника удалось довольно четко сформулировать свое *отношение к борьбе с «погаными»*. «Чернец брянский бояринъ» Пересвет в обращении к Дмитрию Ивановичу говорит о том, что *«лутчи бы нам потятым»⁷⁰ быть, нежели полоненым от поганых татаръ»⁷¹*. Несмотря на то что приведенная фраза является почти точной цитатой из «Слова о полку

⁶⁶ Данилевский И. Н. Западноевропейские земли в летописном понятии «Русская земля» // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М., 1996. С. 55. Ср.: «религиозной, а не этнической принадлежностью определялось... национальное лицо людей, проживающих на территории Руси... Быть русским и православным “христианином” значило одно и то же». См.: Куприянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие... С. 21. Интересно, что в списке У «Задонщины» призыв постоять за «Русскую землю» оказывался вполне заменимым на призыв защитить «христианскую веру». См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла... С. 536.

⁶⁷ Клибанов А. И. «О светло светлая и красно украшенная земля Русская!» // Новый мир. 1980. № 9. С. 176. Интересно, что и в «Сказании о Мамаевом побоище» – позднем отклике на Куликовскую битву – понятия «Русская земля» и «православная вера» практически неразделимы. См.: Сказания и повести... С. 25.

⁶⁸ Относительно других анималистических символов «Задонщины», заимствованных из «Слова» (например, сравнение татар со «стадами лебединых»), см.: Демин А. С. Древнерусская литературная анималистика // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995. С. 92.

⁶⁹ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла... С. 537, 542, 552. Если судить по памятникам XII–XV ввек, переносными значениями слова «волк» являются («противник христианского учения», «сретик»). См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 314.

⁷⁰ См. значение слова «потяти» – «убить», «зарубить», «обезглавить» и др. СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 18. М., 1992. С. 37.

⁷¹ Список У. См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла... С. 536.

Игоре» («рече князь Игорь къ дружине своей: “Братие и дружино! Луце жь бы *потяту быти, неже полонену быти*, а всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону”»⁷²), мысль о необходимости сопротивления «поганым», судя по всему, разделяли и сам автор «Задонщины», и продолжатели его дела – создатели сохранившихся списков памятника, которые по-своему осмысливали заимствованную из «Слова» реплику⁷³. Подобная позиция составителей памятника вполне естественна, поскольку, в отличие от событий «Слова», где удача сопутствовала «поганым», в «Задонщине» описывается победа русских на Куликовом поле.

* * *

Как видим, в период, когда создавалась «Задонщина», татар воспринимали в качестве *врагов православия*. В этом качестве их соотносили с половцами, борьбу с которыми русские вели еще в конце XI века. Однако в восприятии автора памятника *татары и половцы* различны, *не идентичны*: будучи так же, как и половцы, «погаными» и имея с ними общие этнические корни («от жребия Симова»), татары ни разу прямо не названы «половцами», что достаточно нехарактерно для произведений «куликовского цикла». Видимо, для автора «Задонщины» важно было показать финальную сцену борьбы со степняками, подвести итог многовековому противостоянию «Русской земли» с «погаными», вычленив этапы этой борьбы (от Каялы до Калки, от Калки до Непрядвы). Ставя такую цель, книжник вполне естественно обращался к образам «Слова о полку Игоре», с одной стороны, и сознательно отказывался от привычного именованья татар – с другой.

Составитель памятника неоднократно указывает на антихристианский характер Мамаева нашествия. Исходя из этого, он не видит иного выхода из создавшегося положения, кроме бескомпромиссной борьбы с татарами. Единственно моральный выбор, по мысли автора, может осуществляться в рамках на первый взгляд очевидной альтернативы «победа или смерть». Впрочем, книжник не скрывает всю условность указанной альтернативы: гибель в бою так же, как и победа, дает, по его мнению, гарантии «вечной жизни». Вне зависимости от того, сохранят ли русские воины жизнь во время сражения или же погибнут, им уготован «живот вечный» и «нетленные венцы».

⁷² ПЛДР. XII век. С. 374.

⁷³ Ср.: И-1 – «луче *посеченым пасти, а не полонянымъ въспети от поганыхъ*»; К-Б – «лучши бы *есмя сами на свои мечи наверхлися, нежелю намъ от поганыхъ полоненым пасти*»; С – «лучъжи ш бы нам, господине, *посеченым быти, шжели полоненым быти от паганых татар*». См.: «Слово о полку Игоре» и памятники Куликовского цикла... С. 543, 550, 554.

*Изображение монголо-татар в краткой летописной Повести
«О великом побоище, иже на Дону»*

Если в «Задонщине» речь в основном идет о «поганых» татарах, то в кратком летописном рассказе о Куликовской битве («О великом побоище, иже на Дону») главным персонажем с «татарской стороны» является Мамай. Именно его летописец считает инициатором похода монголо-татар на Русь. Именно в его облик, в его мысли (в Повести Мамай – фигура крайне активная: он «мыслит» или, если точнее, «замышляет»), в его поступки автор повести вкладывает наиболее характерные, по его мнению, черты, присущие «поганым» вообще.

Летописное повествование без какого-либо предисловия начинается с рассказа о выступлении Мамаю на Русь. Летописец совершенно четко осознает *иерархический статус* ордынского темника – последний назван «ордынским князем». Таким образом, уже в самом начале рассказа дается резкое противопоставление «ордынского князя», возглавляющего поход «поганых», и «великого князя» Дмитрия Ивановича, активно противостоящего татарам.

Указанное противопоставление не случайно: весь рассказ о битве выстраивается вокруг *личного противостояния Дмитрия и Мамаю*. Мамай идет «на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую», при этом он «люто» гневается «на великого князя Дмитрия» о «своих друзьях и любовницах и о князьях», разбитых на Воже. В ходе сражения Бог помогает именно великому князю (а не русским вообще!) – «поможе Богъ князю великому Дмитрию Ивановичу». После сражения разбитый русскими Мамай собирает «останочную свою силу», «еще всхоте ити изгопом» «на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую».

Летописец совершенно определенно высказывается относительно того, как он понимает цели Мамаева похода. Здесь на первый план выдвигается *личная заинтересованность* темника. Так, Мамай идет на Дмитрия, желая *отомстить* (книжник употребил термин «гневаюсь») за татар, убитых на Воже, по отношению к которым, подчеркивается в тексте, ордынский темник испытывает ту или иную *личную приязнь* (Мамай гневается «о своих друзьях и любовницах»). Помимо личных обстоятельств, «злочестивый князь» движим «на всю землю Русскую» (которая одновременно осознается летописцем как «отчина» великого князя) с более традиционным для татар желанием «*плени*ти землю Русскую». Косвенно, через объяснение поступка Дмитрия Ивановича, книжник уточняет, что именно должно было включать в себя это «пленение». Помимо того, что великий князь «боронит» свою «отчину», он выступает «за святыя церкви», «за

правоверную веру христианскую» и «за всю Русьскую землю»⁷⁴. Можно предположить, что «пленение» Руси Мамаем виделось летописцу в первую очередь в качестве «безбожного» действия, направленного *против православной веры* вообще и Русской земли как «носителя» этой веры в частности. Указанная – антихристианская – направленность замыслов «поганого» книжником отмечается неоднократно: помимо прочего, татары, возглавляемые Мамаем, идут «на христианы».

Личные негативные качества Мамаю подчеркиваются книжником на всем пространстве краткой летописной повести. Мамай – «безбожный», «злочестивый», «нечестивый», «поганый». На фоне характеристик Мамаю обозначаются черты, присущие и всему ордынскому войску: «рать татарская» названа «поганым родом измаилтеским»; татары – «поганые иноплеменники», они – «сыны агаряны». В отличие от «Задонщины» в образе Мамаева войска автор летописного рассказа как бы соединяет черты половцев и монголо-татар: «рати многи», которые собрал «ординский князь», представляют «всю землю Половечьскую и Татарскую», татары названы «погаными половцами». Число врагов велико: вместе с Мамаем идут «рати многи», «все земли», он движется с «силою многою».

На первый взгляд характеристики монголо-татар представляются вполне традиционными, даже во многом – шаблонными. Однако наряду с присущими литературной традиции в Повести появляются *новые черты восприятия «поганых»*. Так, рать, движущаяся на Русскую землю, оказывается многонациональной: летописец, называя татар именами легендарных народов («сыны агаряны», «род измаилтески»), тем не менее указывает *этнический состав* войска («фрязы и черкасы и ясы», которых, помимо «земли Половечьской и Татарской», «понаимовал» Мамай). При этом упоминание *многочисленности* «поганых», судя по всему, является в Повести не столько отражением представлений книжника о *количестве* татар, движущихся на Русь, сколько подчинено художественной задаче автора указать на *значимость победы* над многочисленными врагами. Летописец неоднократно подчеркивает то, что Мамай идет на Русь, «собрав рати многи», а «утече» с Куликова поля «не во мнозе», бежит «въ свою землю» уже «в мале дружине»⁷⁵.

Татарам в повести оказывается свойственна такая ранее неизвестная книжникам черта «безбожных», как *страх*. Гонимые «Божиим гневом», «поганые» «страхом одръжими суще»: Бог «невидимою силою устраши» татар, поэтому они бегут с поля боя, обратив «плещи свои на язвы», одни – «оружием падоша», а другие «погрязоша в воде» и «в реце истопоша»⁷⁶. В данном случае «страх» татар, равно как и «страх и трепет» русских в

⁷⁴ Сказания и повести... С. 14.

⁷⁵ Там же. С. 14–15.

⁷⁶ Там же. С. 14.

повестях о Батыевом нашествии⁷⁷, вызван не реальными обстоятельствами боя, а, скорее «ирреальными» факторами: и те, и другие боятся «гнева Господнего». Однако если в ранних откликах на нашествие монголо-татар «гнев» и вызываемый им «страх» насылается Господом на русских, то в рассказе о Куликовской битве на месте боящихся оказываются уже татары.

Помимо противопоставления Дмитрия и Мамаю книжник вводит в ткань повествования противопоставление «Русской земли» и «Татарской земли». Татары идут не с абстрактного «востока», не «не весть откуда», не из каких-либо легендарных земель, где, согласно преданию, должны обитать «нечистые народы» (например, из «Етревской пустыни», как в рассказе о битве на Калке НПЛ и Лавр.⁷⁸). Ордынцы движутся из «земли Татарской» на «Русскую землю», туда же – в «землю Татарскую» – они вместе с Мамаем бегут после разгрома⁷⁹. Можно предположить, что летописец (пусть не явно, а косвенно) за личной победой Дмитрия Ивановича «скрывает» еще одну победу – *победу «земли»* – «Русской земли».

Характерной чертой краткого летописного повествования о Куликовской битве является *отсутствие указаний на «гнев Божий» как причину нашествия татар на Русь*. Эта столь популярная для русских средневековых памятников идея уступает место неоднократно повторяемым указаниям на то, что победа русских оказалась возможной благодаря «заступничеству Божию»: «Бог поможет» великому князю; «Бог невидимою силою устрашит» татар; те бегут, «гоними гневом Божиим и страхом одержими суще»⁸⁰; одержав победу, русские благодарят Бога⁸¹.

И поэтому, по мнению книжника, не «гнев Божий», а всего лишь, «личная инициатива» Мамаю – вполне реальная, земная причина – лежит в основе татарского нашествия на Русь. Активная роль темника, как было уже было указано выше, всячески подчеркивается: Мамаю «поиде», «гневашася», «утече», «убежа», «собраша силу», «всхоте ити», «умысльша», «уготовал на ны (Тохтамыша. – В. Р.) рать», «поиде противу его (Тохтамыша. – В. Р.)» и т.п. В Повести Мамаю присуща целая гамма человеческих чувств: «видя себя бита и бежавша и посрамлена и поругана», ордынский темник «паки гневашася, неистовися, яряся и съмуцашася».

При этом личная инициатива Мамаю идти походом на великого князя и «на всю Русскую землю» оценивается крайне негативно: вина Мамаю осознается не только русскими, которые идут на бой лично с ним, но и

⁷⁷ НПЛ. С. 75; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Изд. 2-е. Л., 1927. Стб. 464; Т. 2. М.; Л., 1962. Стб. 780.

⁷⁸ НПЛ. С. 61. Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 446.

⁷⁹ Сказания и повести... С. 14.

⁸⁰ Там же. С. 14.

⁸¹ Там же. С. 15.

татарами. С одной стороны, темника предают его же («Мамаевы») «князи», оставившие своего патрона и перешедшие к Тохтамышу. С другой стороны, при анализе Повести создается впечатление, что и сам «некий царь с Востока, именем Токтамышь изъ Синие Орды» идет на Мамаю именно для того, чтобы наказать темника, который оказывается не только «врагом» русских князей, но «*супротивником*» самого Тохтамыша⁸². Таким образом, в повествовании появляется еще один – *другой* татарин – Тохтамыш. Он – *царь*, его социальный статус выше всех прочих, его действия направлены на обуздание «неправого» – ордынского же – «князя» Мамаю. По отношению к русским Тохтамыш предельно корректен: он извещает их о своем приходе («*послы свои отпусти на Русскую землю ко князю великому Дмитрию Ивановичу и ко всем княземъ русским, поведая им свой приход и како въцарися*») и разгроме общего врага – Мамаю. Действия русских князей при этом адекватны – царских послов отпускают «*съ честию и с дары*», в ответ посылают «*коиждо своих киличеевъ со многими дары ко царю Токтамышу*»⁸³.

* * *

Приведенные выше черты краткого летописного рассказа о Куликовской битве в первую очередь связаны с *новизной самого события*, произошедшего 8 сентября 1380 года. Победа русских войск, возглавляемых великим князем, над татарами – событие явно выходящее из ряда привычных взаимоотношений Руси и Орды. Победа над теми, кого прежде считали непобедимыми даже не по причине *их силы*, а по причине *своей слабости* (в первую очередь душевной, морально-нравственной, а потом уже военной), своей греховности, по причине «гнева Господнего» на Русь, требовала принципиально иного подхода к ее описанию. Летописец, судя по всему, совершенно четко осознавал новизну произошедшего, и поэтому его рассказ абсолютно свободен от прежних, свойственных его предшественникам, «стереотипов восприятия». В силу зависимости более поздних повествований о Куликовской битве от летописной записи «О великом побоище, иже на Дону» (к этому памятнику восходит пространная летописная Повесть, которая, в свою очередь, явилась основным источником для автора «Сказания о Мамаевом побоище»⁸⁴) значительная часть характерных черт восприятия монголо-татар краткого рассказа в преобразованном виде нашла отражение и в перечисленных произведениях.

⁸² Сказания и повести... С. 15.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Салмина М. А. К вопросу о датировке... С. 124.

*Эволюция образов монголо-татар
в пространной летописной Повести о Куликовской битве*

В пространной летописной Повести о Куликовской битве во многом сохраняются основные черты восприятия монголо-татар, присущие краткому рассказу «О великом побоище, иже на Дону». Большинство идей автора краткой летописной записи находят дальнейшее развитие в тексте пространной Повести: эти идеи во многих случаях лишь уточняются, иллюстрируются конкретными примерами, снабжаются дополнительными аргументами.

Автор пространной повести так же, как и автор краткого рассказа, в качестве главного фактора движения «поганых» на Русь рассматривает личную инициативу Мамаю. В поздней летописной записи тезис о злой воле темника раскрывается более обстоятельно. Летописец пишет о гордыне Мамаю, который «разгордевся мнєвь себя аки царя», готовит поход на Русь. Тем самым подчеркивается нарушение темником норм социального этикета – «гордысь», Мамай берет на себя несвойственные ему функции – функции ордынского «царя». В данном случае автор Повести, вероятно, опирался на оценки Куликовской битвы современниками, совершенно отчетливо осознававшими незаконность притязаний Мамаю на «царские» prerogatives и неоднократно подчеркивавшими, что борьба на Куликовом поле шла «не с царем, а с узурпатором “царства”»⁸⁵.

Развивая тему гордыни «поганого» «ордынского князя», книжник охотно прибегает к историческим параллелям. В качестве образцов для сравнения с Мамаем летописец выбирает фигуры легитимных «царей» Батюя и Джанибека. В отличие от версии краткого летописного рассказа в пространной Повести Мамай идет на Русь не только «люто гневавшєся о своих друзехъ и любовницехъ, о князєхъ, избєнных на реце на Воже» и желая «плєнити Русскую землю», но для того, чтобы повторить действия Батюя. Мамай, собираясь в поход, призывает своих «темных князей поганых» пойти «на рускаго князя и на всю силу рускую, яко же при Батые было». «Крєстьянство потяряемъ, и церкви Божиа попалимъ, и кровь ихъ прольємь, и законы ихъ погубимъ», – призывает «ордынский князь», «хотя плєнити крєстьян»⁸⁶. «Высококомыслие», гордыня проявляются Мамаем и тогда, когда накануне сражения он вступает в переговоры с Дмитрием.

⁸⁵ См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. I. М., 1965. Стб. 135; НПЛ. С. 376. См. подр.: Горский А. А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 207; Он же. Москва и Орда. М., 2000; С. 87–89; Он же. «Всего еси исполнена земля Русская...» Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 134–149.

⁸⁶ Сказания и повести... С. 16.

Темник «нача слати къ князю Дмитрию выхода просити, како было при Чанибеке цари, а не по своему докончанию»⁸⁷. Нарушение Мамаем «своего докончания» еще больше усиливает оценку темника как нарушающего установленные порядки и иерархии, «беззаконного» узурпатора.

По сравнению с кратким летописным рассказом, посвященным Куликовской битве, негативность характеристик Мамаю в пространной Повести усиливается. «Ордынский князь» именуется «нечестивым», «окаянным», «безбожным», «зловерным», «поганым», «темным сыроядцем», «старым злодеем» и пр. Среди наиболее характерных качеств темника автор Повести особо выделяет злобу и свирепость, ярость и гневливость. Мамай совершает «злый съветъ», «съветъ нечестивый»; зовет к себе «темныя своя князи поганыя»; «люто гневается» на Дмитрия из-за гибели «своих друзехъ и любовницехъ, о князьяхъ, избьеных на реце на Воже»; «яростью подвижеся», «свирепо и напрасно»⁸⁸ собирает свои силы; стоит за Доном «възбужаяся и гордяся и гневаяся»; узнав о приходе Дмитрия, «възъярятся зраком», «смущается умом», распаляется «лютою яростию, аки аспида некаа, гневом дышуще». Сам Дмитрий в молитве упоминает о «свирепстве» Мамаю. Мамай, узнав о поражении своих войск, убегает в «свою землю» «паки гневаашеся и яряся, зело смущашеся» и т.д.

Летописец, конкретизируя, в чем именно проявлялась «гордость» узурпатора (тот, не желая быть просто «аки царь», хотел быть именно «яко Батый»), вместе с тем дает свое видение целей Мамаева (а заодно – ретроспективно – и Батыева) нашествия: замыслы «поганых» носили главным образом антихристианский характер и были направлены в первую очередь *против веры*.

Автор пространной Повести также по-иному решает проблему «наказания за грехи». Если в краткой редакции Повести о «грехах наших» ничего не говорится, а «нахождение иноплемненных» рассматривается только как результат «беззакония» самого Мамаю, то в пространном рассказе книжник пытается еще и обнаружить соотношение между причинами, так сказать, трансцендентальными («попущением Божиим») и эмпирическими, «земными» (инициативой Мамаю). «Се же (нашествие. – В. Р.) бысть грех ради наших: вооружаются на ны иноплемненици, да быхом ся отступили от своих неправдъ, от братопенавидения, и от сребролюбия, и в неправду судящих, и от насильа», – поясняет автор повести причины «нахождения» «безбожных». Однако, в отличие от традиционного представления о роли «попущения Господнего за грехи наши» как силы, действующей по

⁸⁷ Сказания и повести... С. 18.

⁸⁸ Среди значений слова «напрасно» – «стремительно», «поспешно», а также «опрометчиво», «стильно», «жестoko», «насильственно», «попусту» и др. См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 192–193.

причине неискоренности «грехов» (ср. с размышлениями Серапиона Владимирского о том, что *«мы же одинако не покаяхомся»*⁸⁹), в пространном рассказе о Куликовской битве появляются рассуждения о «милосердии Господнем», избавляющем русских людей от насылаемых им же Самим наказаний. *«Нъ милосердь бо есть Богъ человеколюбецъ: не до конца прогневається на ны, ни въ веки враждуетъ»*⁹⁰.

Интересно, что в пространной Повести отсутствуют упоминания об искоренности «грехов». Книжник обращает внимание на *«милосердие Божие»*, а вовсе не на людское исправление (*«хотя человеколюбивый Богъ спасти и свободити род крестьяньский»*). Судя по всему, как раз в таком подходе и заключались представления эпохи о сущности *«духовной ситуации»* на Руси: *русское общество уже не осознается книжником в качестве погрязшего в прегрешениях. Однако вместе с тем летописец еще не осмеливается говорить об исправлении, очищении русских людей от присущих им «беззаконий»*. В качестве своеобразного компромисса автором Повести предлагается идея, объясняющая причины завершения «кары Господней» милосердием Божиим – тем, что Господь *«ни въ веки враждуетъ»*.

Именно в этом контексте следует рассматривать заимствованные из краткого известия «О великом побоище, иже на Дону» рассуждения о том, что в качестве фактора, решившего исход противостояния в пользу русских, выступает *«заступничество Божие»*. С самого начала похода Дмитрия Ивановича навстречу Мамаю, как указывает летописец, *«Господь Богъ единъ въжааше его, не бе с ними (с русскими. – В. Р.) Богъ чюждь»*⁹¹; перед самой битвой великий князь, призывая свои полки к бою, произносит «слово псаломское»: *«Братъе, Богъ намъ – прибежище и сила»*⁹². В решающий момент противостояния *«призри Господь милостивыма очима на вси князи рустии и на крепкие воеводы и на вся крестьяны и дрзнувше за крестьянство и не устрашившеса, яко велиции ратници»*. И «ангели» и «святых мученикъ полкъ» («воина Георгия и славнаго Дмитриа и великих тезоименитых Бориса и Глеба, в них же бе воєвода свершеннаго полка небесных вой архистратиг Михаил») начинают помогать «крестьяном»⁹³. Татары бегут под ударами наступающих русских, *«гоними гневом Божиимъ, и страхом Божиимъ одръжыми суще»*, поскольку *«Богъ бо невидимую силою устраши полки тотарьски»*⁹⁴. В Повести неоднократно подчеркивается, что именно Бог *«заступил», «защитил», «избавил»*

⁸⁹ ПЛДР. XIII век. С. 440 и др.

⁹⁰ Сказания и повести... С. 22.

⁹¹ Там же. С. 20.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 21.

⁹⁴ Там же.

русских от «поганых»⁹⁵. Разбив Мамаю, русское войско возвращается «въ богохранимый град на Москву»⁹⁶ и т. д.

Таким образом можно говорить о том, что восприятие монголо-татар автором Повести, во многом опираясь на традиционные представления об ордынцах, вместе с тем являлось итогом самостоятельной авторской рефлексии по поводу феномена движущихся на Русь иноплеменников. Действительно, в оценках пространного летописного рассказа о Куликовской битве татары – «иноплеменники»; они – «враги» и «супостаты»; «поганые» и «сыроядци»; «нечестивые» и «беззаконии» «агаряне»; «безбожные»; «погании измаилтяне», «измаилтеский род»; «погании половцы»; «сыны агарины»; «нечестивые измаиловичи»; «содомляне» («имения» у них – «содомские»). Однако, не ограничиваясь простым перечислением эпитетов татар, автор Повести дает объяснение всем приведенным определениям «колен тотарских». «Великая рать Мамаева, и вся сила тотарская» – «сила тотарская и половецкая» (а вместе с ними и «поганая Литва», а также возглавляемые князем Олегом рязанци) – в его представлении является «царством, творящим беззаконие»⁹⁷. Тем самым летописец не только еще раз подчеркивает незаконный характер описываемого им нашествия Мамаю-узурпатора, но и указывает на сущность «поганых» вообще.

Новой чертой в восприятии монголо-татар в целом и Мамаю в частности является указание на дьявольскую сущность предводителя «поганых». В пространной Повести Мамаю назван воплощенным дьяволом: «великий князь насха наперед на... нареченнаго плотнаго⁹⁸ дьявола Мамаю»⁹⁹, а его союзник – Олег Рязанский – «дьяволовым светником»¹⁰⁰. Прямое именование предводителя татарского войска «дьяволом», пожалуй, впервые встречается именно в рассматриваемом произведении древнерусской литературы. До этого указания на связь «поганых» с дьяволом появлялись эпизодически и носили неявный характер (в рассказе Ипат. о нашествии Батыя татарам, как мы помним, приписываются лишь некоторые черты «лукавого», главной из которых является «лесть»¹⁰¹).

В пространном летописном рассказе о Куликовской битве значительное внимание уделено союзникам Мамаю – рязанскому князю Олегу и литовскому князю Ягайло. В повествовании они названы «треглавными зверми сыроядцами». Дмитрий Иванович призывает Господа в помощники для борьбы

⁹⁵ Сказания и повести... С. 22–23.

⁹⁶ Там же. С. 23.

⁹⁷ Там же. С. 17.

⁹⁸ Здесь «плотный» в значении «воплощенный». См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 103–104.

⁹⁹ Сказания и повести... С. 20.

¹⁰⁰ Там же. С. 16.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778–782.

с «оканным сыроядцем Мамаем», «нечестивым Ягайлом», «отступником Олгом»; в молитве великий князь перечисляет «врагов наших» – «не токмо тотарове, но и литва, и рязанци». По словам Дмитрия, «всташа на нь три земли, три рати: первое – тотарьская, второе – литовьскаа, третье – рязаньскаа»; Господь спасает «род крестьяньский» «от поганого Мамаея», «нечестиваго Ягайла», «от велеречеваго и худаго Олга Рязаньскаго» и др.¹⁰²

Подобный ряд врагов создает впечатление, что для книжника не имеет особого значения этническая и конфессиональная принадлежность противников Дмитрия Ивановича; те подчас выступают как *триединое* («треглавное») *целое*, состоящее из врагов «крестьянства» вообще. Это тоже один из новых аспектов восприятия татар. К перечисленным вслед за краткой летописной повестью «ратям» («бессермены, и армены, и фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы»), так сказать, «по определению» входящим в «*силу тотарьскую и половецкую*», добавляются практически неотличимые по своим качествам от татар, но все-таки «*иные*» – союзники «поганных» литовцы и рязанцы. Они участвуют в походе «на великого князя Дмитрия Ивановича и на брата его Владимира Андреевича» «с Мамаем *вкупе, въ единомыслии, въ единой думе*»¹⁰³.

Характерно, что, если «поганая литва» осознается автором пространной Повести как «*чуждой*» («*не-наши*») *этнос* (в рассказе говорится, что литовцы «токмо имени его (Дмитрия. – В. Р.) бояхуся и трептаху», «не яко при понешних временех – литва *над нами* издеваются и поругаются»¹⁰⁴), то Олег Рязанский характеризуется как «*свой*», болсе того – православный, но только *отступивший от веры*. Характерно, что «худый Олег Рязанский» назван автором «*не снабдевиим своего крестьянства*», «*отпадшим сана своего от Бога*», «*кровопивцем крестьянским, новым Иудой предателем*», который «*на своего владыку бесится*», а также «*Святополком новым*», «отступником *нашим*, отступившим от света въ тму»¹⁰⁵.

* * *

В пространным рассказе о Куликовской битве, вслед за краткой летописной повестью, внимание читателей акцентируется на том, что «*беззаконие*» Мамаея послужило главной причиной нашествия. Вместе с тем книжнику удастся найти компромиссный вариант при решении проблемы относительно того, каким образом завершается «гнев Божий», проявлявшийся в том числе и в «нахождении поганных» на Русь. По мнению летописца, несмотря

¹⁰² Сказания и повести... С. 16, 18, 20.

¹⁰³ Там же. С. 16.

¹⁰⁴ Там же. С. 22.

¹⁰⁵ Там же. С. 16–18.

на неосуществившееся исправление русского общества от грехов, Господь все-таки помогает русским победить полчища ордынцев и их союзников. «Милосердие Божие», проявившееся в посланном русским полкам заступничестве «небесных сил», выступает в Повести в качестве главного фактора победы. Однако, как оказывается, помощь «свыше» отнюдь не «бескорытна». Русские получают поддержку Господа, поскольку среди прочего стремятся «постыдить и посрамить» противников христианства – татар¹⁰⁶, «да не ркут невернии: “Где есть Богъ ихъ?”»¹⁰⁷.

Цель русскими явно достигнута, при этом причины ее достижения под конец оказываются понятными даже «поганым» (Мамай «рече: “великъ Богъ крестьяньский и велика сила его”»¹⁰⁸). Образ татар несколько размыт за счет введения в рассказ фигур Мамаевых союзников: последние получают характеристики, схожие с теми, которые даются татарам. В значительной степени ни этническая, ни конфессиональная принадлежность «поганых татар» практически не привлекают интерес книжника. В гораздо большей степени его интересует тема «заступничества Божия» и наказания «беззаконных». В полном объеме эта тема получает развитие в наиболее позднем произведении о Куликовской битве – «Сказании о Мамаевом побоище».

«Поганые» в «Сказании о Мамаевом побоище»

Восприятие монголо-татар в «Сказании о Мамаевом побоище» во многом было predetermined стержневой, программной темой произведения – темой победы русских над «безбожными», победы, достигнутой благодаря Божьему милосердию и заступничеству «небесных сил». В краткой форме основная фабула повествования дана автором «Сказания» уже в заглавии Осн.: «Начало повести, како дарова Богъ победу государю великому князю Дмитрею Ивановичю за Даномъ над поганым Мамаем, и молением Пречистыя Богородица и русьских чюдотворцевъ православное христианство – Русскую землю Богъ възвыси, а безбожных агарянь посрами»¹⁰⁹.

Указанная идея развивается во всех ранних (Осн. и Летоп.) редакциях памятника: «возвыси Богъ род христианский, а поганых уничижи и посрами их суровство, яко же въ прежние времена Гедеону над мадиамы и преславному Моисию над фараоном»¹¹⁰. Таким образом, борьба Дмитрия и Мамаю, получившая в пространной летописной Повести вполне определенные – вероисповедные – оттенки, в «Сказании» приобретает законченный

¹⁰⁶ Сказания и повести... С. 17.

¹⁰⁷ Там же. С. 18.

¹⁰⁸ Там же. С. 21.

¹⁰⁹ Там же. С. 25.

¹¹⁰ Там же. С. 25; ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 125.

вид как *борьба православия с «поганством»*, борьба, в которой заступничество Божье выступает в качестве решающей силы, предопределившей исход битвы.

Действительно, автор «Сказания», по-видимому, исходил из того, что главная цель Мамаю – *«разорение» и «осквернение» православной веры*. Темник идет *«разорити православную веру и осквернити святые церкви»*, при этом *«всему христианству хоцеть покорену от него быти, яко не славилу Господне имя в людех Его»*. При этом сам Мамай назван в рассказе *«злый христьянский укоритель»* (Осн.), *«злый христьянский ненавистникъ и разоритель»* (Летоп.), *«злый христьянский искоренитель»* (Распр.)¹¹¹. *«Поганый» «ратует на христианство»*, идет на Русь, *«нсуклонно яряся на христианство и на Христову веру»*¹¹². В результате его нашествия, как полагает Дмитрий Иванович, может *«погибнуть оставшее»* (после предыдущих побед «поганых». – В. Р.) *христианство»*¹¹³. Косвенным подтверждением того, что, по мнению древнерусского книжника, замыслы Мамаю имели антиправославную направленность, является характеристика, данная автором «Сказания» действиям союзников «поганого» темника – литовского и рязанского князей. *«Ныне же едина вера, едино крещение, а къ безбожному приложишася въкуле гонити православную веру Христову»*, – пишет автор «Сказания»¹¹⁴.

В соответствии со своими представлениями об антихристианской направленности похода Мамаю книжник дает крайне не лестные эпитеты самому темнику и всему его воинству. Вообще, по мнению Л. А. Дмитриева, в «Сказании» *«противопоставленис русским татар проведено чрезвычайно прямолинейно»*, отсюда и образ Мамаю, как полагает исследователь, *«строится как антитеза Дмитрию Донскому»*¹¹⁵. В «Сказании» Мамай назван *«нечестивым царем», «поганым», «безбожным», «идоложрецом и иконборцем», «ненавистником и врагом роду христианскому», «свирым зверем»,* который, *«аки лев ревый пыхаа, аки неуголимая ехыдна глевом дыша»*, идет на Русь. Мамай в описании автора повествования *«еллинь верою»*, он действует будучи *«ослепен умом, того бо не разуме, како Господу годее, тако и бысть»*. Татары под стать своему предводителю названы *«безбожными агарянами», «безбожными половцами»* (иногда два эпитета соединяются в *«безбожные половци агаряны»*), *«безбожными печенегами», «погаными татарами», «погаными измашлянами», «пога-*

¹¹¹ Сказания и повести... С. 25, 73. Ср.: ПСРЛ. Т. 26. С. 125–126.

¹¹² Там же. С. 26, 28; ПСРЛ. Т. 26. С. 126.

¹¹³ Там же. С. 33.

¹¹⁴ Там же. С. 28; ПСРЛ. Т. 26. С. 128.

¹¹⁵ Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. II. М., Л., 1955. С. 151.

ными нечестивыми половецкими», «языком половецким», «нечестивыми», «погаными супостатами», «супротивными», «злыми сыроядцами». Татары («великая сила татарская»¹¹⁶) многочисленны: Мамай «мнози орды къ своему великому воинству съвокупи»¹¹⁷, «безбожный» «грядеть... съ многими ордами и съ всеми силами»¹¹⁸, «неисчетно многое множество въинства его силы, никому не мощно исчести»¹¹⁹, во время битвы «мнозим полкам поганых» «от великия силы несть бо имъ места, где разступитися»¹²⁰.

Отличительной чертой «Сказания о Мамаевом побоище» является именование ордынского темника Мамая царским титулом (союзники Мамая именуют его «великим царем», «всесветлым царем», «волиым царем» «царям царем»; русские же – «безбожным», «поганым», «нечестивым», но все-таки «царем»). В тексте произведения мы практически не встречаем иных вариантов титулования «поганого» (всего лишь однажды, да и то – в тексте одной только Осн., Мамай назван «князем от всточныа страны») ¹²¹. Весьма показательно, что составитель «Сказания» в данном случае существенно изменил, так сказать, «формуляр» своего основного источника – пространной летописной Повести. (в ней Мамай, как мы помним, назван «ординским князем», который никоим образом «царем» не является, а, наоборот, таковым лишь себя «мнит» – «разгордевся, мневъ себя аки царя»¹²²). Судя по всему, произведенная замена титулатуры не была случайной. Введение в текст указаний на якобы «царский» статус Мамая связано с вполне сознательным стремлением автора обратиться к актуальной для своего времени теме противостояния русского великого князя ордынскому «царю».

Именно с этим связано появление в устах Олега Рязанского фразы, характеризующей изменения, произошедшие в восприятии «царской» власти на Руси. «Азь чаях по преднему, яко не подобает русским князем противу всточнаго царя стояти», – объясняет причины своего предательства союзник Мамая. Интересно, что рязанский и литовский князья очень надеялись на то, что Дмитрий поступит традиционно – так, как «подобает» вести себя князю перед лицом «царя»: «егда услышитъ князь Дмитрий *царевъ* приход... ть *отбежыть* с Москвы въ Великий

¹¹⁶ Указанное чтение представляет собой заимствование из «Задонщины». См.: Сказания и повести... С. 33, 45.

¹¹⁷ Там же. С. 26.

¹¹⁸ Там же. С. 28.

¹¹⁹ Там же. С. 37.

¹²⁰ Там же. С. 43.

¹²¹ Там же. С. 25. В аналогичном месте Летоп. читается: «царь от всточныа страны» (см.: ПСРЛ. Т. 26. С. 125), то же чтение представлено и в Распр. (см.: Сказания и повести... С. 73). Всего в Осн. титулом «царь» Мамай назван более 40 (!) раз.

¹²² Там же. С. 16.

Новъград или на Белоозеро, или на Двину»¹²³. Дмитрий же, вопреки ожиданиям своих врагов, все-таки решается оказать отпор Мамаю. «Ныне убо что разумею?» – вопрошает обескураженный непривычностью поступка Дмитрия рязанский князь¹²⁴.

Итак, автор «Сказания», сознательно вводя в повествования «царскую» титулатуру Мамаю, затрагивает весьма актуальную для своей эпохи (конец XV – начало XVI века) тему возможного противостояния ордынскому «царю»¹²⁵. Именно для введения в рассказ этой острейшей для своего времени темы книжник пренебрег исторической достоверностью, отказался от следования фабуле своего главного источника. Проблема борьбы с «царем» автором «Сказания» решается положительно: по его мнению, с ордынским «царем» можно и даже должно бороться. Указанная модальность проистекает хотя бы из того, что Мамай является «безбожным царем», «нечестивость» власти которого не требует особых доказательств. С другой стороны, низведение «царского» достоинства Мамаю сочеталось у автора памятника с превознесением статуса Дмитрия Ивановича. Русскому великому князю часто приписываются несвойственные ему в реальной жизни «царские» черты. Так, Мамай заявляет о том, что в грядущей битве ему предстоит сражаться с *царем*, «подобным» ему самому¹²⁶; Дмитрий перед боем слагает с себя «приволеку *царьскую*» и передает ее Михаилу Бренку¹²⁷; русские воины после битвы желают, чтобы «князь великий Дмитрей Иванович» «здравъ» был и «*царствовал во веки*»¹²⁸.

Подобный подход к теме противостояния «царю» сближает рассматриваемое произведение с памятником, возникшим примерно в одно и то же время со «Сказанием» и целиком посвященным оправданию борьбы великого князя с законным чингисидом – «Посланием Вассиана Рыло на

¹²³ Сказания и повести... С. 26, 27. О представлениях того времени о должном поведении великого князя перед лицом нашествия «поганых» см.: Приложение 2.

¹²⁴ Сказания и повести... С. 35, 89; ПСРЛ. Т. 26. С. 134. Особый иерархический статус Мамаю косвенно подтверждает митрополит Киприан, к которому Дмитрий Иванович приходит за советом накануне похода. Киприан советует Дмитрию «тех нечестивых дарми утолти четверицю сугубь», а если это не поможет («аще того ради не смирится»), «нино Господь его смиритъ, того ради Господь грьдым противитя, а смиреннм благодать дает» (см.: Сказания и повести... С. 28–29). Несмотря на то что митрополит сначала ведет речь о татарах вообще («тех нечестивых»), ясно, что главным образом он имеет в виду именно Мамаю (Господь «его» должен смиритъ). В приведенном пассаже «просвещенный митрополит» предлагает великому князю задобрить «царя», оставив Господу прерогативу «смирить гордого» темника.

¹²⁵ Характерно, что в поздней Кипр. приведенная реплика Олега Рязанского до неузнаваемости изменена – вместо ссылки на невозможность противостояния Мамаю по, так сказать, причине иерархического неравенства «князя» и «царя» рязанский князь удивляется возможности борьбы с «таковым *сильным* царем». См.: Там же. С. 59.

¹²⁶ Там же. С. 28.

¹²⁷ Там же. С. 41.

¹²⁸ Там же. С. 46.

Угру»¹²⁹. Таким образом, автор «Сказания» заменяет присущую концепции пространной летописной Повести и не требующую особых комментариев тему борьбы с нелегитимным правителем более актуальной для своего времени проблемой возможного противостояния «нечестивому» «царю».

Автор «Сказания», вслед за составителем пространной летописной повести, связывает движение «поганых» на Русь с происками *дьявола*. Весьма показателен в этой связи перенос на татар некоторых характеристик «лукавого» – «*супостаты*»¹³⁰, «*злые христианские укорители*» и др. Именно «*дьявол наустит*» Мамай, «*како разорити православную веру и осквернити святая церкви*»¹³¹; именно будучи «*дьяволом* непрестанно палим», Мамай собирается в поход¹³²; видя, что русских больше, чем татар, тем не менее продолжает подготовку к битве, будучи «*разжень дьяволом на свою пагубу*»¹³³. Мамай не только действует «*от наваждения дьяволя*», по «*подстрекательству дьяволя*» (подобное представление о поведении татар было свойственно и в предшествующий период ряду древнерусских книжников, например, автору «Повести о Михаиле Тверском»¹³⁴), в силу чего и «*вниде въ сердце его напасть роду христианскому*», но и *сам приобретает явно дьявольские черты*¹³⁵.

Согласно тексту памятника, «безбожный Мамай» движется на Русь «*акы левъ ревый пыхаа, акы неутомимая ехыдна гневом дыша*»¹³⁶. Подобное сравнение со львом, как показал А. С. Орлов, судя по всему, восходит к фразе Первого послания апостола Петра: «*супостат ваш дьявол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити*»¹³⁷. Кроме того, в приведенном отрывке, по мнению А. С. Демина, автор памятника «заклеймил Мамай» тем, что «обозначил злобный звериный мирок, со свирепыми животными, готовыми броситься на людей». Дело еще и в том, что «ни в зоологической реальности, ни в литературной традиции лев и ехидна не были дружны, они действовали воедино лишь в данном отрывке текста»¹³⁸. Сравнение

¹²⁹ См.: Горский А. А. О титуле «царь»... С. 208–210; *Он же*. «Всего еси исполниса земля Русская...» С. 145–149.

¹³⁰ Срезневский И. И. Материалы... Т. 3. СПб., 1912. Стб. 620–621.

¹³¹ Сказания и повести... С. 25. Ср.: ПСРЛ. Т. 26. С. 126.

¹³² Сказания и повести... С. 26; ПСРЛ. Т. 26. С. 125.

¹³³ Сказания и повести... С. 38; ПСРЛ. Т. 26. С. 137.

¹³⁴ Ср.: Охотникова В. И. Пространная редакция... С. 18–19.

¹³⁵ По мнению Л. А. Дмитриева, надселение Мамай дьявольскими чертами призвано было усилить противопоставление «поганого» Дмитрию Ивановичу, поскольку «за всеми его (Дмитрия. – В. Р.) поступками и делами стоит Бог». См.: Дмитриев Л. А. Публицистические идеи... С. 151.

¹³⁶ Сказания и повести... С. 26, 48; ПСРЛ. Т. 26. С. 126.

¹³⁷ I Петр. 5: 8. См. подробнее: Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902. Кн. 4. С. 30; Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 89.

¹³⁸ Демин А. С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 111; *Он*

же Мамаю с дьяволом находим и в молитве Дмитрия Ивановича: «да не приидеть на нас рана смертна и рука грешнича да не погубить нас»¹³⁹. Судя по всему, приведенная фраза восходит к текстам Псалтыри, где под «грешником» также подразумевается дьявол¹⁴⁰.

Однако цели «поганого» не исчерпываются стремлением «истребить христианство». Не последнее место занимают, так сказать, «личные мотивы» Мамаю: в нашествии на Русь он ищет удовлетворения своей гордыни и корыстолюбия¹⁴¹. Мамаю движется на Русь, начав «хвалитися и поревновать... царю Батыю», «ревнуя безглавному Батыю». Однако, не желая «тако сътворити, яко же Батый» (т.е. ограничиться только «пленением» и «разграблением»), он стремится осесть на Руси, овладеть ее городами («егда доиду Руси и убью князя их, и которые грады красные довлеють нам, и ту сядем и Русью владесем, тихо и безмятежно поживемъ»), обогащаясь («пойдем на Русскую землю и обогатеемъ русскимъ златом!») и паразитируя («да не пашет ни единъ васъ хлеба, буди готовы на русския хлебы!»)¹⁴². О корыстных устремлениях Мамаю осведомлен и его союзник – Олег Рязанский, который так же, как и «царь», стремится извлечь выгоду из создавшейся ситуации. Призывая Мамаю идти «на своего служебника князя Дмитрия», Олег сообщает темнику, что время для выступления «приспело»: «злата и сребра и богатства много наплънися земля Московская и всякого узорочья твоему царству на потребу». По мысли Олега, как только Дмитрий узнает о нашествии Мамаю («егда услышитъ имя ярости твоя»), «отбежитъ в дальния отоки своя», а «многое богатство московское и злато – все в твоих руках будетъ и твоему войску на потребу»¹⁴³.

Для «Сказания о Мамасвом побоище», как, в общем-то, и для всех памятников «куликовского цикла», характерно выпячивание фигуры предводителя ордынского войска в ущерб всем остальным татарам. Мамаю (его личные свойства, его эмоции и амбиции) в преобладающем большинстве случаев предстает в качестве собирательного образа «безбожных». Помимо Мамаю всего лишь несколько представителей его воинства описаны на страницах «Сказания», и лишь эпизодически речь идет о проявлении самостоятельных действий или помыслов «поганых» вообще (в большинс-

же. Древнерусская литературная анималистика... С. 98–99. Ср.: Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М., 2000. С. 111–113, 159–162.

¹³⁹ Сказания и повести... С. 32; ПСРЛ. Т. 26. С. 132.

¹⁴⁰ Пс. 70: 4; 81: 4; 96: 10; 139: 4–5. Ср.: «слово “грешный” в славянских переводах ветхозаветных текстов очень часто обозначает “дьявол” (синоним – “лукавый”)». См.: Дмитриев Л. А., Лихачева О. П. Историко-литературный комментарий... С. 397.

¹⁴¹ Ср.: Дмитриев Л. А. Публицистические идеи... С. 151.

¹⁴² Сказания и повести... С. 25–26, 28, 73–74. Ср.: ПСРЛ. Т. 26. С. 126.

¹⁴³ Там же. С. 26, 74; ПСРЛ. Т. 26. С. 126.

тве случаев татары действуют под руководством Мамаю; о них в основном упоминают сами русские – главным образом Дмитрий Иванович).

Так, татары проявляют себя в качестве захваченных в плен «языков»: в обоих случаях, когда упоминаются пленники, русские «сторожи» захватывают не простых татар, а «языков нарочитых», «языков царева двора», «сановитых мужей». Захваченным в плен татарам автор «Сказания» не дает каких-либо характеристик, кроме указанных выше. Это пассивные фигуры, они лишь отвечают на вопросы великого князя¹⁴⁴.

Кроме того, в сюжете, посвященном поединку русского воина Александра Пересвета с татаринцом, описывается один из представителей «поганых», названный «злым печенегом». Накануне поединка этот татарский воин «пред всеми мужество являет». Автор специально подчеркивает богатырское телосложение татарина – он «подобен древнему Голиаду: пяти сажень высота его, а трех сажень ширина его». В отличие от традиционных оценок ордынцев в рассказе о поединке «печенег» не получает каких-либо негативных характеристик со стороны книжника, кроме упоминания о том, что он «злой». Более того, Пересвет вполне нейтрально называет своего будущего противника «человеком»: «сей человек ищет подобна себе, аз хошу с нимъ видетися!» В ходе поединка погибают оба противника, и автор «Сказания» никак не выделяет ни русского «старца», ни татарского воина: он пишет о том, что «оба спадше с коней на землю и скончашеся»¹⁴⁵. Лишь рассказывая о том, как после сражения Дмитрий Иванович, объезжая поле брани, находит тела обоих воинов, книжник все-таки называет татарского богатыря «поганым печенегом, злым татаринцом», от которого «многие люди» могли бы «испити смертнаа чаша». В этом месте вновь подчеркиваются необычайные физические данные убитого «печенега» – «великий, силний, злый татарин» лежал «аки гора»¹⁴⁶.

Судя по всему, особое значение автор памятника придавал размышлению о посмертной судьбе участников сражения. Многократно возвращаясь к этой теме, книжник отдельно рассматривает «перспективы» «поганых» и «перспективы» русских. Таким образом, противопоставление христиан и «безбожных» происходит не только в плоскости их земной жизни, но и переносится автором «Сказания» на их посмертную участь. По мнению автора произведения, и татарам, и русским их посмертная судьба как бы известна заранее; и те, и другие проявляют осведомленность относительно того, что их ждет впереди. В наибольшей степени фатализм героев памятника проявляется в описании поведения русских и татар накануне битвы. Если русские – «правовернии человеки» – демонстрируют мужес-

¹⁴⁴ Сказания и повести... С. 30, 37.

¹⁴⁵ Там же. С. 43.

¹⁴⁶ Там же. С. 47.

твенное отношение к возможной физической смерти, радуются, предвкушая возможность обрести «прекрасные венцы», олицетворяющие «вечную жизнь», то татары «съ многим студом омрачатся о погибели живота своего». «Понеже, – поясняет книжник, – *убо умре нечестивый, и погыбе память их с шумом*»¹⁴⁷. Татары не ошибаются в своих прогнозах: после сражения, «уведаша свою погыбель», они «бежаще, кричаху, глаголюще: “увы нам, честный наш царю Мамаю! Вознесе бо ся высоко – и до ада сшелъ еси!”»¹⁴⁸

Указанные фразы, вложенные в уста «поганым», вполне перекликаются с мыслями автора «Сказания» о том, что «безбожные» не только лишаются «живота», но и попадают на «вечные муки» в «сеенну огненную», а христиане в случае смерти обретают «вечную жизнь»¹⁴⁹. Действительно, посмертная участь русских существенно отличается от удела татар. Дмитрий Иванович, призывая русских князей встать на защиту *веры*, заявляет о том, что «аще кто еа (веры. – В. Р.) ради постражетъ, то въ оном *веще съ святыми пръвомучившимися по вере Христове причтенъ будетъ*»¹⁵⁰. Дмитрий указывает на то, что русские идут на бой, «подвизаются» «не земного ради живота, нъ небесныа почести желающе»¹⁵¹, «чающе себе *бесмертнаго иного прменения*»¹⁵². И поэтому само участие в битве с «погаными», по мысли великого князя, будет вознаграждено «венцами от Христа Бога» и спасением «душамъ нашимъ»¹⁵³. Смерть же на поле боя, полагает Дмитрий Иванович, «не проста, ни без ума нам сия смерть, нъ живот вечный»¹⁵⁴. Таким образом, в «Сказании о Мамаевом побоище» *противостояние татарам рисуется как исключительно богоугодное дело*. Борьба с «погаными», воспринимаемая как защита «христианства», выступаст в качестве гарантии получения «венцов нетленных» в будущей жизни, приобщения к «вечной жизни»¹⁵⁵.

Одной из наиболее важных тем «Сказания» является тема *Божьего заступничества* православным христианам. Монголо-татарской рати Мамаю противостоит не только Дмитрий Иванович, не только русская рать, но Бог с многочисленными «небесными силами». Согласно «Сказанию», важным условием победы является *призвание Бога на помощь*. С советом

¹⁴⁷ Сказания и повести... С. 38.

¹⁴⁸ Там же. С. 45.

¹⁴⁹ См.: Там же. С. 35.

¹⁵⁰ Там же. С. 30.

¹⁵¹ Там же. С. 36.

¹⁵² Там же. С. 37.

¹⁵³ Там же. С. 41.

¹⁵⁴ Там же. С. 35, 41.

¹⁵⁵ См. подр.: Горский А. А. Представления о защите Отечества... С. 11; Он же. «Всего еси исполнена земля Русская...» С. 62–69.

действовать, «призывая Бога», выступает благословляющий Дмитрия на битву Сергей Радонежский¹⁵⁶. Дмитрий Боброк, «испытывая приметы» накануне сражения, дважды рекомендует великому князю «призывать Бога на помощь»¹⁵⁷. Следуя советам преподобного Сергия и воеводы Боброка, Дмитрий Иванович призывает свои полки «уповать на Бога жива»¹⁵⁸; подчиняясь призыву великого князя, «всякъ въинь... кликнуша единогласно: “С нами Богъ!” – и паки: “Боже христианский, помози нам!”»¹⁵⁹. Обращение к христианскому Богу оказывается услышанным: в «Сказании» неоднократно говорится о снизошедшей на русские полки Господней помощи¹⁶⁰.

Обращение за помощью свыше свойственно и татарам. Они буквально повторяют призывы русских: когда христиане призывают Бога («Боже христианский, помози нам!»), «погани же половци *свои боги* начаша *призыватьи*»¹⁶¹; «безбожный» Мамай, «видевъ свою погыбель, нача *призыватьи боги своа*: Перуна и Салавата, и Раклиа и Гурса и великого своего пособника Махмета». Однако в отличие от русских, которым Провидение явно благоволит, «*не бысть ему (Мамаю. – В. Р.) помощи от них* (от «своих богов». – В. Р.), *сила бо Святого Духа, аки огонь, пожигаетъ их*»¹⁶². Таким образом, параллельно с противостоянием русских и татарских ратей в «Сказании» разворачивается противостояние христианского Бога с «поганскими» богами». Тем самым битва разворачивается как бы в двух плоскостях: плоскости реальной, где действуют рати, и плоскости трансцендентальной, где друг другу противостоят силы «мира невидимого». Отсюда и победа русских над «погаными» оказывается триумфом не только получившего поддержку свыше православного воинства, но и очередным доказательством силы Божьей перед лицом «супостатов».

Высшей точки своего развития тема заступничества «свыше» достигает в знаменитом рассказе о действиях *засадного полка*, возглавляемого князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и воеводой Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынцем¹⁶³. Указанный эпизод входит в число

¹⁵⁶ Сказания и повести... С. 31.

¹⁵⁷ Там же. С. 40.

¹⁵⁸ Там же. С. 39.

¹⁵⁹ Там же. С. 43. Судя по всему, указанный клич православных («с нами Бог!») во многом является этикетным. Значение его в том, что «слова сии возглашают в избытке радости познание пришествие Христова и разумевшие силу креста, страшную для язвы чии и ко в» (разрядка моя. – В. Р.). См.: Творения, иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Кападокийской. Толкования на пророка Исайю. Т. 5. Ч. 2. М., 1845. С. 294.

¹⁶⁰ Сказания и повести... С. 25, 31–32, 39, 40–46, 48 и др.

¹⁶¹ Там же. С. 43.

¹⁶² Там же. С. 45.

¹⁶³ Об особенностях восприятия победы над «погаными» в памятниках «куликовского цикла» см. Приложение 1.

оригинальных сюжетов «Сказания». Сам же рассказ о стоянии засадного полка в «дубраве» и его выходе на поле боя, несомненно, являет собой *кульминационный момент* всего повествования. Несмотря на это, смысл указанного известия практически не подвергался анализу.

Вступлению засадного полка в бой предшествовал известный разговор Владимира Андреевича с воеводой Дмитрием Боброком. Суть разговора касалась определения времени, приемлемого для выхода полка из засады. На определенном этапе сражения, видя, что «погании же начаша одолевати, христианския же полки оскудеша», и «не мога терпети» этого, серпуховской князь призывает воеводу немедленно выступить на помощь основным силам русских. Однако Боброк, ссылаясь на то, что время выступления еще не пришло, а всякий «начинаай без времени, вред себе приемлет», предлагает князю ждать до «времени подобна», поскольку именно тогда, по мнению Дмитрия Михайловича, Божественная благодать снизойдет на русских, поможет им разбить «поганных». Выбранное Боброком время оказывается «счастливым»: выскочивший по призыву воеводы засадный полк наносит решающий удар противнику, что и приводит к окончательной победе¹⁶⁴.

Анализ чтений различных вариантов ранних редакций памятника позволяет предположить, что в первоначальном виде «Сказания» Боброк, призывая Владимира Андреевича не спешить, точно определяет время будущего вступления в бой – «*осмой час*». Так, согласно чтениям большинства вариантов Осн., а также чтениям Лет. и Распр., Дмитрий Боброк точно определяет срок наступления этого «времени»: «*Осмого часа ждите*, – призывает он серпуховского князя, – *в он же имать быти благодать Божия*»¹⁶⁵. Когда же «приспе... час осмый», согласно тексту памятника, «*абие духъ южны потягну ззади их*». После этого «воспи Волынецъ гласом великим князю Владимиру: “час прииде, а время приближися”. И паки реч: “братия мои и друзи, держайте, *сила Святаго Духа помогает нам*”»¹⁶⁶. После этих слов в «Сказании» следует описание выхода засадного полка, а также разгрома и бегства татарских войск.

Приведенные детали («дух южны», «осмой час»), вероятно, не соотнеслись с реальными обстоятельствами Куликовской битвы. Функция этих деталей – знаковая. Судя по всему, упоминание «духа южного» было связано с необходимостью описать сцену не батальную, а *провиденциальную*, сцену, где «*дух южный*» означал собой сошествие на помощь русским «силы Святого Духа». Семантическая близость «южного духа»

¹⁶⁴ Сказания и повести... С. 44, 99; ПСРЛ. Т. 26. С. 142.

¹⁶⁵ Сказания и повести... С. 99; ПСРЛ. Т. 26. С. 142.

¹⁶⁶ Сказания и повести... С. 44, 99, 123; ПСРЛ. Т. 26. С. 142; «Сказание о Мамасовом побойце». Историко-литературоведческий очерк. Кн. I. М., 1980. С. 94.

и «Святого Духа» актуализировала именно знаковую функцию исследуемого чтения.

Упоминание «духа южного» получало особенное звучание еще и потому, что восприятие юга как богоизбранной стороны света, возможно, приобрело специфическую напряженность именно в день Рождества Пресвятой Богородицы, когда и произошло заступничество небесных сил русским воинам на Куликовом поле. Таким образом, можно предположить, что «дух южный», будучи не связан с реальным южным ветром Куликовской битвы, являл собой подчеркиваемое автором «Сказания о Мамаевом побоище» *знамение* снисходящей на православное воинство Божественной благодати. В этой связи упоминание «осмого часа» как времени, несущего на себе черты начала «вечной жизни», возможно, также имело особую символическую значимость еще и потому, что сами описываемые в памятнике события происходили в знаменательный для христианина день – *день Рождества Пресвятой Богородицы*. «Сказание», равно как и другие памятники Куликовского цикла, специально подчеркивает этот факт¹⁶⁷. Рождество Богородицы, согласно церковному Преданию, «ознаменовано наступлением времени, когда начали исполняться великие и утешительные обетования Божия о спасении рода человеческого *от рабства диавола*» (курсив наш. – В. Р.).

* * *

В «Сказании» пересекаются как бы *две плоскости интересов* «безбожных татар» вообще и «поганого Мамаю» в частности. Подчеркивая антихристианскую направленность действий «Мамаева воинства», автор произведения подчеркивает приземленность устремлений «поганных». В его восприятии Мамай, с одной стороны, походит в своих антихристианских замыслах на «царя Батюга», с другой стороны, имеет достаточно низменные интересы, делающие его непохожим на своего знаменитого предшественника. Если Батый «пленил Русскую землю», «взял Киевъ и Владимирь, и всю Русь, словенскую землю, и великого князя Юрья Дмитриевича (т.е. Юрия Всеволодовича. – В. Р.) убиль, и многих православных князей избиль и святыа церкви оскверни, и многи монастыри и села пожже, и въ Володимере въселенскую церковь златоверхую разграбиль»¹⁶⁸, то Мамай иначе видит конечную цель своих действий. Новизна устремлений «поганого» заключается в том, что он, стремясь «пленить Русь» и «убить князя», мечтает «тихо и безмятежно» осесть и обогащаться

¹⁶⁷ Сказания и повести... С. 10, 14, 20, 41, 62, 96; ПСРЛ. Т. 26. С. 139, 338.

¹⁶⁸ Сказания и повести... С. 25, 73; ПСРЛ. Т. 26. С. 126.

в Русской земле. Именно двойственность устремлений татар предопределила два уровня противостояния им.

Борьба с «погаными» разворачивалась, согласно представлениям автора «Сказания», как процесс соединения двух разновеликих, но однонаправленных сил: с одной стороны, «небесных сил», противостоящих антихристианским замыслам Мамаю и поэтому защищающих Русь от «безбожных», и, с другой стороны, русских войск во главе с Дмитрием Ивановичем, борющихся за торжество «православной веры христианской» над «погаными агарянами» и за «Русскую землю», олицетворяющую собой само православие.

Татары в «Сказании» в основном представлены образом самого Мамаю. Характеристики, относящиеся собственно к татарам, не выходят за рамки оценок их как подопечных темника. Лишь изредка автор «Сказания» пытается обнаружить, так сказать, индивидуальные черты, присущие ордынцам. Предводитель «поганых» Мамай (а вместе с ним, судя по всему, и все татары) в восприятии автора предстает в нескольких ипостасях: во-первых, он – «безбожный», борющийся против православной веры; во-вторых, он – «супостат», олицетворяющий силу, так или иначе имеющую отношение к дьяволу; в-третьих, он – «беззаконный», нарушающий установленные порядки, «царь», борьба с которым не только возможна, но и необходима, богоугодна. Доказательством праведности борьбы с ордынцами, возглавляемыми Мамаем, является заступничество «небесных сил», с помощью которых Господь осуществляет поддержку православному воинству в борьбе с враждебной христианству силой. Таким образом, в «Сказании о Мамаевом побоище» на первый план выходит тема вероисповедной борьбы христианства против «поганых». Именно развитие этой темы и предопределило характер восприятия монголо-татар автором повествования.

* * *

Восприятие монголо-татар в памятниках «куликовского цикла» было во многом предопределено неординарностью описываемого события – битвы, в которой «поганым» было нанесено столь сокрушительное поражение. Текстуальная близость памятников, а также сходство содержащихся в них оценок произошедшего повлияли на появление во всех произведениях цикла ряда общих для восприятия ордынцев черт. Для авторов всех без исключения памятников «куликовского цикла» очевидна антиправославная направленность действий татарского воинства. Отсюда происходило осознание книжниками борьбы с «погаными» в качестве богоугодного дела. Самыми яркими подтверждениями богоугодности сопротивления

«нечестивым» являются сентенции авторов произведений, посвященные будущей судьбе защитников православия. Всем им – и погибшим от рук «иноплеменных», и сохранившим «живот свой» – уготовлено посмертное воздаяние – «венци нетленные». Здесь во многом проявляется новизна восприятия борьбы с «погаными». Если в предшествующий период «мотив смерти за веру звучал в русской литературе в соответствии с общехристианскими представлениями о мученичестве – смерть отдельных людей, *не оказывающих сопротивления*, от рук иноверцев за приверженность христианству», то в памятниках «куликовского цикла» «массы людей идут за веру в бой с оружием в руках. Павшие в бою с татарами приравниваются к святым мученикам» (курсив наш. – В. Р.)¹⁶⁹.

Общей особенностью рассматриваемых памятников является практически полный отказ от традиционного для предшествующего периода восприятия нашествия как кары Господней «за грехи». С одной стороны, на место Божьего «попущения» как главной причины прихода «нечестивых» приходит объяснение нашествия как личной (корыстной и горделивой по своей сути) инициативы предводителя «поганых». Именно корысть и гордыня являются, в восприятии книжников, главными чертами Мамаю. С другой стороны, главенствующая в произведениях «куликовского цикла» тема «заступничества Божия» православным христианам вытесняет идею о неукупленной греховности русских. Помощь «небесных сил», в восприятии авторов цикла, выступает в качестве силы, решившей исход битвы в пользу «православных христиан». Не случайно эпизоды, посвященные, с одной стороны, обращениям русских князей за помощью к Богу и, с другой, описаниям сцен «заступничества Божия», занимают ключевые места в памятниках, служат кульминациями повествований.

В памятниках «куликовского цикла» характеристики татар как этноса по-прежнему достаточно трафаретны и малоинформативны. «Поганые» как бы находятся в тени своего предводителя Мамаю. Именно он воплощает в себе черты «безбожных», именно он (во многом – в личном качестве) противопоставлен Дмитрию Ивановичу, являясь его антиподом и главным противником. Мамаю как главе «поганых» приписывают огромное число негативных, в том числе и дьявольских, черт. Тем самым противостояние «поганства» и «христианства» переводится как бы в новую плоскость, углубляется: «поганые» выступают не просто в качестве «врагов веры» вообще, но и как самые отвязленные противники христианства и человеческого рода в целом – как силы дьявола.

¹⁶⁹ Горский А. А. Представления о защите Отечества... С. 11; Он же. «Всего еси исполнена земля Русская...». С. 68.

Немаловажной чертой татар в большинстве рассматриваемых памятников является *«беззаконность»* и их самих, и их предводителя Мамаю. Если для татар в целом *«беззаконность»* рассматривается как составная часть их характеристики в качестве *«поганых»*, то *«беззаконность»* Мамаю проявляется сразу в нескольких ипостасях. Во-первых, подчеркивается несправедливость его действий в отношении Руси и ее князей. Во-вторых, подвергается сомнению легитимность темника, претендующего (*«мнящего себя»*) на несвойственную ему роль верховного сюзерена русских земель. И, в-третьих, в *«Сказании о Мамаевом побоище»* оспаривается феномен власти ордынского *«царя»*, статус которого низводится путем констатации *«беззаконности»* власти самого Мамаю. Таким образом, в этом позднем отклике на события Куликовской битвы намечаются контуры сформулированной Вассианом Рыло концепции *«беззаконности ордынского царя»*, власть которого сомнительна и борьба с которым вполне легитимна.

ОЧЕРК ШЕСТОЙ

«Безбожные супостаты» в «Послании на Угру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло

События, связанные с походом на Москву хана Большой Орды Ахмата в 1480 году, получили широкий резонанс в русском общественном сознании конца XV – начала XVI века. На это, с одной стороны, повлиял тот факт, что «поход на московского князя, возглавляемый самим правителем Орды» являлся, в глазах русского общества той поры, событием крайне редким и потому уже требовавшим адекватного осмысления¹.

С другой стороны, во второй половине XV века в жизни страны, а самое главное в сознании русских людей происходят серьезные изменения, связанные с начавшимся переосмыслением роли Руси как центра не только русских земель, но и всего православного мира². Это, в свою очередь, не могло не повлиять и на переоценку русскими книжниками своих позиций по отношению к Орде, ханы которой долгое время выступали в качестве сюзеренов русских князей, и на восприятие монголо-татар, с которыми на протяжении многих десятилетий были связаны исторические судьбы Руси.

Наконец, самое главное – реальная возможность победы московского князя над правителем Орды в изменившихся условиях должна была знаменовать новый этап русской истории, и современники, судя по всему, это вполне отчетливо понимали. Все перечисленные обстоятельства и предопределили тот общественный интерес, с которым книжники сначала

¹ Как пишет А. А. Горский, «прежде было всего три такого рода предприятия – это походы Мамай 1380 года, Тохтамыша 1382 года и Едигея 1408 года. Во всех случаях они были вызваны невыполнением московскими князьями вассальных обязательств, в первую очередь уплаты “выхода”. Для того чтобы на Москву двинулся “сам царь”, нужны были веские причины...». См.: *Горский А. А.* О времени и обстоятельствах освобождения Москвы от власти Орды // *ВИ.* 1997. № 5. С. 29.

² См., напр.: *Кудрявцев И. М.* «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // *ТОДРЛ.* Т. 8. М.; Л., 1951. С. 167–171.

наблюдали, а потом и описывали произошедшие на Угре события. Таким образом, цикл произведений, посвященных «Угорщине», прежде всего Послание Вассиана Рыло, подводят итог размышлениям древнерусских писателей о монголо-татарах и феномене их власти на Руси.

Как справедливо отмечал И. М. Кудрявцев, «русская публицистическая литература XV века не может быть оценена по достоинству без “Послания владычния на Угру к великому князю”»³. Произведение, в котором ростовский архиепископ Вассиан Рыло излагает свои взгляды на важнейшую для русского общества того времени проблему отношений с Ордой, вобрало в себя не только представления этого виднейшего деятеля православной церкви, но и идеи, над формулировкой и осмыслением которых трудилось не одно поколение писателей средневековой Руси. Именно в этом памятнике были окончательно сформулированы воззрения русских на власть ордынских «царей», на отношения Руси и Орды и многие другие проблемы, связанные с русско-татарскими контактами конца XV века. При этом, как отметил И. М. Кудрявцев, каждое выдвинутое книжником положение выступало не просто «как замысел автора, а как логическое осмысление текстов Священного Писания и писания Отцов Церкви», что придавало особый вес и исключительную доказательность предлагаемым Вассианом доводам. При этом архиепископ ориентировался в первую очередь *на хорошо известные великому князю и доступные широкой читательской аудитории* образы и сюжеты Священной истории⁴. Таким образом, излагая собственную точку зрения, Вассиан, судя по всему, опирался на широкое общественное мнение⁵; к нему, а не только к великому князю, он и апеллировал.

Итак, написанное в начале октября 1480 года на Дорогомиловском подворье⁶ и адресованное непосредственно Ивану III Послание Вассиана было рассчитано также и на широкий круг читателей. Прямых подтверждений этому нет, однако целый ряд идей, высказанных ростовским архиеписко-

³ Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло... С. 165.

⁴ «Кому, как не Вассиану Рыло, бывшему духовнику Ивана III и архимандриту придворного (Новоспасского. – В. Р.) монастыря» было известно о знакомстве великого князя с теми или иными библейскими текстами и сюжетами. См.: Там же. С. 166, 178.

⁵ См.: Синицина Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 118.

⁶ Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло... С. 163. Сомнения в подлинности произведения представляются неосновательными: памятник сохранился в рукописи конца XV в. (ОР РГБ. Ф. 178. № 3271. Л. 19 об. – 26). Текст древнейшего списка опубликован, см.: ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 522–537. Кроме того, текст Послания был включен в первую редакцию Вологодско-Иермской летописи, датированную 1499 г. По мнению Я. С. Лурье, «никаких черт позднего происхождения (анахронизмов, несовместимости с данными более ранних источников) послание не обнаруживает». См.: Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 182.

пом в Послании, нашел отражение в летописных записях о «стоянии на Угре»⁷. Кроме того, вскоре, примерно в 1499 году, Послание оказывается помещенным в текст первой редакции Вологодско-Пермской летописи⁸, а позднее – и в другие летописные своды⁹.

Обстоятельства создания памятника предопределили остро публицистический характер Послания. Судя по всему, произведение Вассиана Рыло было составлено в тот момент, когда Иван III под влиянием придворных группировок проявлял колебания относительно перспектив прямого противодействия войску Ахмата. Действительно, как показали исследования, в 1480 году в ближайшем окружении великого князя достаточно активно обсуждался вопрос о целесообразности борьбы с надвигающимся на Москву ханом. В связи с этим ряд лиц призывал Ивана III отказаться от военного противостояния с законным правителем Орды: по словам древнерусского книжника, эти люди «не думаячи противь татарь... стояти, и битися, думаячи *бежати прочь, а христианство выдати*»¹⁰. Сам Вассиан определял сторонников примирительно-пораженческой тактики как «льстивых», «шепчущих во ухо... еже *предати христьянство*». Еще резче называет их автор летописного рассказа о «стоянии на Угре»: «злые человеки – сребролюбцы, богатые и брюхатые, *предатели христианские*, а нарovníки бесерменские», «сам бо диавол их же усты глаголаше»¹¹.

⁷ «Наиболее ранними летописными памятниками, отражающими события 1480 года», по мнению Я. С. Лурье, «можно считать ростовский владычный свод, читающийся в Типографской летописи и в сходных с нею в этой части Прилуцком и Уваровском видах “Летописца от 72-х язык”, и летописные тексты, продолжающие московский великокняжеский свод 1479 года», представленные Московским сводом конца XV века по Уваровскому списку, Симеоновской летописью и др. Как показал Я. С. Лурье, великокняжеские своды опирались на ростовскую повесть, составленную в кругах, близких к Вассиану Рыло; их «повествовательная часть в основном идентична» рассказам летописных памятников, восходящих к ростовскому своду. См. подр.: Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV века // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955. С. 158–159; *Он же*. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 218–219; *Он же*. Две истории Руси XV века... С. 174–181. Ср.: Шахматов А. А. Обзорные русских летописных сводов XIV–XVI вв. М., Л., 1938. С. 295–296.

⁸ А. А. Шахматов допускал, что Послание могло быть включено в состав т.н. «ростовского владычного свода». См.: Шахматов А. А. Обзорение... С. 293. Ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 216–219.

⁹ Так, текст Послания содержится в Софийской II, Львовской и др. летописях XVI века. Общим источником указанных летописей являлся «Свод 1518 года», восходивший, судя по всему, к неофициальному своду 80-х годов XV века. См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 210–213, 223–240; *Он же*. Две истории Руси XV века... С. 183.

¹⁰ См.: Назаров В. Д. Конец золотоордынского ига // ВИ. 1980. № 10. С. 116; *Он же*. Свержение ордынского ига. М., 1983. С. 46–52; Гребенюк В. П. Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы I половины XV века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 61–62; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 94–104; Лурье Я. С. Две истории Руси XV века... С. 190–193.

¹¹ Здесь и далее летописный рассказ о «стоянии на Угре» цитируется по Типографской летописи. См.: ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 516.

Обращаясь с Посланием к своему духовному сыну – великому князю, ростовский владыка призвал Ивана III быть твердым в решении идти на борьбу с татарами. Необходимо отметить, что архиепископ Вассиан, обращался к великому князю *«ради спасения»* последнего¹². Таким образом, проблема выбора князя между отступлением, к которому его призывали оппоненты Вассиана, и противоборством с «погаными», за что выступал архиепископ, сразу же связывалась ростовским владыкой (духовником великого князя) с проблемой личного эсхатологического спасения Ивана Васильевича.

По мнению Вассиана, пришедшие во главе с Ахматом татары – *«безбожные варвары»*, *«бесермены»*, *«окаянные сыроядцы»*, *«суостаты»*, *«безбожный язык агарянский»*. Они приходят потому, что *«Богу тако изволишу нашего ради согрешения»*¹³. Ростовский владыка следует установившейся в литературе традиции – образ татар у него сливается с образом возглавлявшего их хана Ахмата, через отношение к которому и проявляется восприятие книжником ордынцев вообще. Однако не только традиция повлияла на то, что существенную часть своего Послания Вассиан посвятил характеристике ордынского хана и феномену его власти. Складывавшаяся в момент написания памятника ситуация, а также стоявшие перед архиепископом цели настойчиво требовали от Вассиана особого внимания именно к фигуре *«царя»*.

Действительно, основной задачей Послания было создание стройной системы доказательств в пользу легитимности открытой борьбы с ордынским ханом. Традиционное восприятие власти монголо-татарских *«царей»* опиралось на представления о ее божественном происхождении, а также на установившееся в обществе понимание той социальной иерархии, в которой статус *«царя»* оказывался выше статуса великого князя. Согласно политическим реалиям и ментальным установкам периода монголо-татарского ига, *«ордынский хан рассматривался как правитель более высокого ранга, чем великий князь владимирский, как его законный сюзерен»*¹⁴. К концу же XV века происходит кардинальный пересмотр характера власти великого князя. Начиная со времени Куликовской битвы меняется отношение к власти ордынских ханов. Указанные обстоятельства ставят перед ростовским владыкой задачу легитимизации нового

¹² ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 522.

¹³ Там же. Интересно, что в отличие от своих предшественников Вассиан, называя в качестве причины нашествия *«поганных»* *«Божье изволение»*, уточняет, что последнее происходит не за *«согрешения»* (plur.), а за *«согрешение»* (sing.).

¹⁴ См. подробнее: Горский А. А. О титуле *«царь»* в средневековой Руси // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 206–208; Он же. Москва и Орда. М., 2000; С. 87–89; Он же. *«Всего еси исполнена земля Русская...»* Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 134–149.

статуса великого князя, пересмотра существовавшей в сознании русских людей (и самого Ивана III¹⁵) иерархии отношений между правителями Руси и чингиссидами.

Высказываясь в пользу возможности борьбы Ивана III против Ахмата, Вассиан Рыло выстраивает свою аргументацию на противопоставлении фигур великого князя и ордынского «царя». Сравнение проводится как бы на трех уровнях: *функциональном, иерархическом и смысловом*.

Сопоставляя *функции* Ахмата и Ивана III *по отношению к подданным великого князя*, Вассиан Рыло отмечает принципиальное различие правителя Руси и ордынского хана.

В Послании «страшливый» Ахмат многократно именуется «окааным мысленным волком»¹⁶. По мнению великокняжеского духовника, ордынский хан («волк») пришел на Русь «*хотя разорити христьянство*», «*на потребление всему христьянству и святых церквей запустение и осквернение*»¹⁷, для того, чтобы «*исхитить словесное стадо Христовых овец*»¹⁸. В своих устремлениях Ахмат напоминает архиепископу Мамаю. Дело в том, что в поисках примеров достойного поведения великого князя ростовский владыка обращается к событиям предшествующей истории Руси: к сюжетам, посвященным борьбе русских с половцами, а также к рассказам о победе Дмитрия Донского на Куликовом поле. Весьма показательно, что для Вассиана определение «волк» применимо к обоим предводителям ордынских нашествий. Описывая борьбу Дмитрия Ивановича с ордынским темником, Вассиан называет Мамаю «*разумным волком*», который также стремится «*исхитить словесное стадо Христовых овец*»¹⁹. Определение врагов в «волчьем» качестве восходит к текстам Священного Писания²⁰. Обозначение неприятеля при помощи определения «мысленный, разумный волк» было достаточно распространено в древнерусской литературе и, судя по всему,

¹⁵ О том, что фраза Вассиана о нежелании Ивана Васильевича «поднимать руки против самого царя» (см.: ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 530) является не «литературным приемом, не имеющим реальной почвы», а констатацией наличия у великого князя своеобразного «комплекса царя», свидетельствует хотя бы тот факт, что Послание ростовского владыки было обращено *непосредственно к самому Ивану III*. Указанное обстоятельство лишало книжника возможности приписывать своему адресату не существующие у того мысли и представления (см.: Горский А. А. О титуле «царь»... С. 209. Ср.: Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси... С. 120). Кстати, именно нежеланием великого князя «поднимать руку против самого царя» объясняют авторы краткой и пространной Повести о нашествии Тохтамыша отъезд Дмитрия Донского из Москвы в Кострому в 1382 году (ср.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143–144; ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 192).

¹⁶ ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 524–530.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 524.

¹⁹ Там же. С. 528.

²⁰ Иоанн. 10: 12; Деян. 20: 29.

преследовало цель указать на явную *антихристианскую направленность действий* противника²¹.

В противоположность Ахмату, Иван III выступает в качестве *«пастыря»* русских людей²². По мнению Вассиана, обязанности великого князя по отношению к «врученному» ему Богом «стаду словесных овец» сродни пастырским функциям²³. В данном случае, стремясь отвратить Ивана III от соблазна бежать от надвигающейся опасности, ростовский архиепископ исходит из евангельских положений о том, что *«пастырь добрый полагает жизнь свою за овец, а наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец и бежит, и волк расхищает овец и разгоняет их»*²⁴.

Вассиан, дословно цитируя приведенный текст Евангелия от Иоанна, призывает великого князя поступить «не яко наемник, но яко истинный пастырь». «Подщися избавити врученное тебе от Бога словесное ти стадо духовных овец от грядущего волка, – призывает владыка своего духовного сына, – а Господь Богъ укрепить тя и поможет ти, и всему твоему христолюбивому воинству»²⁵. Именно таким видит Вассиан идеал *должного поведения главы православного государства*. С позиций Вассиана, отказ великого князя от борьбы с «волком» означает не только измену пастве, но предательство интересов всего христианства. Бегство Ивана III, по мнению владыки, «преложит» «честь» великого князя в «бесчестье», «славу» его в «бесславие» и даст возможность именовать его *«предателем христьянским»*²⁶.

²¹ См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 314. Интересно, что указание на то, что Ахмат является именно *«мысленным»* «волком», вероятно, должно было порождать у читателей произведения некоторые аналогии с *«дьявольской сущностью»* «поганого сулостата». Дело в том, что ордынский хан неоднократно назван в Послании «новым фараоном, поганым Измаиловым сыном», стремящимся *«пороботить»* Русскую землю (см.: ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 532, 534). Возникающие же при этом аналогии с определенением *«мысленный фараон»*, судя по всему, напрямую отсылало древнерусского читателя к образу «лукавого» (см.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 332). О том, что подобные параллели в конце XV века действительно возникали и Вассиан Рыло именно на них и ориентировался, свидетельствует текст «Соборного послания российского духовенства великому князю Иоанну Васильевичу на Угру» (1480 г.) митрополита Геронтия. Движение «поганого царя», согласно «Соборному посланию», осуществляется при пособничестве «гордого змея», *«вселукавого врага дьявола»*. См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I (1334–1598 гг.). СПб., 1841. С. 137. Сходные аналогии находим и в памятниках «куликовского цикла» (пространной летописной повести и в «Сказании о Мамаевом побоище»). Ср.: Сказания и повести о Куликовской битве. М., Л., 1982. С. 16, 20, 26, 32, 48; ПСРЛ. Т. 26. С. 126, 132. См. также: *Дмитриев Л. А.* Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 11. М., Л., 1955. С. 151.

²² ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 524, 526, 528.

²³ Там же. С. 526.

²⁴ Иоанн. 10. 11–12.

²⁵ ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 524.

²⁶ Там же. С. 526. С осуждением покинувших Москву супруги великого князя Софьи Палеолог и некоторых бояр выступил и другой современник событий 1480 года – автор

Исходя из этого, архиепископ призывает Ивана Васильевича не поддаваться уговорам «льстивых развратницев», дабы не попасть в положение «бегуна» (термин Вассиана Рыло. – *В. Р.*), скитающегося «по иным странам». Вассиан еще раз подчеркивает пастырский статус своего духовного сына. Он указывает на неминуемую ответственность перед Богом в случае отказа от борьбы: «Убойся же и ты, о пастырю, не от твоих ли рук тех (паствы. – *В. Р.*) кровь взыщет Богъ, по пророческому слову? И где убо хоцеши избежати или воцаритися, погубив врученное ти от Бога стадо?»²⁷

Вассиан Рыло сравнивает статусы Ивана III и Ахмата внутри *иерархии* «великий князь» – «ордынский царь».

Выступая против устоявшихся в обществе представлений, Вассиан предвосхищает возможные контраргументы Ивана III и его советников: «аще ли же любопришися и глаголеши: *под клятвою есмь от прародителей, – еже не поднимати руки противу царя, то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати*». Исповедник великого князя совершенно четко расставляет те духовные приоритеты, которыми должен руководствоваться Иван III. По мнению владыки, гораздо выше страха нарушить клятву для великого князя должен быть страх предстать пред Божиим судом в качестве изменника интересов христианства. Вассиан сообщает своему духовному чаду, что «аще *клятва по нужде* бывает, прощати о таковых и разрешати нам повелено», да и вообще, по мнению владыки, «луче бе солгавшу живот получитьи, нежели истинствовавшу погибнути, еже есть пуцати тех (татар. – *В. Р.*) в землю на разрушение и потребление всему христьянству»²⁸. Как точно подметил Я. С. Лурье, «“клятва хану” была важным элементом русского исторического сознания XIV–XV веков; готовность Вассиана снять эту “клятву” отражала новое явление в русской общественной мысли»²⁹. Но архиепископ не останавливается на констатации совершенно новой позиции церкви («святейшего митрополита и всего боголюбивого собора») и общества относительно возможности подобного клятвопреступления со стороны великого князя.

Вассиан Рыло подвергает сомнению правомочность давно установившейся «иерархии власти», согласно которой великий князь рассматривался в качестве вассала ордынского «царя». По мнению книжника, Иван Васильевич *имеет право* «поднять руку» против Ахмата, поскольку последний является «*не царем*», «*а разбойником, хищником и богоборцем*».

рассказа о «стоянии на Угре», дошедшего в составе Типографской и близких к ней летописей. См.: ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 518–520.

²⁷ ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 526. См.: Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло... С. 174, 177. См. также: Приложение 2.

²⁸ ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 530.

²⁹ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века... С. 193.

Вассиан полагает, что не должно «великому Русских стран христьянскому царю» (!) повиноваться «богостудному и скверному самому называющуся царю» ордынскому³⁰.

Ростовский архиепископ выдвигает идею о незаконности власти ордынского хана, поскольку тот всего лишь самозванец³¹. Чтобы подобный упрек конкретному чингисиду («царское» происхождение хана сомнений не вызывало: Ахмат не являлся узурпатором, подобно Мамаю) не выглядел голословным, ростовский владыка подверг сомнению легитимность самой власти ордынских «царей» над Русью.

Для решения поставленной задачи ему потребовалось обратиться к рассмотрению событий более чем двухсотлетней давности, событий Батыева нашествия. Как полагает Вассиан, «окаанный Батый... *пришед разбойнически* и поплени всю землю нашу, и поработи, и *воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска*»³². Тем самым, как полагает А. А. Горский, ростовский архиепископ, по сути дела, «объявляет нелегитимными все 240 лет ордынского владычества на Руси»³³. Судя по всему, убежденность Вассиана относительно незаконности власти чингисидов характеризовала не только позицию самого книжника, но и отражала настроения, существовавшие, по крайней мере, у части тогдашнего общества³⁴.

Нелегитимной власти ордынского хана Вассиан противопоставляет власть великого князя. Согласно представлениям архиепископа, статус Ивана III не только не ниже, но и гораздо выше статуса «беззаконного» Ахмата. Эту на первый взгляд кажущуюся парадоксальной идеей Вассиан парадоксальной не считает. Наоборот, называя Ивана «великим Русских стран христьянским царем», владыка снимает возникшее недоразумение.

Уже в самом начале Послания Иван III именуется владыкой «наипаче же во всех *царях* пресветлейшим и преславным государем»³⁵. По мнению Вассиана, легитимность власти великого князя несомненна, поскольку Иван Васильевич – «Богом утвержденный государь», более того, он – «Богом утвержденный *царь*»³⁶. Таким образом, власти «ложного» «поганого царя» книжник противопоставляет власть царя истинного – власть христианского государя.

³⁰ ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 530.

³¹ Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло... С. 176; Горский А. А. О титуле «царь»... С. 209. Об особом внимании, с которым книжники XV века подходили к проблеме «самозванства», см.: Ситицына Н. В. Третий Рим... С. 117.

³² ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 530.

³³ Горский А. А. О титуле «царь»... С. 209.

³⁴ См. подробнее: Ситицына Н. В. Третий Рим... С. 117–118.

³⁵ ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 522.

³⁶ Там же. С. 534. Подробнее об идее богоизбранности великокняжеской власти в Послании Вассиана Рыло см.: Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло... С. 167–168.

Помимо конфессиональных и правовых аспектов, Вассиан Рыло усматривал и более глубокий – внутренний – смысл русско-ордынского противостояния. Ордынское иго и начавшаяся борьба Руси с монголо-татарами в представлении владыки имела прямые аналогии с библейским сюжетом о порабощении и последующем избавлении евреев из египетского плена³⁷. Действительно, Вассиан неоднократно именовал ордынского хана «новым фараоном», а Русь сравнивал с «новым Израилем»³⁸. Призывая соотечественников к покаянию (как непремennomу условию помощи Божьей в борьбе с «погаными»), ростовский архиепископ утверждал, что «аще убо покаемся, и тако же помилует ны милосердый Господь, и не токмо свободит и избавит, яко же древле израильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Измаилова сына Ахмета, но нам и их поработит»³⁹.

К сравнению победы русских над монголо-татарами с избавлением евреев из египетского плена прибегал автор «Сказания о Мамаевом побоище»⁴⁰, однако именно в Послании Вассиана Рыло эта идея приобретает законченный, внутренне непротиворечивый вид. Судя по всему, восприятие Вассианом борьбы с погаными, опирающееся на аналогию с библейскими сюжетами, базировалось не только на ситуативной схожести (избавление от многолетнего плена), но было связано с новым видением статуса самой Руси. К концу XV века – началу XVI века (создание «Сказания о Мамаевом побоище», судя по всему, также относится к этому времени) уже окончательно сформировалось представление о *богоизбранности Русской земли*. Не случайно, Русь, по мнению Вассиана, это «новый Израиль» – Богом «избранная» земля⁴¹. Подобное представление о статусе и предназначении Русской земли и порождало у Вассиана сравнения Ахмата с «фараоном» и – косвенно – татар с «египтянами».

Необходимо отметить, что освобождение Руси из «татарского плена», судя по всему, не означало для Вассиана окончания борьбы с «погаными». Воззрения владыки на этот счет носили более воинственный характер. По сути дела, один из высших иерархов Русской православной церкви не исключал в будущем возможности «ответного» пленения монголо-татар («милосердый Господь», по мнению владыки, *«не токмо свободит и избавит... нас... от сего новаго фараона... но нам и их поработит»*)⁴².

³⁷ ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 532–534. Ср.: Исх. 13: 14.

³⁸ ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 532, 534.

³⁹ Там же. С. 532.

⁴⁰ См.: Сказания и повести... С. 25; ПСРЛ. Т. 26. С. 125.

⁴¹ Подробнее об идее богоизбранности Руси в Послании Вассиана Рыло см.: Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло... С. 169.

⁴² ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 532.

В Послании Вассиана Рыло находит свое завершение процесс осмысления феномена монголо-татарской власти на Руси. Ростовский архиепископ, обращаясь к великому князю, опровергает существовавшие в обществе представления о невозможности борьбы с ордынским царем-чингисидом. Как пишет Н. В. Сеницына, в Послании Вассиана «столкнулись “старина” и “новизна”»: традиционными, устаревшими оказались представления самого Ивана III, который исходил из «неизбежности повиновения “царю”, даже если он иноземный поработитель»; диаметрально противоположной оказалась позиция архиепископа, отстаивавшего «необходимость и правомерность борьбы»⁴³.

В качестве обоснования своей позиции Вассиан Рыло изложил свое видение монголо-татар и их власти на Руси. Следуя литературной традиции XV века, книжник сосредоточил свое внимание на фигуре предводителя ордынцев. Итогом рассуждений духовника великого князя (а судя по всему, и широких общественных слоев того времени⁴⁴) стал вывод о нелегитимности власти ордынских «царей», начиная с Батыя и заканчивая Ахматом. Власти «ложного» монголо-татарского «царя» Вассиан противопоставил «Богом утвержденную» власть великого князя владимирского – «великого Русских стран христианского *царя*». Столь высокий статус великого князя, в представлении владыки, был связан с новым видением мессианского предназначения Русской земли как «нового Израиля». Вассиан обозначил и идеал должного поведения главы православного государства. В соответствии с ним великий князь выступал в качестве «пастыря» врученного ему от Бога «духовного стада». Поэтому главной его обязанностью являлась защита «паствы» от «мысленных волков» – «поганных супостатов». Активно используя исторические и библейские параллели, Вассиан создал целостную концепцию борьбы с врагами православия, повлиявшую на дальнейшее развитие русской общественной мысли.

⁴³ Сеницына Н. В. Третий Рим... С. 117–118.

⁴⁴ Свидетельством репрезентативности представлений Вассиана о феномене монголо-татарского ига, а также его оценок «поганных» в целом являются развивавшиеся в тогдашней книжности тенденции общего пересмотра устаревших воззрений и способов описания ордынцев. Указанные тенденции отразились, например, в летописных памятниках второй половины – конца XV века, а также во вновь создаваемых литературных произведениях, где активно использовались ранее не употребляемые уничижительные эпитеты в отношении самих ордынских «царей» (в том числе и по отношению к Батыю). По сути дела, происходит *пересмотр уже устоявшихся взглядов на историю русско-ордынских контактов*. Обзор памятников, в которых нашло отражение подобное переосмысление, см.: Горский А. А. О времени и обстоятельствах... С. 28–29.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отображение захватчиков в литературных памятниках на протяжении рассмотренного периода – с середины XIII по конец XV века – *не было застывшим, неизменяемым*. Судя по всему, восприятие ордынцев русскими людьми, жившими в XIII веке и на себе испытавшими ужасы нашествия, существенно отличалось от восприятия монголо-татар, которое было свойственно жителям русских княжеств в XIV и, особенно, в XV веке.

Реконструкция представлений о монголо-татарах, предпринятая на материале памятников древнерусской литературы середины XIII–XV века, позволила определить наиболее актуальные для книжности указанного периода *аспекты восприятия* ордынцев, проследить *эволюцию взглядов* средневсковых авторов на феномен завоевателей и выявить наиболее характерные *способы изображения* «поганых». Интерпретация деталей описания, содержащих оценочные характеристики монголо-татар, позволила выявить существовавшие в середине XIII–XV веке «установки сознания», определявшие ту систему координат, с которой древнерусские книжники подходили к осмыслению и изображению происходящих событий.

Для авторов середины XIII – первой четверти XIV века было свойственно отношение к татарам как к *«нечистому» народу, приход которого был вызван «гневом Господним» «за грехи» и должен был знаменовать собой наступление эсхатологических времен*. В условиях ожидаемого «конца света» подобные представления книжников не только оказали существенное влияние на специфику отбираемых для повествований сюжетов, информации, изобразительных средств, но и предопределили общую настроенность древнерусских авторов (а вероятнее всего, и широких слоев населения) по отношению к феномену нашествия и ига. Вопреки позднейшим модернизациям¹, преобладающее большинство писателей середины XIII – первой четверти XIV века (особенно на севере и северо-востоке Руси) крайне скептически относились к возможности борьбы с монголо-татарами. В литературе того

¹ О механизме их появления см.: Рудаков В. Н. Сыновья великого князя во время осады Владимира: к проблеме восприятия борьбы с монголо-татарами в летописании // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998. С. 191–193.

времени, наоборот, проводилась идея о невозможности, бесперспективности сопротивления «поганым». Однако не следует объяснять появление указанной позиции трусостью или некой политической ангажированностью книжников, в большинстве своем представляющих интересы лояльного по отношению к татарам православного духовенства².

Отказ от сопротивления был вызван вовсе не трусостью, а подлинным христианским смирением перед Божьей карой, обрушившейся на Русь в лице «поганых» и предвещавшей, по мнению книжников, грядущий Страшный суд. В этом контексте власть ордынских ханов на Руси представлялась им вполне легитимной, «Богом установленной». Какое-либо сопротивление ей, оспаривание ее законности даже не обсуждалось в русской литературе середины XIII – первой четверти XIV века. Таким образом, требует существенного пересмотра бытующее в науке представление о том, что идея противостояния ордынцам появилась в древнерусской книжности едва ли не одновременно с самим нашествием монголо-татар³.

Идеалом поведения человека в этот период являлся отнюдь не «воин». Позиция борца, подчеркивали авторы рассмотренных памятников, бесперспективна: борьба с «казнями Божиими» обречена на поражение и может вызвать лишь усиление «Господнего гнева». Образы «нового Иова», «терпением и

² Подробнее об отношении православного духовенства и церкви к монголо-татарской власти см.: Будовиц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. XI–XIV вв. М., Л., 1960. С. 324–344; Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.) М., 1986. С. 76–78.

³ По мнению ряда исследователей, практически все памятники оригинальной древнерусской письменности были пронизаны патриотическими идеями; именно патриотизм являлся тем стержнем, той идейной основой, вокруг которой происходило развитие литературы в целом и ее отдельных произведений в частности (см.: Мавродин В. В. Проблема развития национального самосознания на Руси в кон. XII – нач. XV в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 166). Д. С. Лихачев выделяет по такому же принципу «всепроникающий патриотизм содержания», «большой патриотический замысел» Повести временных лет (см.: Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 297, 349. Ср.: Дашевский И. Н. Замысел и название Повести временных лет // ОИ. 1995. № 5. С. 101 и далее). «Достаточно безлого взгляда на наши источники, а они отражают мысли людей Древней Руси, – писал В. В. Мавродин, – для того, чтобы убедиться в том, насколько развито было у наших предков чувство единства народа, чувство патриотизма, само понятие Родины» (см.: Мавродин В. В. Проблема развития национального самосознания... С. 165). Общим местом стало представление об особой патриотической направленности памятников, посвященных событиям «татарщины». См., напр.: История русской литературы. Т. 1. С. 92, 94, 123–124 (раздел написан Л. А. Дмитриевым). Однако подобный подход явно «не учитывает специфику средневекового мировосприятия, превращает понятие патриотизма во внеисторическую категорию» и, следовательно, не позволяет выявить те оттенки отношения к Родине и ее врагам, которые были свойственны русским книжникам – современникам тех трагических для Руси событий (см. подробнее: Кром М. М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994. С. 16).

верой» добивающегося исправления от «грехов»), а также готовых добровольно принести себя в жертву князей-мучеников вобрали в себя основные представления книжников середины XIII – первой четверти XIV века о должном поведении человека в условиях ниспосланных Господом «казней».

Рубежом в переосмыслении феномена монголо-татарских завоеваний явилась *Куликовская битва*. В изменившихся условиях победа Руси над ордынцами дала толчок вызреванию *качественно новых представлений о монголо-татарах*, о причинах и целях их нашествий, о природе ханской власти, об эталонах должного поведения русских людей. Если в памятниках середины XIII – первой четверти XIV века основное внимание книжников было приковано к осмыслению феномена пришедшего на Русь *народа*, то в произведениях конца XIV – XV века древнерусские писатели обращают свой взор в первую очередь на *фигуры предводителей иноплеменников*.

Причины монголо-татарских нашествий книжники ищут уже не столько в *«греховности» Руси*, навлекшей на себя «гнев Господень», сколько в *негативных сторонах личностей* приходящих на Русскую землю ордынских «царей». Вполне естественно, что именно в этот период происходит *пересмотр существовавших представлений о легитимности власти ордынских ханов*: характеристики последних становятся крайне нелицеприятными, а их господство над русскими землями признается «беззаконным». Более того, в рамках рефлексии по поводу природы ордынской власти *начинает формироваться новая идеология Русского государства*, опирающаяся на идеи о мессианском предназначении Руси и богоизбранности великокняжеской власти.

Если в произведениях середины XIII – первой четверти XIV века монголо-татары выступают в качестве силы, посланной самим Провидением во исправление и искупление «грехов» Руси, то в памятниках, появившихся после Куликовской битвы, представления об ордынцах существенно меняются. В последних монголо-татары воспринимаются как *«гонители» православной веры*, «безбожные» и «беззаконные» разорители христианства, действия которых *не имеют никакого отношения к общему замыслу Творца*.

В рамках изменившихся представлений о монголо-татарах формируется новый взгляд на возможности борьбы с «погаными». По сути дела, именно с конца XIV века *древнерусская литература*, призывая своих читателей к непримиримой борьбе с врагами православия, в полном смысле слова *становится рупором антиордынских настроений в обществе*.

Меняется и идеал человека. Главным героем все чаще становится не смиренный, кающийся в своих грехах «Иов», а отважный *защитник «Русской земли»*, борец за торжество православия. Этот «новый герой» уже *не имеет морального права* отказаться от защиты своего Отечества, он активно *противостоит стремлению «нечестивых» «разорить христианскую веру»*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Духъ южны» и «осьмый час»
в «Сказании о Мамаевом побоище»

(К вопросу о восприятии победы над «погаными» в памятниках
«куликовского цикла»)

(Впервые опубликовано:
Герменевтика древнерусской литературы.
Сб. 9. М., 1998. С. 135–157)

Среди памятников «куликовского цикла» – «Задонщина», краткая и пространная летописные повести о Куликовской битве и «Сказание о Мамаевом побоище» – последнее произведение содержит наиболее подробный рассказ о сражении «на усть Непрядве», причем значительная часть сообщаемых «Сказанием» сведений носит уникальный характер.

В число *оригинальных* сюжетов «Сказания» входит и известие о действиях знаменитого засадного полка, возглавляемого князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и воводой Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынцем. Рассказ о стоянии засадного полка в «дубраве» и его выходе на поле боя, несомненно, являет собой *кульминационный момент* всего повествования. Однако, несмотря на это, смысл указанного известия практически не подвергался анализу.

В исторической науке прочно утвердилось представление о реальности большинства описываемых в «Сказании» событий. Широкое распространение получило мнение о том, что в основе известия о засадном полке «лежит реальный факт военной тактики московского князя»¹. Данная точка зрения, к сожалению, не была подкреплена сколько-нибудь присмелой аргументацией. Анализ же деталей известия позволяет нам усомниться в справедливости приведенного мнения и предположить наличие в тексте памятника некоторых более глубоких смыслов, скорее всего не связанных напрямую с простым описанием батальных сцен 1380 года. По нашему

¹ Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 304 (раздел написан Л. А. Дмитриевым).

мнению, существующее недооценивание полисемантической структуры произведения обедняет наше представление о памятнике, а следовательно, деформирует взгляд на *восприятие Куликовской битвы* в момент создания «Сказания о Мамаевом побоище». Ниже мы попытаемся выявить смыслы, скрытые при буквальном прочтении памятника, и предложить более адекватную интерпретацию известия о засадном полке.

* * *

Вступлению засадного полка в бой предшествовал известный разговор Владимира Андреевича Серпуховского с воеводой Дмитрием Михайловичем Боброком. Суть разговора касалась выбора времени, приемлемого для выхода полка из засады.

На определенном этапе сражения, видя, что «погании же начаша одолевати, христианския же полки оскудеша», и «не мога терпети» этого, серпуховской князь призывает воеводу немедленно выступить на помощь основным силам русских. Однако Боброк, ссылаясь на то, что время выступления еще не пришло, а всякий «начинай без времени, вред себе приемлсть» предлагает князю ждать до «времени подобна», поскольку именно тогда, по мнению Дмитрия Михайловича, Божественная благодать снизойдет на русских, поможет им разбить «поганных». Выбранное Боброком время оказывается «счастливым»: выскочивший по призыву воеводы засадный полк наносит решающий удар противнику, что и приводит к окончательной победе.

Исследователи давно обратили внимание на прозорливость воеводы Боброка, отмечая, что ни преждевременный, ни запоздалый удар засадного полка не смог бы переломить ход сражения². Однако из каких критериев исходил Боброк-Волынец, определяя «время подобно» для выступления своего полка из засады? Было предложено несколько версий, объясняющих внутреннюю мотивацию поведения Дмитрия Боброка. Одни исследователи полагали, что вступлению засадного полка в бой первоначально препятствовал сильный встречный ветер, перемены которого якобы так настойчиво ожидал Волынец³, и солнце, слепящее глаза русских воинов и мешающее им биться с врагом⁴. Другие исследователи считали, что Боброк дожидался

² См., напр.: *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1984. С. 55–56.

³ *Арцибашев Н. С.* Повествование о России. Т. 2. М., 1838. С. 133; *Афремов И. Ф.* Куликово поле с реставрационным планом Куликовской битвы. В 8-ой день сентября 1380 года. М., 1849. С. 31; *Костомаров Н. И.* Куликовская битва. М., 1864. С. 21; *Бестужев-Рюмин К. Н.* О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище. СПб., 1865. С. 61; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 2. М., 1988. С. 276–277.

⁴ См., напр.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. М., 1993. С. 43; *Костомаров Н. И.* Куликовская битва. С. 21; *Соловьев С. М.* История России... С. 277;

изменения не природных факторов, а местоположения татар на поле брани, то есть дожидался времени, когда «поганые» окажутся наименее защищенными перед ударом русского полка. По мнению этих ученых, Боброк сдерживал засадный полк «до момента, когда преследующие бегущих (русских воинов. – В. Р.) татары повернулись к засаде тылом»; после этого «Боброк стремительно бросился на татар»⁵.

При выдвигании вышеперечисленных версий исследователи исходят из факта реальности описанного в «Сказании» эпизода. Однако художественное произведение, коим является исследуемый нами памятник древнерусской литературы, имеет свою внутреннюю логику, поскольку «всякий истинно творческий текст всегда есть в какой-то мере свободное и не предопределенное эмпирической необходимостью (курсив наш. – В. Р.) откровение личности»⁶. Именно обращение к анализу «внутренней логики» текста и должно быть, на наш взгляд, первым шагом к выявлению мотивации поведения героев литературного произведения.

«Сказание о Мамаевом побоище» дошло до нас в значительном числе списков, подразделяемых на несколько редакций, среди которых наиболее ранними считаются Основная, Летописная, Распространенная и Киприановская (Осн., Летоп., Распр. и Кипр). При восстановлении авторских чтений памятника мы исключаем Кипр., возникшую в недрах Никоновского летописного свода примерно в 1526–1530 годах и последовательно соединявшую известия внелетописного памятника – «Сказания» – с летописной Повестью о Куликовской битве⁷. Позволяющие нам судить о первоначальном виде памятника тексты Осн., Летоп. и Распр., свидетельствуя о том, что Боброк призывал ждать «времени подобного», далее расходятся в изложении слов воеводы. Согласно Летоп. и Распр., Дмитрий

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. 1. СПб., 1889. С. 113; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 242; Очерки истории СССР: Период феодализма (IX–XV вв.). Ч. II. М., 1953. С. 225; *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980. С. 99; *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле. // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 19 и др.

⁵ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда... С. 242; См. также: Очерки истории СССР... С. 225; *Бескровный Л. Г.* Куликовская битва // Куликовская битва: Сб. ст. М., 1980. С. 241–242. По всей видимости, Н. М. Карамзин имел в виду то же, когда писал, что Дмитрий Боброк призвал к битве, перед этим «с величайшим вниманием примечая все движения обеих ратей». См.: *Карамзин Н. М.* История... Т. 5. С. 43.

⁶ *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 285.

⁷ *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 51. Ср.: *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении премий митролита Макария. СПб., 1910. С. 146.

Боброк точно определяет срок наступления этого «времени»: «осмого часа ждите, – призывает он серпуховского князя, – в он же имать быти благодать Божия»⁸.

Осн., если судить по списку ОР РНБ, О.IV.22, выбранному Л. А. Дмитриевым для публикации, чтения «осмого часа ждите» не имеет⁹. Однако, как отметила М. А. Салмина, «ни один из списков основной редакции не дошел до нас в первоначальном виде. Всем спискам присущи те или иные дефекты, полученные в результате переписки, позднейшие вставки. Не представляет исключения и список ГПБ, О.IV.22» (ныне: ОР РНБ, О.IV.22. – В. Р.)¹⁰. Упомянутый нами список РНБ представляет т.н. Основной вариант Осн. (*далее* – вар. О). Мы просмотрели опубликованные списки «Сказания», относящиеся к другим вариантам Осн. Подобно указанному списку РНБ (вар. О), чтение «осмого часа ждите» отсутствует в поздних вариантах Осн.¹¹ Более ранний вариант Ундольского (*далее* – вар. У) довольно близок к вар. О (они вместе, по мнению Л. А. Дмитриева, восходят к протографу памятника¹²). В списке, лежащем в основе всего вар. У (ОР РГБ, собр. Ундольского № 578), чтение «осмого часа...» присутствует¹³. То же можно сказать о Печатном варианте «Сказания», а также о списках ОР ГИМ, собр. Уварова № 999а (близок к Печатному варианту) и ОР ГИМ, собр. Уварова № 1435 (промежуточный между вар. О и вар. У)¹⁴, а также в т.н. Ермолаевском списке, который тоже относится к Осн. Кстати, по мнению А. А. Зимина, Ермолаевский «вместе с Лондонским списком позволяет отчетливей представить себе архетип Основной редакции», поскольку «восходит к ее раннему тексту»¹⁵.

⁸ ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 142; Сказания и повести о Куликовской битве. М.; Л., 1982. С. 99.

⁹ Сказания и повести... С. 44.

¹⁰ Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 103.

¹¹ Списки: ОР РНБ. Собр. Михайловского. А. 509 и ОР ГИМ. Собр. Забелина. № 261 (соответственно вар. Михайловского и вар. Забелина). См.: Русские повести XV–XVI вв. / Сост. М. О. Скрипиль. М.; Л., 1958. С. 33–34; Повести о Куликовской битве. С. 196. По мнению Л. А. Дмитриева, указанные варианты изобилуют поздними сокращениями и вставками, в том числе и из Синописа. См.: Дмитриев Л. А. Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 457–458, 464–470.

¹² Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 388.

¹³ Шамбинаго С. К. Сказание о Мамаевом побоище // ОЛДП. Вып. 125. СПб., 1907. С. 44. Ср.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 180.

¹⁴ Сказания и повести... С. 122; «Сказание о Мамаевом побоище». Лицевая рукопись XVII века из собрания ГИМ. М., 1980. Л. 73 об.; «Сказание о Мамаевом побоище». Историко-литературоведческий очерк. Кн. 1. С. 94; Дмитриев Л. А. Обзор редакций... С. 451, 461.

¹⁵ См. Памятники Куликовского цикла... С. 224, 246.

Интересно, что и в Лондонском лицевом списке «Сказания», который, по мнению Л. А. Дмитриева, также относится к Осн. (ближе к вар. У), на л. 40 об. и 44 мы находим подписи к миниатюрам: «Князя Владимира Андреевича полк стоит в лузе, крясья при дубраве, *ждет осмого часа...*» и «Княж Владимиров полк стоит и *ожидает осмого часа*, дондеж время придет»¹⁶. Кроме того, в тех вариантах Осн., где чтение «осмого часа...» отсутствует, в текстах дважды (!) наблюдается упоминание «часа», правда, без числового определения последнего, но с непонятными в данном контексте указательными местоимениями («вън же час», «от сего часа») ¹⁷. Представляется, что отсутствующие указания на «осмой час» в списках Основного, Михайловского и Забелинского вариантов Осн. являются позднейшими искажениями первоначальных чтений, которые сохранились в списках Летоп., Распр. и некоторых ранних вариантов Осн. Исходя из указанных чтений источника, полагаем, что Боброк, призывая Владимира Андреевича не спешить, точно определяет время будущего вступления в бой («осмой час»).

Когда же «приспе... час осмый», согласно тексту памятника, «*абие духъ южны* потягну ззади их». После этого «воспи Волынецъ гласом великим князю Владимиру: “час прииде, а время приближися”. И паки рече: “братия мои и друзи, дерзайте, *сила Святаго Духа помогает нам*”»¹⁸. После этих слов в «Сказании» следуют описание выхода засадного полка, а также рассказывается о разгроме и бегстве татарских войск.

Тексты «Сказания» не содержат указаний на то, что солнце светило русским воинам в глаза, мешая им дать достойный отпор «поганым» и тем самым помочь гибнущим в этот момент соплеменникам. Исследователи, придерживающиеся данной версии, видимо, опирались на «свидетельство» не источника, а... В. Н. Татищева, который действительно полагал, что «русским... тяжело бе, зане *солнце* бе во очи и *ветр*»¹⁹. На каких текстах мог основывать свою гипотезу В. Н. Татищев, нам неизвестно.

¹⁶ Дмитриев Л. А. Лондонский лицевой список «Сказание о Мамаевом побоище» // ГОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 159, 172–173.

¹⁷ Сказания и повести... С. 44, 122. Ср.: Русские повести XV–XVI вв. М.; Л., 1958. С. 33–34; Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 196.

¹⁸ Сказания... С. 44, 99, 123; ПСРЛ. Т. 26. С. 142; «Сказание о Мамаевом побоище». Историко-литературоведческий очерк. Кн. 1. С. 94. Указание на «осмой час» как на время вступления засадного полка в бой отсутствует в Лондонском списке Вологодско-Пермской летописи – из-за порчи текста это место не читается (см.: ПСРЛ. Т. 26. С. 340) и в Кипр. редакции «Сказания» (см.: Сказания и повести... С. 25). В последней, как мы покажем далее, «расчасовка» всей Куликовской битвы производилась по тексту «Летописной Повести», чтения которой существенно отличаются от соответствующих мест ранних редакций «Сказания». В остальных интересующих нас текстах памятника данное чтение присутствует, что позволяет отнести его происхождение к первоначальному виду памятника.

¹⁹ Татищев В. Н. История Российская. Т. 5. М.; Л., 1965. С. 146–147. К сожалению, ряд исследователей достаточно активно привлекает труд В. Н. Татищева для

Тексты «Сказания» не позволяют признать обоснованной и версию тех исследователей, которые полагали, что Боброк ожидал, когда не подозревавшие о существовании засадного полка татары, увлекшись атакой, подставят под удар свой фланг (или тыл). Мало того, что «Сказание» не упоминает о такой тактической «небрежности» татарских войск. Точно названное воеводой время выступления – «осмой час» – позволяет считать, что, несмотря на свою опытность, Боброк-полководец все-таки не мог предугадывать характер и определять время (причем с точностью до часа!) будущих ошибок неприятеля. Также с трудом верится в то, что воевода мог предугадать час, в который переменится ветер.

Вообще, версия исследователей о наличии в начале сражения встречного ветра, якобы мешавшего полку Владимира Серпуховского выступить на помощь основным силам русских, основывается на единственной фразе: «И егда хотяху изыти на враги своя, и *веаше ветр велий противу им в лице* и бьяше зело и възбраняше», читающейся... только в поздней – Кипр. – редакции памятника²⁰. Прав А. С. Демин, полагая, что поздние редакции «Сказания», к коим относится и Кипр., «служили *истолкованием* авторского текста»²¹. Вероятно, составитель этой редакции произведения исходил сообщения о том, что в момент «времени подобного» «дух южны потягну *ззди*» русских воинов. Поняв употребленный древнерусским книжником термин «дух» как «ветер» и истолковав процитированное чтение как указание на то, что перед этим ветер дул русским «*спереди*», т.е. в лицо, исследователи и предложили гипотезу «о встречном ветре». По всей видимости, предложенная гипотеза являет собой отнюдь не единственное, а лишь *одно из возможных* истолкований текста «Сказания о Мамаевом побоище».

Таким образом, отсутствие в историографии сколько-нибудь приемлемых, опирающихся на тексты источника объяснений выжидательной тактики Дмитрия Боброка приводит нас к необходимости более подробно исследовать упомянутые в «Сказании» обстоятельства вступления засадного полка в бой.

Нам представляется, что упомянутый в «Сказании» «*дух южный*», потянувший «ззди» русских полков, не может ассоциироваться с реальным, попутным для русских, «южным ветром». Употребление географического определения «духа» – «южный» – позволяет проверить достоверность данного сообщения памятника. Действительно, дующий с юга ветер может быть попутным лишь для тех, кто движется с ним в одном направлении

реконструкции событий Куликовской битвы, что, на наш взгляд, не вполне корректно (см., напр.: *Кирпичников А. Н.* Великое Донское побоище // *Сказания и повести...* С. 293–294, 298–301, 303).

²⁰ Сказания и повести... С. 65.

²¹ *Демин А. С.* Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 112.

(буквально «по пути» ветра). По всей видимости, засадный полк, впрочем, как и основные силы Дмитрия Донского на Куликовом поле, не мог наступать, двигаясь с юга на север. Существующие в науке локализации «Куликова поля» и расположения на нем русских и ордынских войск (традиционная, принадлежащая С. Д. Нечаеву²² и поддержанная большинством исследователей, а также новейшая – В. А. Кучкина²³) однозначно признают тот факт, что русские могли совершать наступательные действия *только с севера на юг*. Следовательно, если в «Сказании» речь шла о южном ветре, то последний ни в коем случае не мог бы подуть «сзади» русских, а значит, не мог бы быть попутным для них²⁴.

Вероятно, появление определения «южный» нельзя объяснять и неосведомленностью средневекового книжника, столетие спустя решившего вновь описать героическую битву на Непрядве. Мы не согласны с В. А. Кучкиным, полагающим, что «здесь очевидно явное незнание некоторых реалий сражения автором “Сказания о Мамаевом побоище”»²⁵. Стоит иметь в виду, что автор памятника вполне подробно описывает маршрут движения русских войск на поле Куликово, сносно ориентируется в расположении сторон света (Мамай движется *с востока*, перед битвой «земля стонет велми... на восток до моря, а на *запад* до Дуная»²⁶).

Кроме того, необходимо помнить, что слово «дух» полисеманлично, а следовательно, интерпретация фразы «дух южный» как «южный ветер»

²² Нечаев С. Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. Ч. 118. Июль. № 14. 1821. С. 126–164 (план Куликова поля см.: Там же. С. 164а). Согласно точке зрения С. Д. Нечаева, подержанной большинством исследователей, битва проходила в междуречье Дона, Непрядвы и Мечи, т.е. между правым берегом Дона и правым берегом Непрядвы (см.: Тихомиров Д. И. Краткое описание Куликова поля // ЧОИДР. 1846. Кн. 2. Отд. 4. С. 36; Афремов И. Ф. Куликово поле...; Луцкий Е. А. Куликово поле // Исторический журнал. 1940. № 9. С. 44–54; Аиурков А. Н. На поле Куликовом. Тула, 1976; Бескровный Л. Г. Куликовская битва... С. 234; Хорошкевич А. Л. О месте Куликовской битвы... С. 92; Скрынников Р. Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 54–57; Плигузов А. И. (Комментарии). С. 609–611; Фехнер М. В. Находки на Куликовом поле. К вопросу о месте битвы 1380 г. // Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990. (Труды ГИМ. Вып. 73). С. 72–78 и др.).

²³ В. А. Кучкин полагает, что сражение проходило в междуречье Дона, Непрядвы и Буйцы, т.е. между правым берегом Дона и левым берегом Непрядвы. См.: Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 16–19.

²⁴ Это относится и к основным силам, и к засадному полку русских: согласно обеим локализациям, южный ветер мог быть только встречным по отношению к ним. Отвергая возможность того, что засадный полк, занимая какую-то особую позицию, располагался лицом на север, В. А. Кучкин отметил, что, «поскольку Мамай шел на Куликово поле со стороны р. Мечи, русские полки, даже засадный, не могли стоять фронтом к северу». См.: Кучкин В. А. О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8. С. 51.

²⁵ Там же.

²⁶ Сказания и повести... С. 25, 41; 73, 96; 103, 119; ПСРЛ. Т. 26. С. 139 (в Лондонском списке Вологодско-Пермской летописи вместо чтения «на запад» – «назади», см.: Там же. С. 338).

требует того или иного обоснования. (Помимо значений «дуновение», «движение воздуха», «ветер» древнерусское слово «духъ» имело еще и другие значения – «бесплотное сверхъестественное существо», собственно «духъ», а также «благодать», «дар», «сверхъестественная сила»²⁷). Важно отметить, что, насколько мы можем судить, в первоначальном виде «Сказания» слово «ветер» в исследуемом нами эпизоде не употреблялось вообще – впервые это слово появляется опять-таки в Кипр.²⁸

По всей видимости, употребление прилагательного «южный» было сознательным и намеренным (столь же намеренным, сколь и настойчивое употребление термина «духъ» в ранних редакциях «Сказания», вместе с возможным, по крайней мере с позиций составителя Киприановской редакции, термина «ветер») и не является ошибкой, допущенной автором памятника.

Помимо приведенных выше рассуждений общего характера, важным аргументом в пользу подобного заключения является наличие в тексте «Сказания» еще одного упоминания юга в аналогичном, по нашему мнению, контексте. Как оказалось, описание вступления в бой засадного полка не является единственным описанием победы русских войск на Куликовом поле. Незадолго до этого эпизода в текст памятника помещен рассказ о видении некоего Фомы Кацыбея (Кацибеева) – одного из воинов Дмитрия Донского. Стоя на страже, «на высоте месте», упомянутый Фома «видети облакъ от востока велико зело изрядно... аки некия плъки к Западу идуць». Вдруг явились «от полуденная же страны (т.е. с южной стороны! – В. Р.) два юноши, имуща на себе светлыи багряница, лица их сияюща, аки солнца, въ обоихъ рукахъ у них острые мечи, и рекуще плъковникомъ: “Кто вы повеле трепити отчество наше, его же нам Господь дарова?” И начаша их (упомянутые полки. – В. Р.) сеци и всех изсекоша, ни единъ же от них не избысть»²⁹. В данном «видении» мы видим описание типичной для древнерусской литературы ситуации помощи небесных сил. (В случае с Фомой Кацыбеем под загадочными юношами легко угадываются «сродники великого князя» – святые великомученики Борис и Глеб. Движение же «облака» с востока на запад точно повторяет маршрут движения на Русь

²⁷ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 380. Ср.: Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 3. М., 1990. С. 104.

²⁸ Сказания и повести... С. 65. По мнению А. С. Демина, сообщенному при обсуждении нашего доклада «“Духъ южны” в “Сказании о Мамаевом побоище”» в ИМЛИ РАН 19 апреля 1995 года, употребление глагола «потягну» с существительным «духъ» (в значении «ветер») во время создания «Сказания» маловероятно; в подобном словосочетании «духъ» действительно должен был восприниматься как «сверхъестественная сила». В Словаре русского языка XI–XVII вв. термин «потягнуть» в значении «потянуть», «подуть» (о ветре) цитируется только по памятникам XVI–XVII вв. См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 18. М., 1992. С. 35.

²⁹ Сказания и повести... С. 40–41, 62, 95–96, 118–119; ПСРЛ. Т. 26. С. 139, 337–338.

полчищ «безбожного Мамая», «полки» которого «секут» свв. Борис и Глеб.) Интересно, что разгром татар в «Сказании» также описывается как результат небесного заступничества, снизошедшего на русских: действительно, «сынове русские, силою Святого Духа и *помощию* святых мученикь *Бориса и Глеба*, гоняще, сечаху» «поганных татар»³⁰. В данном контексте «видение» Фомы Кацыбея можно рассматривать как «предвосхищенное будущее», сюжеты же, связанные с описанием русской победы над ордынцами, – как «воплощенное предсказание» этого «вещего» воина.

В таком случае даже если употребление определения «южный» относительно «духа» можно отнести на счет неосведомленности автора памятника, то упоминание «полуденной страны» как места, откуда к русским приходит небесное заступничество, к подобным ошибкам отнести вряд ли возможно: очевидно, что детали описания феноменов «мира невидимого» («помощи свыше») никак не могли быть связаны с конкретными сторонами Куликова поля.

Представляется, что употребленное древнерусским книжником прилагательное «южный» относилось не к реальному ветру, дующему с какой-либо стороны, а к *духу*, к нематериальной, сверхъестественной силе, олицетворявшей снисхождение Божественной благодати на русские полки и находящейся вне зависимости от земных событий и явлений. Смысловая и образная связь «видения» и его «воплощения» даст почву именно для таких заключений. Упоминание «духа южного», вероятнее всего, является сознательным творческим ходом автора «Сказания», дважды (!) пожелавшего отметить, что помощь русским полкам снисходила именно от этой, в данном контексте, богоизбранной стороны света.

Давно отмечено, что объективно существующее пространство (равно как и время) воспринимается – переживается и осознается – людьми (социумом в целом и каждым индивидуумом в отдельности) субъективно, причем в разные исторические эпохи – по-разному³¹. Пространство земной жизни в средневековом христианском мировоззрении являлось лишь проекцией «пространства» неземного; существовала некая «пространственная непрерывность», «которая переплетала и соединяла небо и землю» и которой, кстати, соответствовала аналогичная «непрерывность времени»³². В этой ситуации средневековый человек «стремился в окружающем его микрокосме воссоздать пространственно-временные структуры, имитирующие макрокосмические отношения», поэтому земля как географическое понятие одновременно воспринималась как место земной жизни и, следовательно, входила в оппозицию «земля–небо». Именно по этой причине, как отмечал

³⁰ См., напр.: Сказания и повести... С. 45, 66, 99, 123.

³¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 43–44.

³² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 155.

Ю. М. Лотман, «земля получает несвойственное современным географическим понятиям религиозно-моральное значение», которое получают также географические понятия вообще, а сама «география выступает как разновидность этического знания»³³. Те же функции в системе восприятия пространства выполняли и стороны света, которые «с древнейших времен играли важную роль в создании системы координат, позволявшей человеку ориентироваться в окружающем его мире, в физическом и сакральном пространстве»³⁴.

По мнению А. В. Подосинова, «южная сторона горизонта во многих культурах древности принадлежала к числу сакральных сторон света»³⁵. По всей видимости, русская средневековая культура в данном случае исключением не являлась. Восприятие юга как сакрального, богоизбранного места нашло отражение в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия – с XI века известном на Руси и чрезвычайно популярном произведении³⁶.

Более явно восприятие богоизбранности юга в русском средневековом сознании проявилось в припеве к стихирам, которые исполняли «на первом часе» в т.н. «царские часы» (т.е. накануне Рождества Христова, Богоявления и в Великую пятницу) в русской церкви с давних пор³⁷. Название припева – «Бог *от юга*» – перекликается также с фразой текста Служебной Миней на 8 сентября (праздник Рождества Пресвятой Богородицы). В Минее содержится чтение: «Пророкъ Аввакумъ, умныма очима провиде, Господи, пришествие Твое. Темъ и вопияше: *отъ юга приидеть Богъ*. Слава силе Твоей, слава снисхождению Твоему»³⁸. Тот факт, что в минейном тексте на 8 сентября – день, когда произошло «побоище на Дону» (!), – содержится явное указание на богоизбранность юга, позволяет с большой степенью вероятности предположить наличие смысловой связи между указанным чтением Миней и «духом южным» «Сказания о Мамаевом побоище».

³³ Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Ю. М. Лотман. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 407–408.

³⁴ Подосинов А. В. Ориентация по сторонам света в древних культурах как объект историко-антропологического исследования // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 38. См. также: Гуревич А. Я. Категории... С. 89.

³⁵ Подосинов А. В. Ориентация по сторонам света... С. 42–45.

³⁶ См.: Мецгерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 45, 117, 255–256. Ср.: Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 1141. См. также: Лотман Ю. М. О понятии... С. 409.

³⁷ См.: Дмитриевский А. А. Богослужение в русской церкви в XVI в. Ч. 1. Казань, 1884. С. 43.

³⁸ Служба на день Рождества Пресвятой Богородицы. М., 1765. С. 20. Ср.: Миней. Сентябрь. М., 1978. С. 222. О существовании данного чтения нам сообщил В. В. Кусков.

Мы полагаем, что упоминание «духа южного» было связано с необходимостью описать сцену не батальную, а *провиденциальную*, сцену, где «дух» знаменовал собой сошествие на помощь русским «силы Святого Духа». Семантическая близость «южного духа» и «Святого Духа» актуализировала именно знаковую функцию исследуемого чтения. Упоминание «духа южного» получало особое звучание еще и потому, что восприятие юга как богоизбранной стороны света, возможно, приобретало специфическую напряженность именно в день Рождества Пресвятой Богородицы, когда и произошло заступничество небесных сил русским воинам на Куликовом поле. Судя по всему «дух южный», будучи не связан с реальным южным ветром Куликовской битвы, являл собой подчеркиваемое автором «Сказания о Мамаевом побоище» *знамение* снисходящей на православное воинство Божественной благодати.

Итак, ни одна из предложенных в науке версий относительно того, что именно побудило Волянца медлить со вступлением в бой, не опирается на текст самого источника. Скорее всего, для автора памятника успех засадного полка не связывался ни с фактором внезапности и ни с тем, что в лице засадного полка в бой был введен воинский резерв³⁹. Победу «православному воинству» обеспечило Божие Проведение, в руках которого было и «попустить» «поганым» «грех ради наших», и разбить «нечестивых» силою Святого Духа. Именно конца «попущения Божьего» («попущения», равнозначного «гибели христианской») и начала снисхождения «Божьей Благодати» ожидал Дмитрий Боброк в «Сказании о Мамаевом побоище».

Резонен вопрос: почему древнерусский книжник именно в «осмом часу» «заставил» своего героя ожидать Божьего заступничества? Нам представляется, что между «духом южным», «осмым часом» и снисхождением помощи свыше русским полкам существует тесная смысловая связь.

Действительно, в описании разговора Боброка и Владимира Серпуховского мы находим упоминание «*осмаго часа*», как времени, когда, по мысли воеводы, следует ожидать Божьей помощи, как «*времени подобно*», наиболее подходящего для вступления в бой. Смысловая связь между двумя деталями «Сказания» особенно остро проявляется в том, что автор памятника сознательно и достаточно жестко определяет последовательность произошедших событий: как только «осмый час приспе», «*абие* (т.е. «тотчас», «немедленно». – В. Р.) дух южны потягну».

Большинству исследователей проблема хронометрии событий Куликовской битвы представляется решенной. Из четырех известных

³⁹ Карамзин Н. М. История... Т. 5. С. 43; Соловьев С. М. История России... Кн. 2. С. 277.

памятников Куликовского цикла только два – самые поздние (летописная Повесть и «Сказание») – имеют указания на часы, в которые происходили те или иные события сражения на Непрядве. Вслед за М. Н. Тихомировым многие исследователи склонны доверять информации летописной Повести, согласно которой битва продолжалась три часа – «от шестого часа до девятого»⁴⁰. С этой точкой зрения согласен и В. А. Кучкин, который считает, что «сведения о продолжительности Куликовской битвы содержатся в “Летописной Повести”: с 6 по 9, т.е. с 10 ч. 35 мин. до 13 ч. 35 мин.». Но, по справедливому замечанию исследователя, «“Летописная Повесть” не знает, когда в сражение вступил засадный полк. Время его вступления называет “Сказание о Мамаевом побоище”: 8 час (12 ч. 35 мин.)». С другой стороны, полагает В. А. Кучкин, «автор “Сказания” не знал, когда началась и когда закончилась битва». На основе приведенных аргументов исследователь приходит к выводу о «согласованности разных источников относительно хронологии важнейших эпизодов битвы», что, на его взгляд, «позволяет с доверием относиться к содержащимся в них хронологическим указаниям»⁴¹.

По нашему мнению, такой подход не является в достаточной мере обоснованным. Само по себе более раннее (по сравнению со «Сказанием») происхождение летописной Повести еще не служит аргументом в пользу большей достоверности содержащейся в ней хронометрической информации. Наоборот, большая отдаленность памятников от описываемых событий (в случае с летописной Повестью – как минимум, несколько десятилетий, в случае со «Сказанием» – приблизительно 100–120 лет) в одинаковой степени позволяет усомниться в точности хронологических расчетов авторов этих произведений. «Согласованность» же версий обоих памятников представляется нам надуманной.

Во-первых, сам автор «Сказания», по всей видимости, полагал, что знает, когда началась битва: *в третьем часу съступишася грозно обе силы великиа*⁴². Более того, автор памятника рассказывает о событиях, произошедших, по его мнению, между вторым и третьим часом⁴³. *Под шестым же часом*, когда, согласно летописной Повести, битва только начинается («въ шестую годину дни начаша появляться погании измаилтяне в поле... и тоу сретошася полци...»⁴⁴), в «Сказании» находим рассказ о том, как «Божимъ попустиемъ, греховъ ради нашихъ начаша погании одолевати». Именно в это время и происходит знаменитый разговор Владимира

⁴⁰ Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. С. 370. Ср.: Кирпичников А. Н. Великое Донское побоище... С. 296.

⁴¹ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 19. Прим. 120. С ним согласен и Б. М. Клосс. Памятники Куликовского цикла... С. 219.

⁴² Сказания и повести... С. 43, 98. Ср.: Там же. С. 121; ПСРЛ. Т. 26. С. 141.

⁴³ Сказания и повести... С. 41–43, 96–98.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 317–318; Т. 6. СПб., 1853. С. 94.

Серпуховского и Боброка о времени вступления в бой на помощь погибающим соплеменникам.

Во-вторых, оказывается, что автор «Сказания» знал и время окончания боя. Если сравнить находящиеся в обоих памятниках описания того, что происходило на Куликовом поле, то станет ясно, что свои последние хронометрические указания разные авторы отнесли к одному и тому же событию, по-разному лишь «датировав» его.

Действительно, согласно летописной Повести, «въ 9 часъ дни, призре Господь милостивыма очим на... вся христианы... видеше вернии, яко въ 9 часъ бьющесе ангелы помогающе христианом и святыхъ мученикъ полкы...» (интересно, что среди мучеников бьются и «тезоименитные Борис и Глеб»)⁴⁵. В «Сказании», как уже было упомянуто, лишь только «осмый час преспе», появляется «духъ южный», знаменующий снизошедшую на русских Благодать. Она же начинает помогать им в борьбе с «погаными»: «сынове же русские, силою Святого Духа и помощью святых мученикъ *Бориса и Глеба*, гоняще, сечаху» татар⁴⁶. Как представляется, под разными часами (8-м и 9-м) в обоих памятниках описываются не сами воинские победы русских, а в первую очередь непременно предшествующие этим победам провиденциальные сцены, сцены сошествия Божьей благодати, помогающей православным воинам, укрепляющей христиан.

Таким образом, мы полагаем, что *существуют две отличные друг от друга хронометрические версии событий Куликовской битвы, ни одна из которых не может быть признана нами в качестве более достоверной.* (Кстати, впервые столкнулся с несогласованностью хронометрических показаний «Сказания» и летописной Повести составитель Кипр. Рассудив, что под «осмым» часом в «Сказании» и под «девятым» часом в летописной Повести описано одно и то же событие (появление помощи «свыще»), книжник «согласовал» хронометрические версии обоих произведений. В результате, как нам представляется, возникла компилятивная хронометрическая версия Кипр., согласно которой битва оканчивалась выходом засадного полка в... девятом часу.⁴⁷)

Появление в столь поздних относительно описываемых в них событий памятниках «точных» хронометрических данных может, на наш взгляд, быть объяснено *спецификой средневекового восприятия времени.*

Как было указано выше, время, будучи объективной категорией существования человечества в окружающем мире, в разные эпохи воспринималось

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 320; Т. 6. С. 95.

⁴⁶ Сказания и повести... С. 45, 99, 123; ПСРЛ. Т. 26. С. 142, 340.

⁴⁷ Сказания и повести... С. 65.

по-разному⁴⁸. В Средние века существовало особое отношение ко времени⁴⁹: «Средневековье было безразлично ко времени в нашем, историческом его понимании, но оно имело свои специфические формы его переживания и осмысления»⁵⁰. По мнению Жака Ле Гоффа, средневековая хронология «не определялась протяженностью времени, которое делится на равные отрезки и может быть *точно* (курсив наш. – В. Р.) измерено... Она имела знаковый характер... Средневековые люди доводили до крайности аллегорическое толкование содержащихся в Библии более или менее символических дат и сроков творения»⁵¹. Таким образом, Средневековье «датировало события по другим правилам и с другими целями». Вероятно, лишь даты, *знаменующие* что-либо, могли привлечь внимание средневекового человека, и, наоборот, датировки – определения места события во времени – могли быть использованы, по всей видимости, во многом лишь по отношению к действительно *значащим* событиям. (Тем более «в процессе художественного познания мира», где Средневековье вырабатывало «свои, автономные категории времени и пространства», которые, в свою очередь, обуславливались «скорее особыми *художественными задачами* (курсив наш. – В. Р.), возникавшими перед писателями, поэтами, живописцами».⁵²)

Средневековый человек «не знал ни унифицированного времени, ни единой образной хронологии»⁵³: сутки делились на часы неодинаковой протяженности, а сам отсчет суточного времени мог начинаться с различных моментов: не только с полуночи (как это принято теперь), но и с заката, восхода и даже с полудня. По всей видимости, точность измерения времени, по крайней мере внутри суток, для Средневековья не была столь же актуальной, как в новое время. Несмотря на то что проблема счисления времени в пределах суток в отечественной историографии поднималась лишь эпизодически⁵⁴, существует достаточно аргументированное мнение крупнейшего специалиста в

⁴⁸ Гуревич А. Я. Представления о времени в средневековой Европе // История и психология: Сб. ст. М., 1971; *Он же*. Категории... С. 43 и далее.

⁴⁹ Пронштейн А. П., Кишико В. Я. Хронология. М., 1981. С. 24.

⁵⁰ Гуревич А. Я. Представления о времени... С. 198. Ср.: Ле Гофф Ж. Цивилизация... С. 164–165.

⁵¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация... С. 165–166.

⁵² Гуревич А. Я. Представления о времени... С. 166; *Он же*. Категории... С. 52.

⁵³ Ле Гофф Ж. Цивилизация... С. 166; Гуревич А. Я. Категории... С. 114.

⁵⁴ Прозоровский Д. И. О старинном русском счислении часов // Труды 2-го Археологического съезда. Вып. 2. СПб., 1881. После работ Д. И. Прозоровского и Н. В. Степанова (см.: Степанов Н. В. Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям. М., 1909) данная проблематика практически не рассматривалась в основных пособиях по исторической хронологии (ср.: Черетин Л. В. Русская хронология. М., 1944. С. 48–49; Каменцева Е. И. Хронология. М., 1967. С. 110; Ермолаев И. П. Историческая хронология. Казань, 1980. С. 110–111; Пронштейн А. П., Кишико В. Я. Хронология. С. 24–26; Климишин И. А. Календарь и хронология. М., 1990 и др.).

области древнерусской хронологии Н. В. Степанова, полагавшего, что на Руси «никакой определенной системы в счете часов не было»⁵⁵.

Причины отсутствия в Средние века точности в измерении столь малых промежутков времени, как час, объясняются в первую очередь тем, что в подобной точности не испытывали особой нужды. «Поскольку темп жизни и основных занятий людей зависел от природного ритма, то постоянной потребности знать точно, *который час* (курсив наш. – В. Р.), не существовало... Жизнь населения регулировалась боем колоколов, соразмеряясь с ритмом церковного времени»⁵⁶. Последовательность же церковных служб и точное в срок их совершение, возможно, также не зависели от *счисления* каждого *конкретного* момента времени. Подобные изо дня в день, через определенные промежутки времени повторяющиеся события можно было хронометрировать приборами типа песочных часов, отмеряющих время только «от и до», но не отсчитывающих и не обозначающих *каждый момент* внутри этого промежутка.

Отсутствие интереса к измерению времени в столь малых величинах⁵⁷ порождало и отсутствие необходимых для подобных вычислений приборов. В Западной Европе, например, «до XIII–XIV вв. приборы для измерения времени были редкостью, предметом роскоши»⁵⁸. Та же ситуация, по всей видимости, наблюдалась и на Руси. Так, первое описание механических часов, установленных на одной из башен Московского Кремля, зафиксировано под 1404 годом «Часник» был установлен выходцем из Сербии монахом Лазарем и обошелся казне в 150 рублей⁵⁹. При этом следует отметить, что установка башенных часов на Руси на протяжении всего XV века представляла собой явление крайне редкое и воспринималась как исключительное событие. Как отмечалось в литературе, «можно с уверенностью сказать, что... широкого размаха строительство башенных часов получает лишь в XVI веке»⁶⁰.

⁵⁵ Степанов Н. В. Единицы счета времени... С. 12–18.

⁵⁶ Гуревич А. Я. Категории... С. 115.

⁵⁷ Наличие умозрительных расчетов Кирика Новгородца или Гонория Августодунского подтверждает лишь то, что время можно было *рассчитать*, не *измеряя* его (см.: Зубов В. П. Кирик Новгородец и древнерусское деление часа // Историко-математические исследования. Вып. 6. М., 1953. Ср.: Гуревич А. Я. Категории... С. 115–116).

⁵⁸ Гуревич А. Я. Категории... С. 114.

⁵⁹ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 86; Черепнин Л. В. Русская хронология. С. 48. Видимо, это и позволило И. П. Ермолаеву прийти к выводу о том, что «четкое деление суток на часы входит в употребление только приблизительно с начала XV века» (см.: Ермолаев И. П. Историческая хронология. С. 110).

⁶⁰ Питуныров В. Н., Чернягин Б. М. Развитие хронометрии в России. М., 1977. С. 12–17. Совершенно естественно, что в индивидуальном употреблении «портативные экземпляры» механических часов появляются гораздо позже, чем те же башенные часы – только начиная с XVI века (см.: Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология. С. 26).

Правда, помимо механических часов существовали приборы, столь же точно измеряющие время, но основанные на иных, так сказать, технологических принципах функционирования. К сожалению, обнаружить такие приборы, вероятно, существовавшие на Руси, насколько нам известно, не удалось. Однако необходимо отметить, что «клепсидры» – водяные часы – даже в Западной Европе «оставались редкостью, были скорее игрушкой или предметом роскоши, чем инструментом для измерения времени»⁶¹. Скорее всего, в климатических условиях европейской части России период применения такого хронометрического прибора ограничивался только теплым временем года, когда температура воздуха не опускалась ниже нулевой отметки. В холодные времена года действие водяных часов, по всей видимости, прекращалось, поскольку вода замерзала, из-за чего сами часы могли выйти из строя. Что касается «гномонов» – солнечных часов, то они «были пригодны лишь в ясную погоду»⁶² и в светлое время суток. На Руси, особенно на северо-востоке, где лишь меньшая часть дней в году была и остается солнечной, а значительная часть года – это время «пасмурное», в большинстве случаев солнечные часы также оказывались бездейственными.

Даже само упоминание «часа» как «астрономической единицы времени», давно замеченное в русских средневековых текстах (по наблюдениям Н. Ф. Мурьянова, подобное упоминание содержится уже в «Путятиной Минсе»⁶³, дошедшей в рукописи XI века), не может служить доказательством измерения столь малого для Средневековья отрезка времени. Термин «час», как показал Н. В. Степанов, долгое время на Руси не имел ничего общего с теми «р а в н ы м и (разрядка Н. В. Степанова. – В. Р.) часами», которые составляли 1/24 суток и которыми принято измерять время теперь⁶⁴. Каким же образом все-таки измерялось суточное время, откуда в источниках появляются почасовые указания?

Согласно гипотезе Н. В. Степанова, «русские не по часам определяли время обеден, вечерень, заутрень, а, наоборот, по обедам, вечерам и заутреням (а также по другим службам суточного круга, добавим мы. – В. Р.) любители определяли, когда желали этого, свои часы»⁶⁵. При этом,

⁶¹ Гуревич А. Я. Категории... С. 114.

⁶² Там же.

⁶³ Мурьянов М. Ф. Хронометрия Киевской Руси // Советское славяноведение. 1988. № 5. С. 68.

⁶⁴ Степанов Н. В. Единицы счета времени... С. 14–16.

⁶⁵ Там же. С. 17. С тем, что «время обычно указывали по церковным службам», согласна и Е. И. Каменцева (см.: Каменцева Е. И. Хронология. С. 110). Эта гипотеза нашла подтверждение и на западноевропейском материале (ср.: Гуревич А. Я. Категории... С. 115). Вероятно, определив «точное время» по колокольному звону местного храма, книжник и заносил в свое сочинение «хронометрическую» информацию о событиях. Определение времени самих служб, как мы указали, могло происходить с помощью песочных часов,

как совершенно верно, на наш взгляд, отметил Н. В. Степанов, именно «важность (описываемого в произведениях древнерусской литературы) события (добавим: его значимость. – В. Р.) требовала... подобающего описания»⁶⁶, в том числе, по всей видимости, и с привлечением хронометрической информации об этом событии.

В представлении Средневековья явления реальной жизни, а также события, описываемые в произведениях литературного творчества, разворачивались как бы «сразу в двух временных планах – в плане эмпирических, преходящих событий земного бытия и в плане осуществления Божьего предначертания»⁶⁷. При этом само историческое время (время «преходящих событий»). – В. Р.) было подчинено сакральному времени⁶⁸. Поскольку средневековое сознание основывало и причину причин всякого явления видело в действиях Творца, «конкретные исторические события не воспринимались буквально, как нечто самоценное, их соотносили с промыслом Божиим и наделяли провиденциально-эсхатологическим значением»⁶⁹. Действовал «принцип», согласно которому событие было «существенно... постольку, поскольку оно являлось со-Бытием»⁷⁰, а «сами факты земной жизни в сознании человека представляли не иначе как знаки и образы, связанные с действием и волеизъявлением Творца»⁷¹. Все это создавало своеобразные критерии как для отбора требующих фиксации фактов, так и для выбора средств их описания. Средневековому книжнику, вероятно, приходилось учитывать не только то, когда то или иное событие могло произойти на самом деле, но и то, как соотносится «проставленное» им «земное время» описываемого события с временем «сакральным».

Как нам представляется, появление точных почасовых указаний в летописной Повести и «Сказании о Мамаевом побоище» может быть объяснено или привлечением составителями этих памятников каких-либо более ранних, но не дошедших до нас (при этом обязательно разных, поскольку почасовые датировки обоих памятников существенно отличаются) источников, или сознательным, творческим приемом авторов летописной Повести и «Сказания», стремившихся обозначить наиболее важные, с их точек зрения, события битвы именно таким образом – «хронометрировав» их.

измеряющих не точное время, а лишь временные промежутки, скажем, от одной службы до другой.

⁶⁶ Степанов Н. В. Единицы счета времени... С. 19.

⁶⁷ Гуревич А. Я. Категории... С. 121.

⁶⁸ Там же. С. 120.

⁶⁹ Кириллин В. М. Символика чисел в древнерусских сочинениях XVI века // Естественно-научные представления в Древней Руси. М., 1988. С. 106.

⁷⁰ Данилевский И. Н. Библия и Повесть временных лет. К проблеме интерпретации летописного текста // ОИ. 1993. № 1. С. 79.

⁷¹ Кириллин В. М. Символика чисел... С. 106.

Возможность пользования составителями летописной Повести и «Сказания» двумя (!) не дошедшими до нас источниками, содержащими разные хронометрические версии одних и тех же событий, представляется нам маловероятной. Если какие-либо ранние хронометрические свидетельства о событиях Куликовской битвы и существовали, то почему ими не воспользовались авторы «Задонщины» или краткой летописной Повести? Трудно предположить, что составители этих рассказов о Куликовской битве могли не знать о существовании хотя бы одного из двух гипотетических памятников, коль скоро с ними смогли познакомиться авторы более поздних источников – летописной Повести и «Сказания». Трудно также предположить, что составители «Задонщины» и краткого летописного рассказа сознательно и последовательно обходили упоминания столь точных хронометрических данных, которые только бы добавили живости в их повествования.

Вероятнее предположить, что отмеченные хронометрические указания и в летописной Повести, и в «Сказании» явились плодом творчества самих сочинителей этих памятников. Подобная точка зрения представляется тем более резонной, что, по всей видимости, хронометрические измерения во время битвы вообще не производились – ни при помощи часов (водяных ли, солнечных ли, а уж тем более – механических или песочных), ни при помощи колокольного звона. (Поскольку Куликово поле находилось, согласно представлениям того времени, за пределами «Русской земли», а следовательно, и православного мира, возможность существования вблизи места сражения каких-либо православных храмов, имеющих к тому же и звонницы, приходится исключить.) Хронометрические версии событий сентября 1380 года, скорее всего, появились много позже, когда потребовалось описать произошедшее на Куликовом поле, причем описать *шаче*, чем это сделали «Задонщина» и краткая летописная Повесть. При этом авторы летописной Повести и «Сказания», по всей видимости, исходили из того, что точное хронометрирование выделяет описываемое ими событие из общего ряда «безымянных», с точки зрения хронологии, фактов рассказа. Условность же хронометрических указаний отнюдь не смущала ни самих книжников, ни их «читательскую аудиторию», поскольку, вероятнее всего, являлась нормой современного им художественного повествования.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что упоминание «осмого часа» как момента времени, когда «имать быти благодать Божия», как момента, когда «сила Святого Духа» начинает помогать русским полкам, не отражает реальный 8-й час дня (по древнерусской системе счисления часов), а имеет символическое значение. Средневековью были известны

«добрые» и «злые» дни⁷², были известны также и «добрые», и «злые» часы⁷³. Возможно, автор «Сказания» имел основания полагать, что «осмой час» в субботу 8 (!) сентября 6888 (целых три восьмерки) года непременно должен был быть «счастливым», отмеченным Божественной благодатью и поэтому *благоприятным* для победы русских сил. Именно эти соображения, вероятно, и могли подвигнуть средневекового книжника дать указание на то, что Дмитрий Боброк ожидал «осмого часа», «времени подобнаго», когда «благодать Божия» снизойдет на православное воинство.

Анализ числовой символики исследуемого нами «осмого часа» укрепляет подобное предположение. Дело в том что «идеи о числах как теологических символах, отражающих сущность высшей непознаваемой истины, постоянно питали средневековую мысль, воплощаясь в той или иной форме»⁷⁴. Причем «функции последних (чисел. – В. Р.) в контексте того или иного произведения... не всегда [были] определены только фактологическими задачами; не редки сочинения, в которых числа использованы как средство художественной изобразительности, средство, обладающее специфической сакрально-символической семантикой»⁷⁵. Число несло дополнительную, причем – часто *сущностную*, информацию о том или ином событии или явлении.

В православии число 8 с древнейших времен символизировало *вечность*, «новый эон», «Царство Божие»⁷⁶. Связано это было с тем, что в христианском сознании число 8 ассоциировалось с «восьмым днем Творения». Начиная с трудов Отцов Церкви время земной жизни разворачивалось в рамках своеобразной «седмицы». Согласно данной концепции, земное время являлось как бы отражением символического времени «шести дней творения», включая и «седьмой день», когда Господь «почил от всех дел своих»⁷⁷. Таким образом, земная жизнь человечества, вплоть до Страшного суда, укладывалась в указанную седмицу. Согласно средне-

⁷² Известно, например, послание старца Филофея Михаилу Григорьевичу Мухомину «О злых днехъ и часехъ» (см.: ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 442–455). См. также: *Симонов Р. А.* Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси. По данным русской средневековой книжной культуры. М., 2007. С. 265–278.

⁷³ *Он же.* Объяснение оригинальной трактовки «качеств» хронократоров в древнерусском астрологическом тексте XV века // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. М., 1992. С. 327–343. См. также: *Гуревич А. Я.* Категории... С. 117.

⁷⁴ *Кириллин В. М.* Символика чисел... С. 83.

⁷⁵ *Кириллин В. М.* Епифаний Премудрый: Умозрение в числах о Сергии Радонежском // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6. Ч. 1. М., 1994. С. 80–81.

⁷⁶ Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М., 1983. С. 240, 665.

⁷⁷ *Зелинский А. Н.* Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст. 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978. С. 94–95.

вековым представлениям, по «окончании времен», то есть по окончании «земной седмицы» и Страшного суда, должен был начаться «восьмой день», представляющий собой «последний век», вечно длящийся «единый день» Спасения⁷⁸.

Символическое значение числа 8 было хорошо известно в средневековой Руси: наступление восьмой тысячи лет от Сотворения Мира воспринималось как начало «восьмого дня», которому должен был предшествовать Страшный суд. Именно подобное восприятие времени и определило высочайшую напряженность ожидания 7000 года от Сотворения Мира (1492 от Рождества Христова), вслед за которым православные христиане ожидали «окончания времен»⁷⁹. Широкое распространение символика «восьмерки», по всей видимости, получила и в иконографии – знаменитый восьмиугольник, в который как бы вписывалась фигура Христа («Спас в силах»), олицетворял собой эсхатологическую Вечность⁸⁰. По наблюдениям Д. С. Лихачева, восьмиугольная форма крещальной купели также имела символический смысл: погружаемый в купель новообращенный христианин тем самым приобщался к «жизни вечной», к Спасению⁸¹.

В этой связи упоминание «осмого часа» как времени, несущего на себе черты пачала «вечной жизни», возможно, имело особую символическую значимость еще и потому, что сами описываемые в памятнике события происходили в знаменательный для христианина день – *день Рождества Пресвятой Богородицы*⁸²: «Сказание», равно как и другие памятники «Куликовского цикла», специально подчеркивает этот факт⁸³. Рождество Богородицы, согласно церковному Преданию, «ознаменовано наступлением времени, когда начали исполняться великие и утешительные обетования Божия о спасении рода человеческого от рабства диавола»⁸⁴. Можно пред-

⁷⁸ Оксюк М. Ф. Эсхатология св. Григория Нисского: Историко-догматическое исследование. Киев, 1914. С. 2, 497.

⁷⁹ Зелинский А. Н. Конструктивные принципы... С. 96–98. Согласно тексту Священного Писания, «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. 3: 8) и «перед очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний» (Пс. 89: 4–5). См. также: Зелинский А. Н. Конструктивные принципы... С. 94.

⁸⁰ Д. С. Лихачев подметил, что композиция «Троицы» Андрея Рублева «вписана в восьмиугольник, образуемый табуретами и подножиями внизу, архитектурными деталями и горкой вверху. Этот восьмиугольник символизирует собой вечность...» (см.: Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV в.). М.; JL, 1962. С. 129).

⁸¹ Там же.

⁸² Как отметил А. Н. Робинсон, то, что сражение происходило 8 сентября, в праздник Рождества Богородицы, «в данную эпоху (эпоху создания памятников Куликовского цикла. – В. Р.) имело немаловажное моральное значение» (см.: Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 12).

⁸³ Сказания и повести... С. 10, 14, 20, 41, 62, 96; ПСРЛ. Т. 26. С. 139, 338.

⁸⁴ Месяцеслов (8 сентября). С. 41. Интересно, что в Летописи редакции «Сказания о

положить, что именно в данном контексте символика Праздника Рождества Божьей Матери, по всей видимости, была тесно связана с символикой числа 8. Действительно, и праздник, и число так или иначе семантически связаны с образами Спасения: праздник знаменует начало Спасения, а число – саму Вечную жизнь – эсхатологическую вечность спасшегося человеческого рода. Кроме того, символическая связь праздника и числа прослеживается даже в таком немаловажном (особенно для вечно ищущего Божественных знамений средневекового сознания) факте, что само Рождество Богородицы приходится на 8 (!) сентября.

Таким образом, упомянутый «осмой час», по всей видимости, отражал своеобразное «художественное время» памятника, автор которого с позиций провиденциализма воспринял и описал победу русских на Куликовом поле. В контексте наступления спасительного для всего человеческого рода праздника Рождества Богородицы использование числовой символики «осмого часа» (ассоциация с Вечностью), вероятнее всего, было вызвано стремлением автора произведения усилить и уточнить и без того присутствующую в «Сказании» художественную интонацию, посвященную теме избавления православных христиан от «казней Господних» в лице «поганых» татар⁸⁵.

* * *

Итак, объяснение действиям воеводы, ожидающего наступления «осьмого часа», появляется, как только мы представим, что перед нами разворачиваются помыслы и поступки *не реального* Дмитрия Боброка – героя Куликовской и других битв второй половины XIV века, а Дмитрия Боброка – героя литературного, *героя художественного произведения*, по всей видимости, рубежа XV–XVI веков – «Сказания о Мамаевом побоище». Анализ некоторых «подробностей» в описании кульминационного эпизода

Мамаевом побоище» мы находим подтверждение того, что спасительный смысл праздника был известен, по крайней мере, составителю этой редакции, а скорее всего – и авторам всех памятников Куликовского цикла: «Приспе же праздник сентября 8, начало спасения нашего рождеству святой богородицы...» (см.: ПСРЛ. Т. 26. С. 139. Ср.: Служба на день Рождества Пресвятые Богородицы... С. 8; Минея. Сентябрь... С. 213; Минея Общая. М., 1993. Л. 16 об.).

⁸⁵ Случаи подобного использования числовой символики известны. Так, например, автор одной из редакций «Сказания о Тихвинской Одигитрии» «попытался с помощью сакральной символики чисел (в данном случае – 3, 5, 7, 15. – В. Р.) донести до читателя не выразимую средствами простого языка идею о сокровенном смысле явления иконы и последующих чудесах и событиях» (см.: Кириллин В. М. Символика чисел... С. 107). Предложенная нами интерпретация «осьмого часа» «Сказания» в последнее время получила поддержку со стороны целого ряда исследователей. См.: Кириллин В. М. Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище». М., 2007; Симонов Р. А. Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси... С. 265–278.

сражения («дух южны», «осмой час»), позволяет нам сделать вывод, что перечисленные детали, вероятно, не соотносились с реальными обстоятельствами Куликовской битвы. Функция указанных деталей – знаковая. Не лишним будет напомнить наблюдение С. С. Аверинцева, который обратил внимание на то, что по средневековым представлениям «человек обязан (был) быть... “знающим значение знаков и знамений” – или, если угодно, семиотиком»⁸⁶. Указанные детали как бы направляли восприятие читателя в необходимом автору смысловое русло, позволяя за «военно-историческим» сюжетом разглядеть не выраженный явно «эсхатологический» подтекст, не менес, а может быть, и более значимый для понимания смыслов, заключенных в «Сказании о Мамаевом побоище».

⁸⁶ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 123.

Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского
(Бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника)

(Впервые опубликовано:
Древняя Русь. Вопросы медиевистики.
2000. № 2. С. 15–27)

Поступок Дмитрия Донского, покинувшего столицу перед лицом нашествия Тохтамыша на Москву, неоднократно привлекал внимание исследователей Древней Руси. Действительно, «пораженческое» поведение великого князя, за два года перед этим разбившего полчища «поганого» Мамай «на усть Непрядве», явно не вписывалось в рамки традиционного образа героя Куликовской битвы. Видимо, поэтому исследователи прежде всего стремились дать объяснение столь необычным действиям Дмитрия Ивановича.

Чаще других приводится мнение, согласно которому «давшаяся тяжелой ценой и стоившая огромных потерь победа на Куликовом поле несколько ослабила русские военные силы». В этой связи ряд исследователей полагают, что «Дмитрий Иванович выехал из столицы для сбора ратных сил»¹. Однако указанная точка зрения, хотя и стала традиционной, не является единственной.

В науке существует иная трактовка событий, наиболее полно представленная в работе М. А. Салминой, специально посвященной «Повести о нашествии Тохтамыша». По мнению исследовательницы, Дмитрий покинул Москву из-за «несамоуверенности» и «несимпатичности», возникших среди русских князей. «Именно из-за того, что князья “не хотяху пособляти друг другу и не изволиша помогати брат брату”, великому князю Дмитрию, который с самого начала “хотя ити противу татар”, пришлось оставить

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. XI–XV вв. Ч. 2. М., 1953. С. 228. Ср.: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Л., 1950. С. 327; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 158–159 и др.

Москву»². Л. В. Черепнин в исследовании, посвященном процессу образования Русского централизованного государства, высказал мнение, согласно которому «одной из причин (а может быть, главной причиной), побудивших Дмитрия Донского покинуть Москву», являлось якобы назревавшее «антифеодалное восстание» горожан³.

Наконец, авторы самой поздней по времени трактовки действий Дмитрия в 1382 году, обращая внимание на неоднократные указания источников на *царскую* титулатуру Тохтамыша (в отличие от Мамая, которого, по всей видимости, на Руси воспринимали в качестве «узурпатора царства»), полагают, что отказ *великого князя* от открытого столкновения с ордынским ханом был связан с нежеланием вассала (Дмитрия) «биться» со своим сюзереном (Тохтамышем)⁴. Из всех приведенных, пожалуй, только последняя версия опирается на свидетельства самых ранних из дошедших источников – Сим. и Рог., отразивших, в свою очередь, т.н. «Свод 1408 года» (Тр.)⁵. Остальные же трактовки причин отъезда великого князя из Москвы основываются либо на поздних рассказах летописных памятников (версия о «несоюзнении» русских князей), либо на вовсе не подкрепленных текстами источников представлениях самих исследователей (поездка в Кострому для сбора ратных сил; отъезд перед лицом назревавшего «восстания»). Однако, вероятно, сам факт необычного (в рамках *сформировавшихся стереотипов восприятия* Дмитрия Донского) поведения великого князя и послужил основой *оправдательного* по отношению к Дмитрию пафоса упомянутых исследований.

Памятники, повествующие о событиях 1382 года, сохранились в двух версиях. Первая – краткая и самая ранняя, как показала М. А. Салмина, восходит к уже упоминавшемуся «Своду 1408 года» (Тр.) и читается в

² Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Т. 39. Л., 1979. С. 149. См. также: Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957. С. 249 и др. И. Б. Греков связал поступок великого князя с изменением геополитической обстановки вокруг Москвы. По его мнению, решение об отъезде Дмитрий принял «в результате трезвого анализа создавшегося в июне–августе 1382 года положения в Восточной Европе, в результате трезвой оценки изменившейся общей расстановки сил в системе русских княжеств» (см.: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды... С. 158).

³ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 634.

⁴ Юрганов А. Л. У истоков деспотизма // История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерки истории России IX–XX вв. М., 1991. С. 61–62; Горский А. А. О титуле «царь»... С. 207–208; Он же. Москва и Орда. М., 2000; С. 87–89; Он же. «Всего еси исполнена земля Русская...» Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 134–149. Можно согласиться с мнением В. А. Кучкина, полагающим, что в отличие от ситуации 1380 года, когда «борьба шла против Мамая, могущественного, но темника», в 1382 году «требовалось бороться с чингисидом, законным ханом, которому русские князья приносили вассальную присягу и которую они и по правовым, и по моральным нормам тех времен обязаны были соблюдать» (см.: Кучкин В. А. Дмитрий Донской // ВИ. 1995. № 5–6. С. 77).

⁵ См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. I. Пг., 1922. Стб. 143–144.

Сим. и Рог.⁶ Рассказ Тр. достаточно лаконичен. В своих оценках поступка Дмитрия Ивановича летописец вполне лоялен. Автор версии Тр., по сути, ограничился указаниями на то, что Дмитрий, «слышавъ, что самъ царь идетъ на него съ всею силою своею, не ста на бои противу его, ни подня руки противу царя, но поеха въ свои градъ на Кострому» и что Тохтамыш, «слышавъ, что князь великий на Костроме, а князь Володимеръ у Волока, *поблюдашеся, чая на себе наезда*, того ради не много днеи стояша у Москвы, но, возьмъ Москву, вскоре отиде»⁷. Упоминание же того факта, что за двенадцать дней до взятия ханом Москвы у Дмитрия Ивановича родился сын Андрей⁸, и вовсе придавало действиям великого князя характер вынужденного отступления; отступления, вызванного, помимо «комплекса царя» (термин А. А. Горского⁹), возможно, еще и желанием защитить семью¹⁰.

Вторая версия событий, связанных с «взятием» Москвы, изложена в исследуемой нами летописной «Повести о нашествии Тохтамыша» («О пленении и о приходе Тахтамыша царя и о Московскомъ взятии»), которая содержится в НІV, СІ, а также Новгородской Карамзинской (сохранилась в единственном списке ОР РНБ, F.IV.603; *далее* – НК) летописей¹¹. М. А. Салмина доказала, что в основе Повести НІV-НК-СІ лежал краткий рассказ Тр. Что же касается дальнейшей эволюции текста произведения (Повесть в том или ином объеме представлена в большинстве поздних летописных сводов), то, по мнению М. А. Салминой, тексты Повести, читающиеся в сводах, восходящих к НІV-НК-СІ, «являются уже переработками этих последних», т.е. практически не играют роли при восстановлении первоначальных чтений памятника¹². В науке нет единого мнения относительно времени появления Повести¹³. Датировка колеблется

⁶ Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 136–137.

⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143–144, 146.

⁸ Там же. Стб. 143–144.

⁹ Горский А. А. О титуле «царь»... С. 208.

¹⁰ Кучкин В. А. Дмитрий Донской. С. 77.

¹¹ Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 136–143. Тексты «Повести» изданы: в составе НІV (см.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925), СІ (Там же. Т. 6. СІІб., 1853); НК (см.: ПИДР. XIV – середина XV века, а также: ПСРЛ. Т. 42. СІІб., 2002). См.: Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 9–16; Лурье Я. С. Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV–XV вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 266–269 и др.

¹² См.: Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 136–137.

¹³ Значительная часть датировок вообще не основывается на изучении истории текста произведения. Исследователи XIX века, изучавшие памятник еще до появления работ А. А. Шахматова по истории летописания, в основном доверяли поздней версии Никоновской летописи. Однако, к сожалению, и в ряде работ советских исследователей история текста произведения изучалась в отрыве от истории летописных сводов, содержащих эти тексты. Так выявляли первоначальный вид памятника (и, соответственно,

между 10-ми годами – серединой XV столетия¹⁴. Полагаем, не ошибемся, если будем исходить из того, что «Повесть о нашествии Тохтамыша» отделена от описываемых в ней событий примерно полувековым промежутком времени и отражает позицию людей, живших по крайней мере в первой половине – середине XV столетия.

Рассказ Повести отличает, как нам представляется, более жесткая, нежели та, что дана в летописной статье Тр., оценка действий Дмитрия Донского. В 1382 году, по всей видимости, действительно имело место *сочетание* факторов, способствовавших принятию великим князем решения об отъезде из Москвы. Не вдаваясь в дискуссию относительно истинных мотивов поступка Дмитрия, попытаемся выяснить, в чем видел причины отъезда великого князя и какую оценку его действиям давал автор «Повести о нашествии Тохтамыша». Это тем более важно, что большинство исследователей, помимо лаконичного рассказа Тр., часто обращаются к сведениям, содержащимся в Повести. При этом в их задачу чаще всего входит не только реконструкция событий конца XIV века, но и попытка оправдания Дмитрия. Судя же по всему, автор произведения, описывая происходившее в Москве, преследовал иную цель...

Взяв за основу рассказ своего предшественника – автора летописной статьи 6890 года в «Своде 1408 года», составитель Повести дал более подробное описание событий. Распространение рассказа осуществлялось им не только путем развития уже существующих образов и описаний, но и за счет внесения в текст ранее неизвестной информации, зачастую имеющей оценочный в отношении Дмитрия Донского характер. Попытаемся проанализировать подобного рода информацию и выявить ее оценочный смысл.

Рассказы обоих источников о начале нашествия и о движении Тохтамыша к Москве в принципе мало чем отличаются: и та, и другая версии повествуют о приказе хана грабить русских гостей «в Болгарах»,

датировали его) Б. Д. Греков, М. П. Тихомиров, Л. В. Черепнин и ряд других уважаемых авторов. См.: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда... С. 327 и далее; *Очерки истории СССР...* Ч. 2. С. 228 и далее; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва... С. 249, 251; *Черепнин Л. В.* Образование... С. 629–647 и др.

¹⁴ М. А. Салмина и поддержавший ее мнение А. А. Зимин исходили из того, что памятник возник в условиях борьбы Василия II с Дмитрием Шемякой, и датировали его 40-ми годами XV века (см.: *Салмина М. А.* Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 134–151. Ср.: *Зимин А. А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 138–139). Правда, впоследствии М. А. Салмина не исключила возможности более поздней датировки Повести (см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2. Ч. 2. С. 255). В. А. Кучкин полагает, что памятник возник в составе летописного свода в 30-х годах XV века (см.: *Памятники Куликовского цикла.* СПб., 1998. С. 63), А. Г. Бобров датирует свод 1418–1419 гг. (см.: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 149–160), с ним согласен и А. А. Горский (*Горский А. А.* Русь... С. 249).

о походе Тохтамыша «на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую», об измене нижегородских князей (в том числе тестя (!) Дмитрия Донского – Дмитрия Константиновича Суздальского), а также рязанского князя Олега¹⁵.

Расхождения (и при этом, как нам представляется, существенные!) в оценке событий появляются там, где рассказ так или иначе касается поведения великого князя. На фоне прежнего единодушия обоих книжников такой переход представляется неслучайным. Действительно, если ранний рассказ относительно поступка Дмитрия, по сути, ограничивается уже приведенной нами фразой о том, что великий князь не встал «на бой противу самого царя» и уехал в Кострому, то Повесть даст более подробную и во многом отличную от предыдущей версию развития событий.

Согласно Повести, «слышав же великий князь... како идет на него самъ царь..., нача сбирати воя и съвокупляти полки своа и высха из града Москвы, *хотя ити противу татаръ*»¹⁶. Однако возникло «неединачество и неимоверьство» среди созванных Дмитрием «думоу думати» русских князей, восвод «з думцами», вельможей и «боляр старейших». «И то познавъ и разумевь и рассмотревъ, – пишет автор Повести, – благовернии князь бы в *недомышлении* велице, и *оубояся* стати в лице самого царя, и не ста на бои противу его, и не подня руки на царя, по поеха в градъ свои Переяславль, оттуду мимо Ростовъ, и паки реку *вборзе* на Кострому». («А Киприан митрополит, – добавляет книжник, – присха на Москву».)¹⁷ Таким образом, объяснение поступка Дмитрия «комплексом царя» автора Повести не вполне устроило. В этом произведении великий князь, наоборот, пытается организовать сопротивление татарам, однако потом (в силу каких-то обстоятельств) он «убоялся», после чего и уезжает в далекую и безопасную Кострому. (Любопытно употребленное книжником определение «вборзе»: тем самым как бы создается эффект быстрого перемещения, настоящего бегства великого князя из города в город.)

Вслед за упоминанием об отъезде великого князя из стольного града автор летописной статьи Тр. переходит к рассказу о приходе Тохтамыша к Москве и обороне столицы под руководством литовского князя Остеса. В отличие от составителя ранней версии автор Повести и тут распространяет рассказ предшественника – на этот раз он добавляет подробное описание ситуации в столице после бегства Дмитрия Донского: «...во граде

¹⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 327–328; Т. 6. С. 98–99.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 328; Т. 6. С. 99.

¹⁷ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 328. Ср. в С1: «бысть въ недоумении и размышлении» (см.: Там же. Т. 6. С. 99). И. И. Срезневский определял «недомышление» как «сомнение», «затруднение» (см.: *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 2. Спб., 1902. Стб. 375).

Москве бысть мятня многа и мятежь великъ зело, – пишет он, – беху людие смушени, яко овца, не имуща пастуха, гражаньстии людие възмятошася и възколебашася, яко пьяни...»¹⁸ Как представляется, выделенная фраза одновременно служит и объяснением причин произошедшего в столице «мятежа», и в значительной мере дает представление об отношении автора к бегству Дмитрия Ивановича. Дело в том что с позиций христианской этики (опирающейся в данном случае прежде всего на евангельское слово: «...пастырь добрый полагает жизнь свою за овец, а наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец и бежит, и волк расхищает овец и разгоняет их...»¹⁹). Дмитрий поступает не так, как должно, нарушает эталон поведения князя-пастыря. Видимо, именно на эту сторону поступка героя Куликовской битвы указывает автор Повести, описывая «мятеж» в столице. По его мнению, насколько об этом можно судить из приведенного отрывка, сам отъезд великого князя из осажденной столицы и послужил причиной «смущения граждан». Таким образом, становится ясно, что отъезд Дмитрия произошел не из-за «назревавшего восстания» горожан, а, наоборот, бегство великого князя («пастыря») из города послужило причиной «смутения» жителей Москвы («овца»).

Автора Повести не удовлетворил также лаконичный рассказ летописной статьи Тр. о действиях князя Остея в осажденной столице: книжник распространил известие, показав, как ему представлялось, истинную роль литовского князя в происходивших в Москве событиях. Если в статье Тр. говорилось лишь о том, что Остей «в граде Москве затворился... съ множеством народа...», то Повесть рисует полную драматизма картину бедствий москвичей в отсутствие великого князя («граду же единаче в мятежи смущающесе, аки морю мутящесе в бури велице, и ни откудау же оутешениа обретающе, нъ паче бошихъ и поуцихъ золь ожидаахоу»²⁰) и вслед за этим сообщает о приезде Остея – «внука Ольгердовича». Остей, согласно Повести, «окрепивъ народъ и мятежь градный укротивъ»²¹. Таким образом, в Повести Остей предстает не просто как глава защитников города, но и как князь, сумевший преодолеть смуту, возникшую после отъезда Дмитрия Ивановича. В понимании автора Повести литовский князь как раз и сыграл роль того самого «пастыря», место которого оказалось вакантным

¹⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 328. Ср. в С1: «яко овцы не имуща пастыря» (см.: Там же. Т. 6. С. 99).

¹⁹ Иоанн. 10: 11–12. Ср. с древнерусским текстом: «...пастырю добрый, положивый душо за овце» («Слово о законе и благодати»); «...пастухъ добрый доушо своя полагать за овця» (Остромирово Евангелие). Цит. по: Срезневский И. И. Материалы... Т. 2. Стб. 886, 887.

²⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 329; Т. 6. С. 99.

²¹ Цит. по тексту НК (см.: ПЛДР. XIV – середина XV века. С. 194). В С1 Остей «мятежь градный устави»; в ПIV – «оукрепивъ» (см.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 329; Т. 6. С. 99).

после отъезда Дмитрия и без которого были «смущены» горожане. Остей по сути заменяет Дмитрия, бежавшего в Кострому: он «укрепляет» дух населения, возглавляет оборону города, наконец, он погибает вместе со многими москвичами. По всей видимости, именно так, по мнению автора Повести, должен был поступить и Дмитрий, если бы действовал согласно христианскому эталону поведения князя-пастыря. Противопоставляя поведение Остея и Дмитрия, автор Повести, судя по всему, хотел показать, сколь далеким от христианских образцов был поступок великого князя²².

(Для того чтобы представить, насколько поведение Дмитрия Ивановича не соответствовало принятым в православном мире образцам, достаточно сопоставить действия великого князя московского с действиями «цесаря» – византийского императора Константина в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году», приписываемой перу Нестора-Искандера. Оснований для подобного сопоставления более чем достаточно: оба персонажа имеют одинаковый статус – они «пастыри» для своих подданных; оба они действуют в аналогичной ситуации – перед лицом нашествия «поганых», при этом и тот, и другой имеют возможность избежать гибели, покинуть город. Но если Дмитрий Иванович покидает Москву и бежит в Кострому, то «цесарь» Константин, не поддаваясь на многочисленные уговоры приближенных, принимает решение остаться в осажденном городе («да умру зде с вами» – рефреном звучит его ответ) и до конца разделяет судьбу своей «паствы» – погибает от рук «иноплеменных». И во время осады Константин ведет себя должным образом, именно так подобает вести себя пастырю: император *«укрепляет стратиъ и воиш, такоже и всех людей, да не отпадут надеждоу, но да уповають на Господа вседержителя»*²³.)

В еще большей степени отношение автора «Повести о нашествии Тохтамыша» к отъезду великого князя проявилось в финальных фразах описания «московского разорения». Как и его предшественник, только еще более подробно, автор Повести рассказал о тех несчастьях, которые обрушились на Москву. По его мнению, «быша Москва градъ великъ, градъ чуденъ, градъ многочеловеченъ, в нем же множество людей, в нем же множество господства, в нем же множество всякого узорочья... Въ единомъ (же) часе, – сокрушался книжник, – изменися видение его (града. – В. Р.), егда взят бысть, и посеченъ, и пожженъ. И видети его

²² Интересен сюжетный ход, согласно которому Остей, заменяя Дмитрия, погибает *вместо* него. В этой связи образ литовского князя сопоставим с образом Михаила Бренка в «Сказании о Мамево побилице»: по приказу Дмитрия воевода Бренк переселается в одежды великого князя, сражается на княжеском коне, погибает под княжеским знаменем как бы *вместо* Дмитрия Донского. См.: Сказания и повести о Куликовской битве. М., Л., 1982. С. 41–42; ПСРЛ. Т. 26. С. 139.

²³ ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 224. См. также: Орлов А. С. Героические темы древнерусской литературы. М., Л., 1945. С. 104.

нечего, разве токмо земля, и персть, и прах, и пепел, и трупиа мертвых многа лежаща, и святыя церкви стояще акы разорены, акы осиротевши, акы овдовевши»²⁴. Закончив полное трагизма описание бедствий столицы, автор Повести вновь возвращается к рассуждениям о причинах столь страшного разорения. Приводимый ниже пассаж, ранее, насколько нам известно, не подвергавшийся анализу исследователей, вероятно, является ключевым для реконструкции отношения автора Повести к поступку Дмитрия Донского.

«Сиде же бысть конець Московскому пленению, – заключает автор Повести рассказ о постигшем Москву несчастье. – Не токмо же едина Москва взята бысть тогда, но и прочии грады и страны пленени быша», – добавляет он. *«Князь же великий, – повторяет книжник уже констатированный в начале Повести факт, – съ княгинию и съ детми пребысть на Костроме, а братъ его Володимеръ на Волоке, а мати Володимерова и княгини въ Торжку, а Герасим владыка Коломенский въ Новгороде»*. И далее следует, как нам представляется, явно негативная характеристика поступка Дмитрия: *«Кто насъ братье, о семь не устрашитя, видя таковос смущение Руской земли? Яко же Господь глагола Пророкомъ: аще хочете, послушаете мене, благия земная снете, положю страхъ вашъ на вразехъ вашихъ; аще ли не послушаете мене, то побегнете никимъже гоними, пошло на вы страхъ и ужасъ, побегнетъ васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща (вариант – “тма”»*²⁵.

Интересно, что приведенный отрывок в полном виде читается только в списках НІV и в НК. СІ текст от слов «кто насъ братье, о семь не устрашится...» и до фразы «...побегнетъ васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща» не содержит. Однако помимо текста Повести приведенный пассаж в части, отсутствующей в СІ, читается (причем дословно) в НПЛ младшего извода (далее НПЛ мл.), текст которой содержит лишь краткое сообщение о нашествии Тохтамыша. Кстати, в той же НПЛ поступок Дмитрия охарактеризован достаточно четко: говорится о том, что князь именно *«побежа... на Кострому»*, причем побегал не перед лицом «самого царя», а по более прозаической причине – *«видя многое множество безбожныхъ Татаръ, не ста противу имъ»*²⁶.

²⁴ Цит. по НК (см.: ПЛДР. XIV – середина XV века. С. 202).

²⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 337; ПЛДР. XIV – середина XV века. С. 202.

²⁶ Имеет смысл привести общерусскую часть известия летописной статьи 6890 года НІ полностью: «Въ лето 6890. Прииде царь Татарский Тактамышъ, въ силе велице, на землю Рускую, много попустиши земли Рускон: взя градъ Москву и пожже, и Переяславль, Коломну, Серпоховъ, Дмитровъ, Володимеръ, Юрьевъ, князь же великий, видя многое множество безбожныхъ Татаръ, и не ста противу имъ; нъ на Кострому побежа съ княгинию и съ детми, а князь Володимеръ на Волокъ, а мати его и княгини въ Торжокъ, а митрополитъ въ Тферь, а владыка Коломенский Герасимъ въ Новьгородъ и кто насъ, братие, о

Скорее всего, процитированный отрывок восходит к летописанию Великого Новгорода. И, судя по всему, именно текст, дошедший до нас в составе НIV-НК, является первоначальным текстом Повести. Составитель же общерусской – московской по своему происхождению – СI летописи, активно пользовавшийся материалами новгородского летописания, видимо, не рискнул оставить этот фрагмент в редактируемом им тексте²⁷. Новейший исследователь новгородского летописания А. Г. Бобров полагает, что именно «редакторским сокращением следует объяснить и отсутствие в СI читавшихся в протографе СI-НК нескольких крупных фрагментов из Повести»,

семь не усташится, видя таковое смущение Руской земли? якоже Господь глагола пророкомъ: аще хотите, послушаете мене, благаа земная спесте и положу страхъ вашъ на вразехъ вашихъ; аще ли не послушаете мене, то побезнетъ никыкъ же сошми, послю на вась страхъ и ужасъ, побезнетъ вась отъ пяти сто, а отъ ста тма... Важно, что приведенный текст находится во всех списках НI – в Комиссионном, Академическом и Толстовском (Толстовский список – копия Академического 50-х годов XVIII века) (см.: НПЛ. С. 378). Текст, совпадающий в данном отрывке с НIV-НК, находится также в Летописи Авраамки, восходящей к НIV (см.: ПСРЛ. Т. 16. С116., 1889).

²⁷ Как справедливо полагала М. А. Салмина, текст Повести НПЛ мл., чтения которого совпадают в указанном отрывке с чтениями других списков этой летописи, «более близок к НIV, чем к СI» (см.: *Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша... С. 138*). «Первичность» НК по отношению ко всем известным спискам НIV, по мнению Я. С. Лурье, «несомненна». Как полагал исследователь, «перед нами памятник, отражающий оригинал НIV» (см.: *Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 81–82*). Того же мнения придерживался и Г. М. Прохоров – оппонент Я. С. Лурье в дискуссии по поводу характера взаимоотношений НIV-СI-НК (см.: *Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 165–198; Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. С. 199–218*)¹. По его мнению, НК «дает текст первоначальный по сравнению с НIV» (см.: *Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 185; Он же. Памятники персводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987. С. 120. Прим. 70*). Следовательно, текст НПЛ «более близок» не столько даже к чтениям НIV, сколько к тексту НК (по сравнению с чтениями СI). Сходство чтений НК-НIV и НПЛ вполне объяснимо: текст НПЛ, как показали исследователи, *восходит к общему протографу НIV-СI-НК* – т.н. «*Своду 1448 года*» (*Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М., Л., 1938. С. 162–164, 170. А. А. Шахматов датировал время составления Комиссионного списка НI 1453–1462 годами (см.: Там же. С. 171)*). См. также: *Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 91–93; Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 138. С данной точкой зрения согласна и Е. Л. Коняевская. См.: Коняевская Е. Л. Повести о Шевкале // Литература Древней Руси: Источниковедение: Сб. ст. Л., 1988. С. 18–19*. Несмотря «на вторичность чтений НК-НIV по сравнению с СI» (мнение Я. С. Лурье), М. А. Салмина пришла к выводу о том, что текст Повести в НК-НIV «полнее (чем в СI. – В. Р.), и можно думать, что именно этот вариант повести находился в своде 1448 г., к которому восходили СI и НIV» (курсив паш. – В. Р.). Иными словами, по мнению исследовательницы, текст Повести в составе НIV отражает более ранний вид памятника, чем текст в СI. Действительно, при анализе разночтений обеих летописей обнаруживается, что СI существенно сокращала текст Повести, читающийся в НIV. «Видимо, – пишет М. А. Салмина, – СI сокращала текст повести, находящийся в НIV...» (см.: *Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 137–138. Прим. 20*). Я. С. Лурье, в целом оценивая характер взаимоотношений НК-НIV с СI, отмечал вторичность текста новгородских летописей (см.: *Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 73–81 и далее*).

в том числе и цитированного отрывка²⁸. Причина ясна: слишком уж негативным получался образ великого князя, «не послушавшего Господа» и поэтому вынужденного спасаться бегством и бросать на произвол судьбы врученное ему Всевышним «духовное стадо».

При анализе приведенной цитаты обращает на себя внимание не только тот факт, что в указанном отрывке автор Повести вновь возвратился к теме отъезда Дмитрия в Кострому – теме, уже однажды им затронутой в начале текста. Не менее, а может, и более важно то, что при этом автор произведения снабдил повторную констатацию ссылкой на «слово Господне». В цитированном отрывке автор Повести перефразировал одну из глав книги Левит (26: 8; 14: 16–17), в которой Господь, обращаясь через Моисея к «сынам Израилевым», говорит: «Если вы будете поступать по уставам Моим... *пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонит тьму*, и падут враги ваши пред вами от меча... *Если же не слушаете Меня...* то я поступлю с вами так: пошлю на вас *ужас*... и падете пред врагами вашими... *и побежите, когда никто не гонится за вами...*» Место фразы в тексте (сразу после повторного указания на отъезд Дмитрия), а также сходство в поведении великого князя с теми, кто «не послушал» Господа (боится; бежит из города в город, когда за ним никто не гонится), позволяют сделать вывод о том, что фраза представляет не что иное, как еще один намек на недостойное поведение Дмитрия Донского.

Однако в данном отрывке отъезд великого князя представлен не просто как поступок, недостойный «князя-пастыря», но и как поступок, вызванный наказанием Господа за «непослушание» Дмитрия. В этом смысле наиболее точно и лаконично общий пафос осуждения поступка Дмитрия передала НПЛ: создается впечатление, что составитель летописной статьи НПЛ, кратко пересказывавший выбранные им из общерусских и новгородских летописей самые важные, по его мнению, известия, посвятил свой рассказ только теме недостойного бегства великого князя.

Мы имеем еще одно свидетельство того, что бегство из города перед лицом внешней опасности в сознании людей XV века ассоциировалось именно с приведенной цитатой из Священного Писания. Так, в описании событий 1480 года, когда на Русь приходил ордынский хан Ахмат, упоминается супруга великого князя Ивана Васильевича – София Палолог, которая в самый опасный для Москвы момент отправилась на Белоозеро вместе с великокняжеской казной. Рассказав о победном для Руси результате «стояния на Угре», автор СИ указал: «Тое же зимы прииде великая княгиня Софья *из бегов*, бе бо *бегала от татар* на Белоозеро, а *не гонял*

²⁸ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 144. А. Г. Бобров усомнился в справедливости существовавшего в науке мнения о наличии общего протографа СИ-НПВ-НК. См. подр.: там же. С. 130–133, 144–149, 164–166.

никто же»²⁹. Видимо, упоминание того, что бегущего «никто не гонит» играло роль маркирующего средства, с помощью которого книжник вносил во внешне нейтральное описание отъезда важной персоны четкий оценочный смысл.

По всей видимости, тема отъезда великого князя перед лицом нашествия татар (вообще врагов) была достаточно актуальной для Руси, по крайней мере начиная с XV века. Достаточно вспомнить, что именно бегством (причем в ту же Кострому!) спасался сын Дмитрия Донского Василий Дмитриевич во время нашествия Едигея в 1408 году; бегством на Белоозеро спасалась от нашествия Ахмата великая княгиня Софья Палолог; в 1571 году бегством спасался и царь Иван Грозный, оставив столицу на разграбление Девлет-Гирею, и т.д.

Однако, судя по всему, особой общественной остроты в глазах как современников, так и потомков проблема поведения великого князя в ситуации приближающихся врагов достигает все-таки в момент нашествия на Русь хана Большой Орды Ахмата в 1480 году. Именно этой теме и было посвящено знаменитое «Послание на Угру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло. Данное произведение можно рассматривать именно как отклик ростовского владыки на слухи о возможном отказе Ивана III от борьбы с татарами. Но одновременно в «Послании на Угру» Вассиана Рыло в наиболее законченной форме отразились представления великокняжеского духовника (и, можно полагать, значительной части тогдашнего общества) об эталоне поведения великого князя перед лицом вражеского (татарского) нашествия на Русь.

Как показали исследователи, в 1480 году в ближайшем окружении великого князя достаточно активно обсуждался вопрос о целесообразности борьбы с надвигающимся на Москву ханом. В связи с этим ряд лиц призывал Ивана III уехать из столицы: по словам древнерусского книжника, эти люди «не думаячи противь татарь... стояти, и биться, думаячи *бежати прочь, а христианство выдати*»³⁰. Вассиан Рыло, будучи сторонником иной линии поведения великого князя, как видно из «Послания на Угру», в своей аргументации исходил не только и не столько из политических соображений, но в первую очередь опирался на современные ему представления о роли и функции главы христианского государства. В силу этого «Послание на Угру» представляет собой стройный ряд рассуждений, имеющих прямые семантические,

²⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 176.

³⁰ См.: Назаров В. Д. Конец золотоордынского ига // ВИ. 1980. № 10. С. 116; Гребенюк В. П. Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы первой половины XV века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 61–62.

а иногда и текстуальные связи с разбираемой нами «Повестью о нашествии Тохтамыша».

Прежде всего, немаловажно отметить, что архиепископ Вассиан обращался к великому князю *«ради спасения»* последнего³¹. Таким образом, проблема выбора князя между отступлением, к которому его призывали оппоненты Вассиана, и противоборством с «погаными», за что выступал архиепископ, сразу же связывалась ростовским владыкой – духовником великого князя – с проблемой личного эсхатологического спасения Ивана Васильевича.

В своем Послании Ивану III Вассиан Рыло рассматривал ряд тем, важных для понимания того, какими были идеалы поведения православного князя в сознании людей XV века. В ряду этих тем наиболее важными, как нам представляется, являются идеи Вассиана о необходимости пастырского служения великого князя и о моральном праве последнего открыто противостоять «самому царю» – ордынскому хану-чингисиду.

«Токмо мужайся и крепися, о духовный сыну, – призывает великого князя Вассиан, – яко же добрый воинъ Христов, по евангельскому великому Господню Словеси: “Ты еси *пастырь* добрый, *душу свою полагает за овца*, а наемник несть, иже пастырь, ему же не суть овца своя, видит волка грядуща, и оставляет овца, и *бегаеть*, яко наемникъ есть, и не радит об овцах”. Ты же убо государю, духовный сыну, не яко наемник, но *яко истинный пастырь, подицися избавити врученное тебе от Бога словесное ти стадо духовныхъ овецъ от грядущаго волка*».

Как видим, Вассиан Рыло прибегает к авторитету тех же текстов, что и автор «Повести о нашествии Тохтамыша» (последний, правда, в несколько завуалированной форме): оба книжника сравнивают князя с духовным пастырем, главная обязанность которого, по мысли Вассиана, защитить «духовных овец» от «волка» – врага. Неисполнение данной обязанности, по мнению владыки, равносильно самым тяжким грехам христианина и приосит тяжкие беды «пастве». Именно поэтому Вассиан гневно осуждает тех «ближних» великого князя, кто пытается «соблазнить» Ивана III покинуть врученную ему Богом паству. Эти люди, пишет Вассиан, призывают князя, *«предав христианство и свое отечество, яко бегуном скытатися по иным странам»*³². Князь-«бегун» в устах Вассиана рискует снискать гнев Божий за свое пренебрежение пастырскими обязанностями. Поэтому архиепископ, призывая великого князя остаться в городе, одновременно пугает и укрепляет того. *«Убойся же и ты, пастырю, не от твоих ли рук тех кровь възыщет Богъ, по пророческому словеси? И где убо хочещи*

³¹ ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 522.

³² Там же. С. 526.

избежати или воцаритися, *погубив врученное ти от Бога стадо?»* – задает риторические вопросы владыка. «Отложи весь страх и возмогай о Господе, о державе и крепости его; *“един бо поженет тысячу, а два двигнетя тмы”*», – призывает он³³.

В Послании Вассиан Рыло формулирует свои представления о праве великого князя московского «поднять руку противу самого царя». Как видно из летописных рассказов о нашествии Тохтамыша (и краткого в Тр., и пространного в Повести), психологический «комплекс царя» во многом сковывал действия великого князя в борьбе против своего сюзерена – ордынского хана («царя»). По всей видимости, та же психологическая установка на невозможность (по моральным и иным соображениям) противостояния «самому царю» довелела и над Иваном III.

Недаром Вассиан Рыло специально останавливался на этой теме, уговаривая Ивана Васильевича выступить против Ахмата: *«Аще ли же еще любопришися и глаголещи, яко: Под клятвою есмь от прародителей, – еже не поднимати руки противу царя, то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати, – пишет Вассиан, – послушай убо, боголюбивый царю, аще клятва по нужди бывает, прощати о таковых и разрешати нам повелено есть, иже прощаем, и разрешаем, и благословляем, яко же святейший митрополит, тако и мы, и весь боголюбивый събор, – не яко на царя, но яко на разбойника, и хищника, и богоборца. Тем же луче бе солгавшу живот получити, нежели истинствовавшу погинути, еже есть пуцати тех в землю на разрушение и потребление всему христьянству и святых церквей запустение и осквернение. И не подобитися окаанному оному Ироду, иже не хоте клятвы преступити и погибе. И се убо который пророк пророчества, или апостол который, или святитель научи сему богостудному и скверному самому называющуся царю повиноватися тебе, великому Русских стран христьянскому царю!»*³⁴

Таким образом, Вассиан обращает внимание великого князя на то, что борьба с ордынским «царем» не только не будет являться нарушением норм морали, а, наоборот, окажется богоугодным делом, поскольку, как полагал архиепископ, во-первых, «царство» «поганых» самозваное, во-вторых, статус «христианского царя Русских стран» на порядок выше статуса «безбожного» царя-«богоборца» (и, значит, первый не должен воспринимать себя вассалом по отношению к другому), а в-третьих, в плане эсхатологического спасения борьба с разрушителями «всего христьянства и святых церквей» сама по себе является поступком, искупающим грех клятвopеступления. Тем самым Вассиан Рыло, освобождая

³³ ПИДР. Вторая половина XV века. С. 526.

³⁴ Там же. С. 530.

своего духовного сына от страха перед возможным грехом, сформулировал основные аргументы в пользу борьбы «противу» ордынских ханов, воспринимаемых до этого на Руси высшей, Богом данной властью.

Следует учитывать, что Послание Вассиана Рыло и «Повесть о нашествии Тохтамыша» – памятники достаточно близких исторических эпох. Если во времена Дмитрия Донского (по крайней мере, насколько мы можем судить по свидетельствам Тр., Сим. и Рог.) отношение к ордынскому «царю» не выходило за рамки вассальной покорности перед Богом поставленной властью хана, то во второй половине следующего века *восприятие монголо-татар*, видимо, существенно менялось. В этот период отказ от борьбы «противу самого царя» воспринимался уже как нежелание защищать «христианское царство» от «нечестивых». Наоборот, борьба с «погаными», несмотря на бытовавшее долгие годы негативное отношение к этому «прародителей» современных великих князей, оказывается в этот период под духовным покровительством церкви и ее иерархов.

Однако помимо формулирования общих представлений о прерогативах и обязанностях великого князя в условиях нашествия Вассиан прибегает и к историческим аналогиям. В качестве главного примера для Ивана III он избирает... Дмитрия Донского. При первом рассмотрении кажется невероятным, что, убеждая великого князя до конца выполнить свой долг «пастыря», Вассиан находит черты, достойные для подражания, в историческом деятеле, поступившем противоположным образом – бросившем «духовное стадо».

Позволим себе высказать догадку по поводу появления столь парадоксальной аналогии. Ситуация 1480 года действительно настолько напоминала события 1382 года, что помимо Вассиана (только уже с противоположных позиций) на «опыт» Дмитрия Ивановича ссылались и оппоненты ростовского архиепископа, убеждавшие Ивана Васильевича покинуть Москву. Как указал В. П. Гребенюк, «бояре, отговаривая великого князя от битвы с Ахматом, ссылались на события 1382 года, когда “князь велики Дмитрей Иванович бежал на Кострому, а не бился с царем...”»³⁵ В этой связи вполне возможно, что упоминание Вассианом Дмитрия Донского носило в чем-то полемический характер. Архиепископ, вероятно, опасался того, что рассказ о малодушном поступке великокняжеского прадеда, к чьему авторитету апеллировали сторонники «пораженческой» тактики, сможет убедить Ивана III покинуть Москву. В этих условиях у Вассиана оставался единственный способ нейтрализовать аргументы своих противников: он сам обратился к образу Дмитрия Ивановича, но вспомнил при этом не трагический для Руси 1382, а победный 1380 год.

³⁵ Гребенюк В. П. Борьба с ордынскими завоевателями... С. 62.

О Дмитрие Вассиан рассказывает в панегирическом стиле как о человеке, «како не токмо до крове, но и до смерти» хотел «страдати за веру и за святые церкви, и за врученное ему от Бога словесное стадо Христовых овец, яко истинный пастырь, подобяся преже бывшим мученикам»³⁶. Полемический характер указанного сюжета Послания заметен в тексте произведения. Дело в том, что Вассиан, описывая победу Дмитрия над Мамаем, упоминает о том, как «всемилостивый Богъ дерзости его (Дмитрия. – В. Р.) ради не покосне, ни умедли, ни помяну *перваго его съгрешения*, но посла свою помощь, аггелы и святые мученики, помогати ему на супротивныа»³⁷. Возможно, что за словами Вассиана о «первом согрешении» Дмитрия как раз и скрывался поступок князя в 1382 году. Рассматриваемый Вассианом, так сказать, «в порядке поступления» (т.е. сначала оппоненты архиепископа напомнили Ивану III об отъезде Дмитрия в Кострому, а потом Вассиан дезавуировал их рассказ ссылкой на христианский подвиг великого князя на Куликовом поле), эпизод победы в 1380 году мог быть помещен великокняжеским духовником, вопреки реальной последовательности, *вслед* за событиями 1382 года (последний эпизод при этом становился «первым согрешением» великого князя).

Оценки поведения Дмитрия Донского, данные автором «Повести о нашествии Тохтамыша», представляются резко негативными по отношению к великому князю московскому, особенно в контексте пафоса Послания архиепископа Вассиана. Автор Повести – книжник XV века, видимо, исходя из современных ему представлений о должном поведении главы христианского государства, осуждающе отнесся к поступку человека XIV века – великого князя Дмитрия Ивановича. Герой Куликовской битвы в глазах автора Повести предстанет как правитель, в силу греховности и малодушия оставивший свою столицу, свою «паству», «святые церкви» и все «христианство» на разорение «поганым»³⁸. Перед лицом нашествия ордынского хана, полагает книжник XV века, поступки Дмитрия Ивановича оказываются далекими от идеалов поведения православного князя-воина, который скорее предпочел бы земную смерть от «руки поганых» и после

³⁶ ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 528.

³⁷ Там же. В переводе О. П. Лихачевой читаем: «Не вспомнил его *прежних* грехов» (см.: Там же. С. 529). Однако речь в тексте идет о «*первом согрешении*», причем слово «согрешение» стоит в единственном числе, что подразумевает наличие какого-то конкретного проступка Дмитрия, предшествовавшего описанным событиям. Видимо, в данном случае не может идти речь и об упоминании первородного греха, о котором якобы «Господь не вспомнил»: в тексте указано на то, что это согрешение лично Дмитрия («его согрешение»).

³⁸ Миллер О. Ф. О древнерусской литературе по отношению к татарскому игу // Древняя и новая Россия. 1876. № 5. С. 57.

– жизнь «вечную», чем жизнь земную, преходящую, полученную благодаря нарушению своих обязанностей «пред Богом и пред людьми»³⁹.

Как видим, личность и дела Дмитрия Донского получали неоднозначные оценки со стороны его современников и ближайших потомков. Возможно, правильнее будет говорить о нескольких ипостасях восприятия фигуры великого князя. С одной стороны, Дмитрий Иванович воспринимался как защитник Русской земли и православной веры, благочестивый и праведный князь. С другой стороны, он предстает как человек, поступки которого и через десятилетия после его смерти продолжали восприниматься как образчики недостойного, не должного поведения. Судя по всему, именно альтернативные образы Дмитрия Донского пытались запечатлеть составители летописей, помещая под 6890 годом «Повесть о нашествии Тохтамышша», где в скрытой форме осуждалось поведение князя, а вслед за этим – настоящий панегирик князю – «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго».

³⁹ Как показал И. М. Кудрявцев, согласно логике Вассиана Рыло, «великий князь несет ответственность не только перед народом, но и перед Богом, которым он поставлен во главе паствы; Бог взыщет с него за погибель паствы. От него не скроешься» (см.: *Кудрявцев И. М.* «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. Т. 8 М., Л., 1951. С. 177).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аверинцев С. С. 200

Адрианова-Перетц В. П. 37, 126, 154

Азбелев С. Н. 132

Александр, игумен Отроча монастыря в Твери 112, 120

Александр Великий, царь македонский 23, 106

Александр Ярославич (Невский), в.кн. владимирский 49, 133

Алексеев Ю. Г. 166, 168

Амелькин А. О. 12

Андреев И. Л. 16

Андрей Дмитриевич, кн. можайский и верейский 203

Андрей Первозванный, апостол 69

Аристов Н. Я. 89

Арцибашев Н. С. 180

Арциховский А. В. 193

Афремов И. Ф. 180, 185

Ашурков А. Н. 185

Ахмат, хан Большой Орды 164, 166–173, 210, 211, 213–215

Б

Батый, хан Золотой Орды 11, 12, 24, 41, 42, 44–55, 57, 61, 64, 66, 68, 72, 75–82, 84, 85, 90, 103, 104, 106, 108–110, 138, 143, 145, 146, 155, 173

Бахтин М. М. 181

Бегунов Ю. К. 129, 133

Белова О. В. 14, 15, 155

Бескровный Л. Г. 181, 185

Бестужев-Рюмин К. Н. 180

Бобров А. Г. 129, 204, 209, 210

Болховитинов Е. 86

Борис Владимирович, кн. ростовский, св. 147, 186, 187, 191

Борис Василькович, кн. ростовский 103

Борисов Н. С. 10

Бородихин А. Ю. 46–49, 54, 55, 64, 68, 75, 78

Буганов В. И. 131

Будовниц И. У. 23, 24, 35, 46, 55, 62, 63, 70, 75, 77, 81, 113, 175

Булакин Д. М. 20, 34, 35

Буслаев Ф. И. 9

В

Василий, кн. козельский 79

Василий I Дмитриевич, в. кн. московский 211

Василий II Васильевич, в. кн. московский 204

Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, св. 96, 158

Василий Новый, преп. 66

Василько Константинович, кн. ростовский 21, 23–25, 34, 35, 38–40, 50, 69, 74

Вассиан Рыло, архиепископ ростовский 9, 153, 163–173, 211–216

Веселовский А. Н. 66, 67

Вилинский С. Г. 66

Владимир Андреевич (Храбрый), кн. серпуховской 149, 158, 159, 179–189, 203, 208

Владимир Святославич, в. кн. киевский, св. равноап. 57, 114

Владимир Юрьевич, кн., сын Юрия Всеволодовича,
в.кн. владимирского 71

Водовозов Н. В. 20, 25

Возняк М. 87

Вороцова А. В. 16

Всволод Юрьевич, кн., сын Юрия Всеволодовича,
в.кн. владимирского 47, 61, 62, 69, 71, 72, 74, 79

Г

Гарькавый И. В. 23, 28, 30

Герасим, епископ коломенский 208

Геронтий, митрополит московский 169

Гизель, Иннокентий (Innozenz Giesel), архимандрит Киево-Печерской лавры, историк 130

Гладкова О. В. 16

Глеб Василькович, кн. белозерский 103

Глеб Владимирович, кн. муромский, св. 147, 186, 187, 191

Голиаф, филистимлянский воин (библ.) 156

Гонорий Августодунский (Honorius Augustodunensis), церковный писатель 193

Горский А. А. 10, 82, 118, 126, 129, 134–138, 145, 154, 157, 162, 164, 167, 168, 171, 173, 202–204

Горский А. В. 92

Гребенюк В. П. 16, 166, 211, 214
Греков Б. Д. 133, 181, 201, 204
Греков И. Б. 132, 201, 202
Григорий, епископ Нисский, св. 198
Григорий Богослов (Назианзин), архиепископ Константинопольский,
св. 96
Грушевский М. С. 87
Гудзий Н. К. 8, 59, 87, 88, 97, 127
Гуревич А. Я. 10, 67, 68, 187, 188, 192–195, 197

Д

Давид, царь (библ.) 93, 96
Даниил Романович, кн. волынский и галицкий 25, 26, 43, 55, 75, 81
Данилевский И. Н. 7, 10, 15, 37, 67, 138, 139, 175, 195
Девлет-Гирей, крымский хан 211
Демин А. С. 8, 15, 154, 184, 186
Джанибек, хан Золотой Орды 145
Димитрий, киевский тысяцкий 81
Дионисий, епископ нижегородский 53
Дмитриев Л. А. 29, 126–133, 136, 151, 154, 155, 169, 175, 179, 182, 183
Дмитриева Р. П. 126
Дмитриевский А. А. 188
Дмитрий Иванович (Донской), в. кн. московский и владимирский 13,
125, 132, 133, 137, 139, 141–162, 168, 201–216,
Дмитрий Константинович, в. кн. нижегородский и суздальский 55, 205
Дмитрий Михайлович Боброк (Волынец), кн., воевода 158, 159, 179–
189, 197, 199
Дмитрий Юрьевич Шмяка, кн. галицкий 204

Е

Евпатий Коловрат, рязанский боярин 12
Едигей, темник 164, 211
Елдега, ордынский восначальник 109, 110
Епифаний Премудрый, иеромонах Троице-Сергисва монастыря,
агиограф 198
Ермолаев И. П. 192, 193
Ефрем Сирин, преп. 81, 96, 107

З

Зелинский А. Н. 197, 198

Зимин А. А. 126, 129, 132, 182, 204

Зинченко В. П. 14

Зубов В. П. 193

И

Иафет, сын Ноя (библ.) 136

Иван III Васильевич, в. кн. московский 165–173, 210–215

Иван IV Васильевич (Грозный), царь, в. кн. московский 211

Игорь, кн. киевский 65, 67

Игорь Святославич, кн. новгород-северский 135, 140

Иннокентий IV, папа римский (в миру — Синибальдо Фиески, граф Лаваньи) 91

Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, св. 96

Иов, библ. 73, 85, 176

Иосиф Флавий (Josephus Flavius), древнееврейский историк 188

Истрин В. М. 23, 27, 29, 57, 59, 60, 65, 97, 98, 106

Иуда Искариот (библ.) 60, 149

К

Кавгадый, ордынский военачальник 115, 116, 118--121

Каменцева Е. И. 192, 194

Карамзин Н. М. 180, 181, 189

Каргалов В. В. 85, 180

Каспржак А. Г. 16

Киприан, митр. московский и всея Руси, св. 153, 205

Кирик Новгородец, диакон Антонисва монастыря в Новгороде 193

Кирилл, митр. киевский и всея Руси 49, 51, 59, 60

Кириллин В. М. 10, 16, 195, 197, 199

Киртичников А. Н. 181, 184, 190

Кияшко В. Я. 67, 192, 193

Клибанов А. И. 10, 139

Климишин И. А. 192

Клосс Б. М. 12, 112, 131–133, 181, 190

Ключевский В. О. 112

Колобанов В. А. 87, 88, 93

Комарович В. Л. 22, 23, 47, 48, 51, 52, 64, 66

Кон И. С. 13, 14

Константин XI Палеолог (Драгаш), византийский император 207

Константин Всеволодович, кн. ростовский, в. кн. владимирский 21, 50, 51

Константин Михайлович, кн. дорогобужский, в. кн. тверской 120

Конявская Е. Л. 16, 112, 113, 116, 209
Копелев Л. З. 14
Костомаров Н. И. 180
Кром М. М. 175
Кудрявцев И. М. 9, 164, 165, 170–172, 216
Кузьмин А. Г. 12, 48
Купреянова Е. Н. 110, 139
Кусков В. В. 8, 27, 93, 188
Кучкин В. А. 10, 46, 48, 49, 54, 55, 58, 63–65, 70, 76, 77, 81, 88, 96, 99,
101, 103, 104, 109, 111–114, 116–118, 121, 126–129, 132, 133, 181,
185, 190, 202–204

Л

Лаврентий, монах 51–53
Лазарь, сербский монах 193
Лаушкин А. В. 105, 109
Ле Гофф Ж. (Jacques Le Goff) 67, 187, 192
Лихачев Д. С. 12, 20–23, 25, 35, 37, 47, 48, 50, 58, 64, 66, 82, 127, 135,
136, 175, 198, 203
Лихачева О. П. 136, 155, 215
Лотман Ю. М. 188
Лурье Я. С. 22, 23, 26, 53, 54, 64, 75, 113, 126–129, 131, 165, 166, 170,
203, 209

М

Мавродин В. В. 175
Макарий (Булгаков М. П.) 88, 96, 105, 181
Макогоненко Г. П. 110, 139
Мамай, темник 125, 135–137, 139, 141–164, 168, 201, 202, 215
Мария Михайловна, кн. ростовская, дочь Михаила Всеволодовича, кн. черниговского 50
Марков А. 130
Матвей Парижский (Mathcus Parisiensis), английский хронист, монах монастыря Сент-Олбанс 91
Матузова В. И. 92
Мефодий, епископ Патарский, св. 23, 27–29, 36, 43, 44, 56–60, 65,
96–98, 106, 135
Мещерский Н. А. 188
Миллер О. Ф. 215
Митрофан, епископ владимирский и суздальский 61, 62, 71, 77, 79, 80

Митрофан, епископ коломенский и каширский 133
Михаил Бренк, воевода 153, 207
Михаил Всеволодович, кн. черниговский, св. 50, 102–111, 113, 122
Михаил Ярославич, кн. тверской, в. кн. владимирский, св. 54, 102, 108, 111–120, 154
Моисеева Г. Н. 126
Моисей, пророк (библ.) 150
Мстислав Ярославич (Немой), кн. Галицкий и дорогобужский 30, 31
Мстислав Романович (Старый), в. кн. киевский 37, 106
Мстислав Мстиславович (Удатный), кн. торопецкий и галицкий 37
Мстислав Глебович, кн. черниговский 78
Мстислав Юрьевич, кн., сын Юрия Всеволодовича, в. кн. владимирского 47, 69, 71, 72, 74
Мунехин Мисюрь, Михаил Григорьевич, московский дьяк 197
Мурьянов М. Ф. 194

Н

Навуходоносор, царь Вавилонии 118
Назаревский А. А. 127
Назаренко А. В. 92
Назаров В. Д. 166, 211
Назаров И. 129
Насонов А. Н. 47, 48, 50–52, 54, 64
Невоструев К. И. 92
Нестор-Искандер, предполагаемый автор Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г. 207
Нечаев С. Д. 185

О

Олег Иванович, кн. рязанский 148, 149, 152, 153, 155
Ольгерд (Algirdas), в. кн. литовский 131
Оксиюк М. Ф. 198
Орлов А. С. 35, 129, 154, 207
Ослябя Андрей, инок Троице-Сергиевского монастыря 132
Остей, кн. литовский, воевода 206, 207
Охотникова В. И. 114, 116–120, 154

П

Пак Н. И. 103–105, 107, 110, 112, 113, 116, 122
Пахомий Логофет (Серб), др. рус. книжник 105

Пацуро В. Т. 20, 31, 92
Пересвет Александр, инок Троице-Сергиевского монастыря 12, 132, 139, 156
Пересветов Иван, писатель, публицист 132
Першин М. Ф. 114
Петр, апостол 154
Петр Ослядюкович, воевода 71, 72, 74
Петухов Е. В. 86–89, 91
Пипуныров В. Н. 193
Плигузов А. И. 126, 128, 131, 185
Плугин В. А. 10
Подосинов А. В. 188
Подскальски Г. 74, 88, 91, 97, 98
Покровская В. Ф. 89
Полубояринова М. Д. 102
Порфирьев И. 87
Поршнев Б. Ф. 15
Потапов П. О. 27
Приселков М. Д. 21, 22, 35, 49–51, 54, 64
Прозоровский Д. И. 192
Пронштейн А. П. 67, 192, 193
Прохоров Г. М. 24, 52–54, 64, 65, 69, 70, 209
Пытин А. Н. 83, 98, 99

Р

Ржига В. Ф. 127
Робинсон А. Н. 198
Рогачевская Е. Б. 16
Роман Ингваревич, кн. рязанский и коломенский 60, 61
Романов В. К. 24, 40, 43, 75
Рублев Андрей, иконописец, преп. 198
Рудаков В. Н. 6–7, 12, 72, 174
Рыбаков Б. А. 11, 37

С

Салмина М. А. 127–129, 131–133, 144, 182, 201–204, 209
Самарин А. Ю. 16
Сахаров В. 81, 107
Свердлов М. Б. 19–21, 23, 25, 35, 37
Святополк Окаянный, кн. туровский 149

Серапион, епископ владимирский 42, 51, 59, 80, 82, 86–100, 146, 147
Сергий Радонежский, преп. 12, 133, 158, 197
Серебрянский Н. И. 102–113
Сим, сын Ноя (библ.) 136, 137, 140
Симонов Р. А. 197, 199
Синицына Н. В. 9, 165, 171, 173
Скриптиль М. О. 182
Скрынников Р. Г. 185
Соловьев А. В. 127, 135, 137
Соловьев С. М. 180, 189
Софья (Зоя) Палеолог, в.кн. московская 169, 210, 211
Сперанский М. Н. 87
Срезневский И. И. 32, 38, 80, 154, 188, 205, 206
Степанов Н. В. 192–195
Степанов Ю. С. 14, 15

Т

Татищев В. Н. 183
Творогов О. В. 86, 126
Тит Флавий Веспасиан, (Titus Flavius Vespasianus), римский император 93, 117
Тихомиров Д. И. 185
Тихомиров И. А. 49
Тихомиров М. Н. 37, 126, 127, 131, 133, 190, 202, 204
Тихомиров Н. С. 92
Топоров В. Н. 9, 88, 91, 96
Тохтамыш, хан Золотой Орды 143, 144, 164, 201–216
Трубецкой Н. С. 9

У

Ужаиков А. Н. 16, 25, 26, 43, 55
Узбек, хан Золотой Орды 117–120

Ф

Федотов А. 37
Федотов Г. П. 138
Феодор, черниговский боярин 102–105, 107–109, 112
Феннел Дж. 48, 50, 54
Фехнер М. В. 185
Филипп Нянка, московский восвода 69

Филофей, монах Елсазарова монастыря во Пскове 197
Фока (Каппадокиец), византийский император 117
Фома Сплитский, (Foma Splitskij), архидьякон, хронист 92
Фома Кацыбей (Кацыбеев), разбойник 186, 187

Х

Хорошев А. С. 110, 122, 175
Хорошкевич А. Л. 128, 185

Ч

Черепнин Л. В. 31, 192, 193, 202, 204
Чернягин Б. М. 193
Чингисхан, в. хан Монгольской империи 9

Ш

Шамбинаго С. К. 10, 27, 83, 99, 127, 130, 131, 181, 182
Шахматов А. А. 10, 21, 22, 37, 49, 58, 127–132, 166, 181, 203, 209
Шахматов М. В. 10
Шевырев А. С. 91
Шевяков В. Н. 11

Щ

Щапов Я. Н. 86

Э

Экземплярский А. В. 181
Эммаусский А. В. 20, 35

Ю

Юрганов А. Л. 202
Юрий Всеволодович, в.кн. владимирский 38, 40, 50, 61, 62, 69, 71, 73,
74, 79, 160
Юрий Данилович, в.кн. владимирский, кн. московский 118, 119, 121

Я

Ягайло (Jogaila), в.кн. литовский, король Речи Посполитой 130, 131,
148, 149
Якубовский А. Ю. 133, 181, 201, 204
Ярослав Всеволодович, в.кн. владимирский, в.кн. киевский, кн.
перяславский 74, 50, 54

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Основные источники:

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
2. Задонщина // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 535–556.
3. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.
4. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1–3. Изд. 2-е. Л., 1926–1928.
5. Новгородская I летопись // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
6. Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1–2. Пг.; Л., 1915–1925.
7. Новгородская IV летопись по списку Дубровского // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925.
8. Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002.
9. Повесть временных лет // Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996.
10. Повесть о нашествии Тохтамыша (по Новгородской Карамзинской летописи) // ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 190–207.
11. Повесть о Михаиле Тверском // Охотникова В. И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 16–27.
12. Повесть о Михаиле Черниговском // Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 48–86 (второй пагинации).
13. Послание на Угру Вассиана Рыло // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 522–537.
14. Поучения Серапиона Владимирского // ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 440–455.
15. Правило Кюрила Митрополита Русского // Русские достопамятности, издаваемые ОИДР. Ч. 1. М., 1815.
16. Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922.
17. Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913.
18. Слово о полку Игореве // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 372–387.
19. Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963.

20. Сказание о Мамаевом побоище (по опубликованным спискам):
БАН.37.7.30 (II Остермановский том Лицевого летописного свода)
// Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI века. Л., 1984.
БАН.32.14.8 // Сказания и повести о Куликовской битве. М., Л., 1982. С. 49–72.
ГИМ. собр. Забелина. № 261 // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 163–206.
ГИМ. собр. Уварова № 999а // Сказание о Мамаевом побоище. Лицевая рукопись из собрания ГИМ. М., 1980.
ГИМ. собр. Уварова № 1435 // Сказание о Мамаевом побоище. Историко-литературоведческий очерк. Кн. 1, М., 1980.
РНБ Ф. IV.228 // Сказания и повести о Куликовской битве. М., Л., 1982. С. 103–130.
РНБ О. IV.22 // Сказания и повести о Куликовской битве. М., Л., 1982. С. 25–48.
РНБ Q.XVII.223 // Сказания и повести о Куликовской битве. М., Л., 1982. С. 73–102.
РНБ. собр. Погодина № 1595 // Русские повести XV–XVI вв. Сост. М. О. Скриппиль. М.; Л., 1958. С. 16–38.
СПб филиал ИРИ РАН № 251 // ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 125–145.
Cotton MS, Vitellius F.x. (Лондонский список Вологодско-Пермской рукописи) // ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 328–341.
Соборное послание Российского духовенства великому князю Иоанну Васильевичу на Угрю // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. (1334–1598 гг.). СПб., 1841. С. 137–138.
Софийская I летопись // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853.
Софийская I летопись по списку И. Н.Царского // ПСРЛ. Т. 39. М., 1994.
Троицкая летопись // Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Литература:

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
2. Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948.

3. Адрианова-Перетц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Т. 28. М.; Л., 1974.
4. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.
5. Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники: Сб. статей. 1976, М., 1976. С. 78–101; Летописи и хроники: Сб. статей. 1980, М., 1981.
6. Азбелев С. Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской Летописи Дубровского // Летописи и хроники. Сб. статей. 1973. М., 1974.
7. Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
8. Аристов Н. Я. Заметка о поучениях епископа Серапиона // Труды III Археологического съезда. Т. 2. Киев, 1878.
9. Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
10. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
11. Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966.
12. Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2007.
13. Бескровный Л. Г. Куликовская битва // Куликовская битва: Сб. статей. М., 1980.
14. Бестужев-Рюмин К. Н. О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище. СПб., 1865.
15. Бибииков М. В. Византия – славянский мир – Русь – христианство: По материалам дискуссий XVI Международного конгресса исторических наук (Штутгарт, 1985 г.) и XVII Международного конгресса византинистов (Вашингтон, 1986 г.). Обзор // Культура и общество Древней Руси (X–XVII вв.). Зарубежная историография. Реферативный сборник. Ч. 1. М., 1988.
16. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
17. Болховитинов Е. Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок. Киев, 1831.
18. Борисов Н. С. Куликовская битва и некоторые вопросы духовной жизни Руси XIV–XV вв. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1980. № 5.
19. Борисов Н. С. Русская культура и монголо-татарское иго. АКД. М., 1976.

20. Бородихин А. Ю. Цикл повестей о нашествии Батгя в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. АКД. Новосибирск, 1989.
21. Бородихин А. Ю. Цикл повестей о нашествии Батгя в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. Машинопись. Новосибирск, 1989.
22. Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского свода кон. XV – нач. XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей. М., 1963.
23. Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. XI–XIV вв. М.; Л., 1960.
24. Буланин Д. М. Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987.
25. Буслаев Ф. И. История русской литературы. (Лекции, читанные Его Императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. 1859–1860 гг.). Вып. 2. М., 1905.
26. Вселовский А. Н. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // ЖМНП. Ч. 261. 1889. Январь.
27. Вилинский С. Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 1. // Записки историко-филологического факультета Новороссийского университета. Вып. 6. Одесса, 1911.
28. Водовозов Н. В. Повесть о битве на Калке // Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 67. Вып. 6. М., 1957
29. Возняк М. История украинской литературы. Ч. 1. Львов, 1920.
30. Гамезо М. В., Домашенко И. А. Атлас по психологии. Изд. 2-е., доп. и испр. М., 1998.
31. Гарькавый И. В. «Измаильтяпе» или «нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998.
32. Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...». Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001.
33. Горский А. А. Историко-поэтическая концепция «Задонщины» // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X – нач. XX вв.: Сб. науч. труд. Вып. 1. М., 1990.
34. Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.

35. Горский А. А. Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты // Отечественная история. 1998. № 4.
36. Горский А. А. О времени и обстоятельствах освобождения Москвы от власти Орды // Вопросы истории. 1997. № 5.
37. Горский А. А. О титуле «царь» в средневековой Руси // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996.
38. Горский А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
39. Горский А. А. Представления о защите Отечества в средневековой Руси (XI–XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. статей. М., 1994.
40. Горский А. А. Проблема изучения «Слова о погибели Русской земли» (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л., 1990.
41. Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. II. Ч. 3. М., 1862.
42. Гребенюк В. П. Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы первой половины XV века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980.
43. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
44. Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.
45. Греков И. Б. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» // Советское славяноведение. 1970. № 6.
46. Грушевский М. С. История украинской литературы. Ч. 1. Т. 3. Кн. 3. Киев; Львов, 1923.
47. Гудзий Н. К. Где и когда протскала литературная деятельность Серапиона Владимирского? // ИЮЛЯ. 1952. Т. 2. Вып. 5.
48. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 6-е, испр. М., 1956.
49. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
50. Гуревич А. Я. Представления о времени в средневековой Европе // История и психология: Сб. статей. М., 1971.
51. Данилевский И. Н. Библия и Повесть временных лет (К проблеме интерпретации летописного текста) // Отечественная история. 1993. № 1.

52. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1998.
53. Данилевский И. Н. Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1995. № 5.
54. Данилевский И. Н. Библиизмы Повести временных лет // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 3. М., 1992.
55. Данилевский И. Н. Западноευропейские земли в летописном понятии «Русская земля» // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М., 1996.
56. Демин А. С. Древнерусская литературная анималистика // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995.
57. Демин А. С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993.
58. Демин А. С. «Языци»: неславянские народы в русской литературе XI–XVIII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991.
59. Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966.
60. Дмитриев Л. А. Куликовская битва в литературных памятниках Древней Руси // Русская литература. 1980. № 3.
61. Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
62. Дмитриев Л. А. Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974.
63. Дмитриев Л. А. Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. М., 1959.
64. Дмитриев Л. А. Отровенис Мсфодия Патарского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987.
65. Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955.
66. Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989.
67. Дмитриев Л. А., Лихачева О. П. Историко-литературный комментарий // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
68. Дмитриева Р. П. Взаимоотношения списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники

- Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966.
69. Дмитриева Р. П. Некоторые итоги изучения текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1976. № 2.
 70. Дмитриева Р. П. Об авторе «Задонщины» // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
 71. Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996.
 72. Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга-резюме. М., 1996.
 73. Замалеев А. Ф. Восточнославянские мыслители. Эпоха Средневековья. СПб., 1998.
 74. Зелинский А. Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст. 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978.
 75. Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991.
 76. Зимин А. А. Две редакции «Задонщины» // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 24. Вып. 2. М., 1966.
 77. Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли сер. XVI в. М., 1958.
 78. Зимин А. А. Когда было написано «Слово»? // Вопросы литературы. 1967. № 3.
 79. Зимин А. А. Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1967. № 1.
 80. История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1945.
 81. История русской литературы. Т. 1. М., 1958.
 82. История русской литературы. Т. 1. Л., 1980.
 83. История русской литературы. М., 1980.
 84. Истрин В. М. Исследования в области древне-русской литературы. СПб., 1906.
 85. Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследования и тексты. М., 1897.
 86. Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и летопись // ИОРЯС. 1925. Т. 29.
 87. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.

88. Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1984.
89. Кириллин В. М. Епифаний Премудрый: умозрение в числах о Сергии Радонежском // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6. Ч. 1. М., 1994.
90. Кириллин В. М. Символика чисел в древнерусских сочинениях XVI века // Естественнонаучные представления в Древней Руси. М., 1988.
91. Кириллин В. М. Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище». М., 2007.
92. Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980.
93. Клибанов А. И. «О светло светлая и красно украшенная земля Русская!» // Новый мир. 1980. № 9.
94. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1–2. М., 1997–1998.
95. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
96. Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoriam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997.
97. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (репринтное издание – М., 1988).
98. Колобанов В. А. К вопросу о датировке первого «Слова» Серапиона Владимирского // Ученые записки Владимирского педагогического института. Вып. 4. Владимир, 1958.
99. Колобанов В. А. О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Поучения к попам» // ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958.
100. Колобанов В. А. Общественно-литературная деятельность Серапиона Владимирского. АКД. Л.; Владимир, 1962.
101. Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976.
102. Комарович В. Л. Лаврентьевская летопись // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1945.
103. Комарович В. Л. Литература Рязанского княжества XIII–XIV вв. // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1945.
104. Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология: Сб. статей / Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анциферовой. М., 1971.
105. Кон И. С. Психология предрассудка // Новый мир. 1966. № 9.
106. Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007.

107. Конявская Е. Л. Повести о Шевкале // Литература Древней Руси: Источниковедение: Сб. статей. Л., 1988.
108. Копелев Л. З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994.
109. Костомаров Н. И. Куликовская битва. М., 1864.
110. Кром М. М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994.
111. Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. Т. 8. М.; Л., 1951
112. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до сер. XVI в. М., 1965.
113. Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976.
114. Кусков В. В. История древнерусской литературы. Изд. 5-е, испр. и доп. М., 1989.
115. Кучкин В. А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5–6.
116. Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей. М., 1990.
117. Кучкин В. А. К датировке «Задонщины» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
118. Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – нач. XX в.: Сб. науч. тр. Вып. 1. М., 1990.
119. Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8.
120. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском (историко-текстологическое исследование). М., 1974.
121. Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999.
122. Лаушкин А. В. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 6.
123. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
124. Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы. Т. 2. Л., 1987.
125. Лихачев Д. С. «Задонщина» // Литературная учеба. 1941. № 3.

126. Лихачев Д. С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани» // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.
127. Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996.
128. Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV в.). М.; Л., 1962.
129. Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского централизованного государства (XIV – начало XVI в.). Л., 1946.
130. Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949.
131. Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961.
132. Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945.
133. Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб, 1996.
134. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
135. Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1983.
136. Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины» (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.
137. Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов (1864–1920): Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947.
138. Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992.
139. Лурье Я. С. Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV–XV вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970.
140. Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

141. Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977.
142. Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV века // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955.
143. Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись – свод начала XIV века // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974.
144. Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1975. М., 1976.
145. Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
146. Мавродин В. В. Проблема развития национального самосознания на Руси в кон. XII – нач. XV в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974.
147. Макарий (Булгаков М. П.) История русской церкви. Кн. 3. Отдел 1. М., 1995.
148. Марков А. [Рецензия на С.Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906] // ЖМНП. Ч. 14. 1908. Апрель.
149. Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.
150. Месяцеслов (8 сентября) // Настольная книга священнослужителя. Т. 2. М., 1978.
151. Миллер О. Ф. О древнерусской литературе по отношению к татарскому игу // Древняя и новая Россия. Т. 2. 1876.
152. Мингалев В. С. «Летописная Повесть» – источник «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 24. Вып. 2. М., 1966.
153. Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. АКД. М.; Вильнюс, 1971.
154. Минея Общая. М., 1993.
155. Минея. Сентябрь. М., 1978.
156. Монтень М. Опыты. Кн. 1. М.; Л., 1954.
157. Моисеева Г. Н. К вопросу о датировке «Задонщины». (Наблюдения над пражским списком «Сказания о Мамаевом побоище») // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979.
158. Назаревский А. А. «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956.
159. Назаренко А. В. Русь и монголо-татары в Хронике сплитского архидьякона Фомы (XIII в.) // История СССР. 1978. № 5.

160. Назаров В. Д. Конец золотоордынского ига // Вопросы истории. 1980. № 10.
161. Назаров В. Д. Свержение ордынского ига. М., 1983.
162. Назаров И. Сказания о Мамаевом побоище // ЖМНП. Ч. 99. 1858. Июль-август.
163. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.
164. Насонов А. Н. Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII века // Проблемы источниковедения. Т. 11. М., 1963.
165. Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.
166. Окснюк М. Ф. Эсхатология св. Григория Нисского: Историко-догматическое исследование. Киев, 1914.
167. Орлов А. С. Героические темы древнерусской литературы. М.; Л., 1945.
168. Орлов А. С. Литературные источники Повести о Мамаевом Побоище // ТОДРЛ. Т. 2. М.; Л., 1935.
169. Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902. Кн. 4.
170. Охотникова В. И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1985.
171. Очерки истории СССР. Период феодализма. Ч. 1–2. М., 1953.
172. Пак Н. И. Краткая характеристика редакций Повести о Михаиле Черниговском // Литература Древней Руси. М., 1988.
173. Пак Н. И. Некоторые исторические замечания к летописной «Повести о Михаиле Черниговском» // Литература Древней Руси. М., 1981.
174. Пак Н. И. Новый список Повести о Михаиле Тверском и службы ему // Литература Древней Руси. М., 1986.
175. Пак Н. И. Повесть о Михаиле Черниговском в историко-литературном процессе XIII–XV вв. (Текстология, жанровое и структурно-стилевое своеобразие.) АКД. М., 1986.
176. Пак Н. И. Стилевое своеобразие повестей об убиенных князьях великих в составе Великих Миней Четых митрополита Макария // Художественно-исторические памятники Можайска и русская культура XV–XVI вв. Можайск, 1993
177. Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

178. Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость. М., 1956.
179. Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
180. Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888.
181. Плигузов А. И. [Комментарии] // Живая вода Непрядвы. М., 1988.
182. Плугин В. А. Мировоззрение Андрея Рублева. Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974.
183. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.
184. Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
185. Порфирьев И. История русской словесности. Ч. 1. Казань, 1909.
186. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. 2-е изд. испр. и доп. М., 1979.
187. Потапов П. О. К вопросу о литературном составе летописи // Русский филологический вестник. 1911. Т. 65. № 1
188. Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
189. Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Изд. 2-е. Ростов н/Д, 1976.
190. Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология. М., 1981.
191. Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // ВИД. Т. 4. Л., 1972.
192. Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977.
193. Прохоров Г. М. Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987.
194. Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987.
195. Прохоров Г. М. Повесть о Батысвом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974.
196. Пыпин А. Н. История русской литературы. Изд. 4-е. Т. 1. СПб., 1911.
197. Ржиги В. Ф. Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV века // Повести о Куликовской битве. М., 1959.
198. Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980.

199. Романов В. К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980 г. В. Н.Татищев и изучение русского летописания. М., 1981.
200. Рудаков В. Н. Борьба с ордынцами глазами древнерусских книжников // Румянцевские чтения. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Книга и культура мира в России» (20–21 апреля 2000 г.). М., 2000.
201. Рудаков В. Н. Восприятие «чужих» народов как элемент этнического самопознания // Материалы 40-й научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и научных сотрудников МГУП. Ч. 2. М., 2000.
202. Рудаков В. Н. «Духъ южны» и «осьмый час» в «Сказании о Мамаевом побоище» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998 (в печати).
203. Рудаков В. Н. Отображение монголо-татар в древнерусской литературе середины XIII–XV века. Эволюция представлений, сюжетов и образов. АКД. М., 1999.
204. Рудаков В. Н. Поведение Дмитрия Донского в оценке автора «Повести о нашествии Тохтамыша» // Проблемы источниковедения истории книги. Межведомственный сборник научных трудов. Вып. 1. М., 1997.
205. Рудаков В. Н. Смантика хронометрического указания в древнерусской книжности (на материале «Сказания о Мамаевом побоище») // Букинистическая торговля и история книги. Межведомственный сборник научных трудов. Вып. 5. М., 1996.
206. Рудаков В. Н. Сыновья великого князя во время осады Владимира: к проблеме восприятия борьбы с монголо-татарами в летописании // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998.
207. Рудаков В. Н. Хронологические указания о событиях 8 сентября 1380 года в памятниках Куликовского цикла // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 29–31 января 1996 г. М., 1996.
208. Рудаков В. Н. Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // Одиссей-2003. М., 2003.
209. Русское народное творчество. Т. 1. М.; Л., 1953.
210. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1993.

211. Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной Повести» о Куликовской битве» // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977.
212. Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974.
213. Салмина М. А. «Летописная Повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966.
214. Салмина М. А. Повесть о Куликовской битве летописная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989.
215. Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Т. 39. Л., 1979.
216. Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879.
217. Свердлов М. Б. Дополнения // Повесть временных лет. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996.
218. Свердлов М. Б. К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // Вестник ЛГУ. № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. Л., 1963.
219. Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
220. Симонов Р. А. Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси. По данным русской средневековой книжной культуры. М., 2007.
221. Симонов Р. А. Объяснение оригинальной трактовки «качеств» хронократоров в древнерусском астрологическом тексте XV века // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. М., 1992.
222. Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) М., 1998.
223. Скрынников Р. Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
224. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1–4. М., 1988–1991.
225. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1–2. Л., 1987–1989.
226. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–23. М., 1975–1997.
227. Служба на день Рождества Пресвятой Богородицы. М., 1765.
228. Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи // ТОДРЛ. Т. 14. М., Л., 1958.
229. Сперанский М. Н. История древнерусской литературы. М., 1914.

230. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.
231. Старославянский словарь по рукописям X–XI вв. М., 1994.
232. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
233. Творения, иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Кападокийской. Толкования на пророка Исайю. Т. 5. Ч. 2. М., 1845.
234. Творогов О. В. Серапион // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987.
235. Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966.
236. Тихомиров И. А. О сборнике, именуемом Тверской летописью // ЖМНП. 1876. Декабрь.
237. Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. М., 1947.
238. Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959.
239. Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.; Л., 1940.
240. Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.
241. Тихомиров М. Н. Средневсковая Москва в XIV–XV веках. М., 1957.
242. Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 1. М., 1898.
243. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1–2. М., 1998.
244. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин. 1925.
245. Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1 (XI–XVI вв.). М., 1989.
246. Федотов А. О значении слова Русь в наших летописях // Русский исторический сборник. М., 1837. Т. 1.
247. Федотов Г. П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.
248. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
249. Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986.

250. Хорошкевич А. Л. О месте Куликовской битвы // История СССР. 1980. № 4.
251. Черепнин Л. В. Монголы на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Европе и Азии: Сб. статей. Изд. 2-е. М., 1977.
252. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.
253. Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 84–134.
254. Шамбинаго С. К. Русское общество и татарское иго // Русская история в очерках и статьях. Т. 1. М., 1909.
255. Шамбинаго С. К. Исторические повести конца XIV и XV вв. // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1945.
256. Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
257. Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. Ноябрь.
258. Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910.
259. Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л., 1940.
260. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
261. Шахматов М. В. Отношение древнерусских книжников к татарам // Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Т. 1. Белград, 1929.
262. Шевырев А. С. Обзорение русской словесности в XIII в. // ИОРЯС. СПб., 1854. Т. 3.
263. Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
264. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. 1. СПб., 1889.
265. Эммаусский А. В. Летописные известия о первом нашествии монголо-татар на Восточную Европу // Ученые записки Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Факультет историко-филологический. Вып. 17. Т. 1. Киров, 1958.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКД – автореферат на соискание ученой степени кандидата наук.
- ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины.
- ВИ – Вопросы истории.
- ВЛ – Вопросы литературы.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
- ИМЛИ РАН – Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук.
- ИОЛЯ – Известия Отделения литературы и языка Академии наук.
- ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Академии
наук.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
М.: Л., 1950.
- ОИ – Отечественная история.
- ОР ГИМ – Отдел рукописей Государственного исторического музея.
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- ПВЛ – Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц.
Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996.
- ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси: В 12 кн. М., 1979–1994.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- РЛ – Русская литература.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.
- ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской
литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских при
Московском университете.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Введение 8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Восприятие монголо-татар в произведениях древнерусской литературы середины XIII – первой четверти XIV века 17

Очерк первый

Монголо-татары в ранних летописных повестях

о битве на Калке 19

Литературная история ранних летописных известий

о событиях 1223 года 20

«Придоша языци незнаеми, их же добре никто не весть» 26

Очерк второй

Образы монголо-татар в ранних летописных повестях

о нашествии Батыя 45

Литературная история ранних летописных известий

о событиях монголо-татарского нашествия 46

«Иноплеменники, глаголемии Татарове» 55

Очерк третий

Представления о монголо-татарах

в «Поучениях» Серапиона Владимирского 86

Очерк четвертый

Изображение ордынцев в ранних редакциях

житийных повестей об убисных в Орде князьях 102

Монголо-татары в «Повести о Михаиле Черниговском» 102

Монголо-татары в «Повести о Михаиле Тверском» 111

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Восприятие монголо-татар в произведениях
древнерусской литературы конца XIV–XV века 123

Очерк пятый

Ордынцы в произведениях «куликовского цикла»..... 125

Литературная история памятников «куликовского цикла»... 125

Монголо-татары в «Задонщине» 134

Изображение монголо-татар в краткой летописной

Повести «О великом побоище, иже на Дону» 141

Эволюция образов монголо-татар в пространной

летописной Повести о Куликовской битве..... 145

«Погаanye» в «Сказании о Мамаевом побоище» 150

Очерк шестой

«Безбожные супостаты» в «Послании на Угру»
ростовского архиепископа Вассиана Рыло 164

Заключение..... 174

Приложения 177

Приложение 1

«Духъ южны» и «осьмый час» в «Сказании о Мамасвом побоище»
(*К вопросу о восприятии победы над «погаными»
в памятниках «куликовского цикла»*) 179

Приложение 2

Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского
(*Бегство великого князя из Москвы
в оценке древнерусского книжника*) 201

Именной указатель 217

Библиографический список источников и литературы 226

Список сокращений 243

Владимир Николаевич Рудаков

**МОНГОЛО-ТАТАРЫ
ГЛАЗАМИ ДРЕВНЕРУССКИХ КНИЖНИКОВ
СЕРЕДИНЫ XIII–XV ВВ.**

Редактор А. С. Усачев
Художественный редактор А. Ю. Никулин
Корректоры Л. С. Барышникова, М. Михайлова
Верстка Н. А. Шакиров

Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 15, 5. Тираж 1 000. Заказ № 1836

Издательство «Квадрига»
Издатель С. Т. Корнеев

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-904162-09-2

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «КВАДРИГА»
В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫЙДЕТ В СВЕТ:

**Сборник материалов Семинара по военной археологии
при Государственном Историческом музее
«Военная археология». Вып. 2. 200 с. + илл.**

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи

- Радюш О. А.* Предметы вооружения и кавалерийского снаряжения памятников зарубинской культуры;
Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения и снаряжения коня и всадника из казачьих слобод Елифанского уезда;
Курбатов О. А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI до середины XVII в.

Сообщения

- Негин А. Е.* ARMAMENTARIUM в постоянном лагере легиона: проблема идентификации арсеналов и особенности хранения вооружения;
Козленко А. В. Использование плюмбат в римской армии IV–VI вв.;
Баранов Г. В. Об одном типе неметаллической защиты византийской армии;
Каинов С. Ю. Новые данные о мече с Сарского городища;
Пьянков А. В., Цокур И. В. О реконструкциях сабли из могильника Колосовка-1 (Адыгся);
Плавинский Н. А. Один из типов мечей XI–XIII вв. с территории Беларуси;
Коровкин Д. С. Снаряжение всадника из погребения около города Энгельса в Саратовском Заволжье (новые данные);
Стрельченко А. В. Немецкий меч XV в. из Беларуси;
Бобров Л. А. Позднесредневековый «татарский» шлем с комбинированной бармицей;
Курмановский В. Сабля из раскопок 1988 г. на площади Куйбышева (Москва).

Обзоры

- Меньшиков М. Ю., Янишевский Б. Е., Балашов А. Ю.* Предметы вооружения из раскопок 2005–2008 гг. в Можайске;
Двуреченский О. В. Археологические работы 2004–2008 гг. на Бородинском поле.

Историография

- Двуреченский О. В.* Историография изучения вооружения Московской Руси конца XV – начала XVII вв.

Библиография

- Каинов С. Ю.* Обзор новой литературы по военной археологии и оружейведению.

Получить информацию и сделать заказы можно на сайте: www.militaryhistory.ru,
по e-mail: ivan.mg@mail.ru или телефону 253-92-91.

Ордынская тема – важнейшая в средневековой русской литературе. Монгольское нашествие представляло собой рубежный момент в истории Руси и именно так воспринималось современниками событий и ближайшими потомками.

Реконструкция представлений о монголо-татарах, предпринятая на материале памятников древнерусской литературы, позволила определить наиболее важные аспекты восприятия ордынцев, проследить эволюцию взглядов средневековых авторов на феномен завоевания и выявить наиболее характерные способы изображения «поганых». Интерпретация деталей описания, содержащих оценочные характеристики монголо-татар, позволила выявить установки сознания XIII–XV веков, определявшие систему координат, с которой древнерусские книжники подходили к осмыслению и изображению происходящих событий.

ISBN 978-5-904162-09-2

9 785904 162092